

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

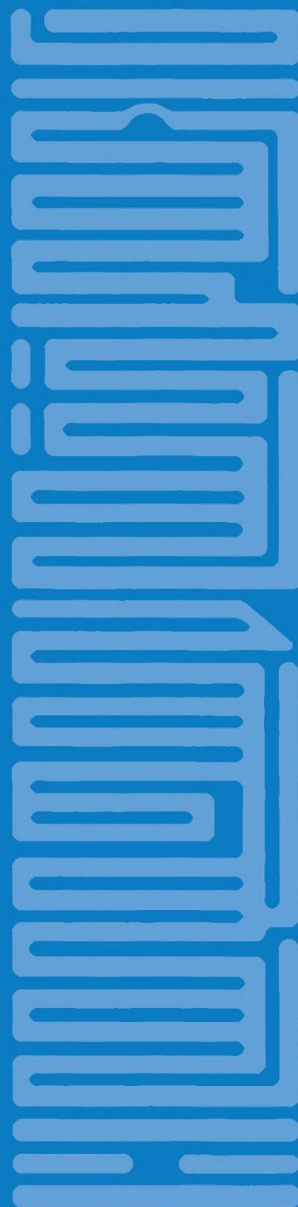
Монгол судлал

Mongolian Studies
(Elista)

T. 16

№ 1

2024

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2024. Т. 16. № 1

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2024

© Коллектив авторов, 2024

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration III No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимая**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **В. В. Грайворонский**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундэжуров**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии (Монголия,
г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия,
г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова
Верстка: А. Н. Когданов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa*, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan*, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova*, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova*, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov*, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- V. V. Graivoronsky*, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- C. Humphrey*, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova*, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt*, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev*, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva*, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov*, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova*, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev*, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina*, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya*, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova

Page layout: A. N. Kogdanov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Ванчикова Ц. П.*
Лувсанданзанжалцан (1639–1704) и его роль в истории буддизма в Монголии 8

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Бухоголова С. Б., Батомункуева С. Р., Гармаева С. П.*
Деятельность пятого настоятеля Агинского дацана Галсан-Жимбы Тугулдунова (1817–1872/3) 23
- Максимов К. Н.*
Духовенство калмыков-казаков Дона во второй половине XIX – начале XX в. 39
- Бакаева Э. П., Номинханов С. А.*
О малоизвестных страницах биографии Церен-Дорджи Номинханова: период становления, военной деятельности и учебы в институте (1918–1930-е гг.). . . 64
- Горбатов А. В.*
К вопросу о внешнеполитической деятельности буддистов СССР в контексте вероисповедной политики советского государства (1950–1970-е гг.) 94

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

- Актамов И. Г., Бадмацыренова Н. Б.*
Старомонгольская письменность в Байкальском регионе на современном этапе: курс на ревитализацию? 111

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Успенский В. Л.*
Краткая история формирования калмыцкого фонда восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета. 126
- Музраева Д. Н., Ванчикова Ц. П.*
Об ойратских текстах из рукописного сборника БМ-574 из коллекции П. Б. Балданжапова 142

ЛИНГВИСТИКА

- Есенова Г. Б.*
Концепт «степь» в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» 153

РЕЦЕНЗИЯ

- Кринко Е. Ф.*
Новый взгляд на национально-государственные преобразования на юге РСФСР: Рец. на: Гунаев Е. А. Национальные автономии Юга России в советский период: территориальное устройство и система управления (на примере Калмыкии) / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 400 с. 165

CONTENTS

GENERAL HISTORY

<i>Vanchikova Ts. P.</i> Luvsandanzanzhaltsan (1639–1704) and his Role in the History of Buddhism in Mongolia	8
--	---

NATIONAL HISTORY

<i>Bukhologova S. B., Batomunkueva S. R., Garmaeva S. P.</i> Activities of the Fifth Abbot of the Aginsky Datsan Galsan-Zhimba Tuguldurov (1817–1872/3)	23
<i>Maksimov K. N.</i> Clerics of Don Kalmyk Cossacks in the second half of the XIX – early XX centuries .	39
<i>Bakaeva E. P., Nominkhanov S. A.</i> About the Little-Known Pages of the Biography of Tseren-Dordzhi Nominkhanov: the period of formation, military activity and studies at the Institute (1918 th –1930s)	64
<i>Gorbatov A. V.</i> On the Issue of Foreign Policy Activities of Buddhists of the USSR in the Context of the Religious Policy of the Soviet State (1950s–1970s)	94

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

<i>Aktamov I. G., Badmatsyrenova N. B.</i> The Mongolian Script in the Baikal Region at the Present Stage: a Course for Revitalization?	111
--	-----

SOURCES STUDIES

<i>Uspensky V. L.</i> A Brief History of Formation of the Kalmyk Collection in the Oriental Section of the Saint Petersburg University Scientific Library	126
<i>Muzraeva D. N., Vanchikova Ts. P.</i> About Oirat Texts from the Handwritten Collection BM-574 from the Collection of P. B. Baldanzhapov	142

LINGUISTICS

<i>Esenova G.B.</i> The Concept of “Steppe” in the Novel-Chronicle by A. M. Amur-Sanan “Mudreshka’s Son”	153
---	-----

REVIEWS

<i>Krinko E. F.</i> A New Look at National-state Transformations in the South of the RSFSR: Book Review: Gunaev E. A. National Autonomies of the South of Russia in the Soviet Period: Territorial Structure and Management System (using the example of Kalmykia) / resp. ed. K. N. Maksimov. Elista: KalmSC RAS, 2022. 400 p.	165
---	-----

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 1, pp. 8–22, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-8-22

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 930(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-8-22

Лувсанданзанжалцан (1639–1704) и его роль в истории буддизма в Монголии

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-1381-6186. E-mail: [vanchikova.ts\[at\]gmail.com](mailto:vanchikova.ts[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ванчикова Ц. П., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены биография первого Ламын-гэгэна Лувсанданзанжалцана и его деятельность по распространению буддизма в Халха-Монголии в XVII в. Как известно, биографии монгольских лам являются ценными источниками не только по истории буддизма, но и по общей истории Монголии, в них содержатся конкретные сведения о тех или иных событиях, о которых не сохранилось данных в исторических летописях или документах. В успешном распространении буддизма в Халха-Монголии важнейшую роль сыграли монгольские ламы Ундур-гэгэн (1635–1723), Лувсанданзанжалцан (1639–1704) и Зая-пандита Лувсанпринлай (1642–1715). Если жизнь и деятельность Ундур-гэгэна Джебдзундамба-хутухты и Зая-пандиты, их роль в истории достаточно хорошо изучены, то этого нельзя сказать о Лувсанданзанжалцане, более известном как Ламын-гэгэн. *Цель* данной статьи — восполнение пробелов о первоначальном этапе распространения буддизма среди халха-монгольских княжеств и о Лувсанданзанжалцане, одной из ключевых фигур в этом процессе. *Материалы и методы.* Основными источниками для статьи послужили монгольязычные переводы его биографии, написанной на тибетском языке Лувсанпринлаем, опубликованные архивные документы по истории монгольских монастырей и исторические хроники, публикации Д. Дашбадраха, Р. Бямбы, Д. Ганзорига, Ш. Сонинбаяра, С.-И. Юндэнбага, содержащие сведения, на основании которых был анализирован его вклад в распространение буддизма и его роль в истории Монголии второй половины XVII в. В рамках исследования использован комплекс общенаучных и специально-исторических методов, позволивших рассмотреть роль Ламын-гэгэна во взаимосвязи с историей монгольского общества данного периода. *Результаты.* Рассмотрены биография Ламын-гэгэна, этапы учебы, становления крупным религиозным де-

ятелем. Подробно описана его роль в подготовке лам-хувараков и строительстве монастырей, приведены краткие сведения о его последующих перерождениях. Уделено внимание экономической базе существования его монастырей и создания института шабинаров. *Выводы.* Результаты исследования позволяют заключить, что Ламын-гэгэн внес большой вклад в распространение буддизма в Монголии, а также буддийского учения и достижений многовекового опыта средневековых научных знаний Востока. Он был первым монгольским ученым астрологом и врачом, заложившим начало изучения наследия индо-тибетской медицины и создания ее монгольской ветви. Ламын-гэгэн являлся и крупным ученым, труды которого были опубликованы в 4-х томах, и переводчиком многих сочинений с тибетского на монгольский язык.

Ключевые слова: Лувсанданзанжалцан, Ламын-гэгэн, Эрдэнэ-пандита, история буддизма в Халха-Монголии, монастырь Заяа-гэгэна

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания, «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Ванчикова Ц. П. Лувсанданзанжалцан (1639–1704) и его роль в истории буддизма в Монголии // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 8–22. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-8-22

Luvsandanzanzhaltsan (1639–1704) and his Role in the History of Buddhism in Mongolia

*Tsymzhit P. Vanchikova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Head Research Associate

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Vanchikova Ts. P., 2024

Abstract. Introduction. The article examines the biography of the first Lamyn-gegen Luvsandanzanzhaltsan and his activities in spreading Buddhism in Khalkha-Mongolia in the 17th century. As it is known, biographies of Mongolian lamas are valuable sources not only on the history of Buddhism, but also on general history of Mongolia, which contain information about certain events that have not been preserved in other historical chronicles or documents. The Mongolian lamas Ündür-gegen (1635–1723), Luvsandanzanzhaltsan (1639–1704) and Zaya-pandita Luvsanprinlai (1642–1715) played an important role in the successful spread of Buddhism in Khalkha Mongolia. If the life and activities of Ündür-gegen and Zaya pandita, their role in the history are well studied, the same cannot be said about Luvsandanzanzhaltsan, known as Lamyn-gegen. The *purpose* of this article is to fill in the gaps about the initial stage of the spread of Buddhism among the Khalkha-Mongolian principalities and about Luvsandanzanzhaltsan, one of the key figures in this process. *Materials and methods.* Mongolian-language translations of his biography written in Tibetan by Luvsanprinlai, published archival documents on the history of Mongolian monasteries and historical chronicles, publications by D. Dashbadrakh, R. Byamba, D. Ganzorig, S. Soninbayar, S.-I. Yundenbat, containing

information on the subject, have been the main sources for the article. Their analyses became the basis for estimating his contribution to the spread of Buddhism and his role in the history of Mongolia in the second half of the 17th century. Within the framework of the study, a set of general scientific and special historical methods was used, which allowed us to consider the role of Lamyn-gegen in connection with the history of Mongolian society of the period under consideration. *Results.* The biography of Lamyn-gegen, the stages of his studying and becoming a major religious figure are considered. His role in the preparation of lamas and the construction of monasteries is described and brief information about his subsequent reincarnations is given. Attention is paid to the economic basis of the existence of his monasteries and the formation of the institute of shabinars. *Conclusions.* The results of the study allow us to conclude that Lamyn-gegen has made a great contribution into the spread of Buddhism in Mongolia, alongside with distributing Buddhist teaching and achievements of the centuries-old experience of medieval scientific knowledge of the East. He was the first Mongolian astrologer and emchi-lama, doctor, who has laid the foundation for the study of the heritage of Indo-Tibetan medicine and the creation of its Mongolian branch. He was also a translator of many treatises from Tibetan into Mongolian and a prominent scholar, whose works have been published in 4 volumes.

Keywords: Luvsandanzanzhaltsan, Lamyn-gegen, Erdene-pandita, the history of Buddhism in Khalkha Mongolia, monastery of Zaya-gegen

Acknowledgements. The research was carried out within the state assignment (project “The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”, № 121031000263-3).

For citation: Vanchikova Ts. P. Luvsandanzanzhaltsan and his Role in the History of Buddhism in Mongolia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 8–22. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-8-22

1. Введение

Лувсанданзанжалцан (1639–1704), положивший начало монгольской линии перерожденцев Ламын-гэгэнов, известен в монгольской истории как Ламын-гэгэн, Эрдэнэ-пандита-хутухта, Ханчин Их-Хамбо-Номун-хан, Эрдэнэ Мэргэн-пандида Ламын-гэгэн. В монгольской историографии его называют «одним из трех светильников монгольского буддизма» («Монголын бурхан шашны гурван зулын нэг») наряду с Джебдзундамба-хутухтой и Зая-пандитой Лувсанпринлайем, стоявшими у истоков начала распространения буддийского учения и культуры среди монгольских народов [Дулам 2023: 13]. Если жизнь и деятельность Джебдзундамба-хутухты [Bawden 1961; Чулуун; Цүлтэм 1982; Хурэлбаатар 2001; Byamba 2006; Futaki 2011; Khürelbayatur 2009; Bareja-Starzynska 2009; Bareja-Starzynska 2015; и др.] и Зая-пандиты [Сонинбаяр 1998; Majer, Teleki 2013], их роль в истории Монголии были предметом исследований многих ученых и относительно хорошо изучены, то этого нельзя сказать о Ламын-гэгэне Лувсанданзанжалцане, практически неизвестного в российской историографии. Из работ, посвященных жизни и описанию его наследия следует назвать публикации Ц. Насанбалжира [Насанбалжир 1969], Г. Батнасана [Батнасан 1969], Ш. Сонинбаяра [Сонинбаяр 1998], Л. Тэрбиша [Тэрбиш 2004], Д. Дашбадраха [Дашбадрах 2004], Р. Бямбы и Д. Ганзорига [Byamba 2008; Бямба, Ганзориг 2009], С.-И. Юндэнбата [Юндэнбат 2023а; Юндэнбат 2023б], послуживших источником материалом для написания данной статьи. Особо следует отметить крупные публикации С.-И. Юндэнбата последних лет [Юндэнбат 2009; Юндэнбат 2023а;

[Юндэнбат 2023б](#)]. Тем не менее исследования отдельных аспектов жизни и деятельности Ламын-гэгэна могут быть продолжены и дополнены.

2. Биографические сведения о Ламын-гэгэне

Лувсанданзанжалцан являлся одним из первых халхасских хутухт¹, которому, согласно Н. Хатанбаатару, титул хутухта был пожалован в 1643 г., тогда как Ундур-гэгэну этот титул был присвоен в 1639 г., а Зая-пандите — в 1654 г. [[Хатанбаатар 2012: 195](#)].

Лувсанданзанжалцан родился в 1639 г., 15-го числа 1-го весеннего месяца года желтоватого зайца 11-го рабджуна в семье старшего сына Лояг-Эрхэ-цоохура, 4-го сына халхасского Тумэнхэн-хундлэн-цоохура (1534–1568), потомка Чингис-хана в 30-м поколении, на территории аймака Сайн-нойон-хана (совр. аймак Баянхонгор Монголии). В пятилетнем возрасте, в 1643 г., по указанию IV-го панчен-ламы Лувсанчойжигалцана (1570–1662) он был определен перерожденцем Дувчинлэгцэглхундэва, настоятеля монастыря Дашилхунпо, ученика панчен-ламы Лувсанчойжигалцана, бывшего перерожденцем тибетского хутухты Енса-гэгэна (1605–1643). В тот же год от цоржи-ламы монастыря Брайбун Намхайсоднамдагбы получил начальные посвящения и стал изучать сутры и тантры. В семь лет, в 1645 г., от цоржи Лубсан-Яринпила из монастыря Дашилхунпо он получил посвящение в монахи и духовное имя Лувсанданзанжалцан. Все годы до отправления в Тибет обучался у своих наставников, знаменитых тибетских ученых лам, пребывавших с миссионерскими целями в Монголии при дворах монгольских князей [[Дашбадрах 2004: 92–94](#)].

В возрасте 17 лет (1656 г.) он, отправившись в Тибет, стал учеником Далай-ламы V Агванлуvsанжамцо (1617–1682) и панчен-ламы Лувсанчойжигалцана, на протяжении 7 лет обучался у известных тибетских ученых — философов, астрологов и эмчи-лам в монастырях Лхасы, Сэра, Гумбум, Брайбун и Дашилхунбо, получил множество посвящений и полномочий на изучение буддийских текстов, проведение обрядов и ритуалов. С напутствием, полученным от панчен-ламы: «Возвращаясь к себе на родину, в Халха-Монголию, усердно распространяй учение Будды, строй монастыри и дацаны, собирай хуваракон и обучай их тем наукам, которым обучился здесь, чем окажешь огромную пользу всем живым существам» [[Монголын сүм хийдийн түүхээс 2012: 115](#)], в 1662 г. он вернулся

¹ Хутухта — святой, преисполненный святостью, благородный (санскр. āṇya, тиб. 'phags-pa) — титул, присваиваемый потомкам монгольских княжеских родов, получивших буддийское образование, и за активную деятельность по распространению буддизма, высший титул среди лиц духовного звания. В маньчжурский период особо выдающимся деятелям, имевшим свыше 500 шабинаров, официально выдавались грамоты и золотые печати, даровавшие им право на владение землей и шабинарами, поэтому лиц, получивших такие грамоты, стали называть «обладающими печатями» — тамгату. К середине XVII в. в Монголии титул хутухты стал уже считаться высшим титулом среди лиц духовного звания. В начале XX в. в Халха-Монголии было 13 хутухт с официальными печатями. Данные о количестве хутухт-хубилганов приводятся разные, о чем упоминает А. М. Позднеев: «Число их [т. е. хубилганов] в настоящее время восходит в Халхе до 118, а в Южной Монголии их насчитывают еще более, хотя более точных и определенных сведений о том, какие это хубилганы, как их зовут и в каких именно монастырях живут они, приобрести мне не удалось, как не удалось и моим предшественникам» [[Позднеев 1993: 238](#)].

в Монголию. На родине он был торжественно встречен представителями 8 халхасских хошунов, большими и малыми нойонами и тайджинарами, которые во главе с Ундур-гэгэном единогласно пожаловали ему титул Эрдэнэ-пандита, одновременно преподнесли ему в дар своих подданных в качестве учеников-шабинаров с целью оказания помощи и поддержки в распространении буддийского учения [Юндэнбат 2023а: 26]. Эти шабинары впоследствии стали одними из первых его учеников, послушниками и ламами его дацана и основой для создания шабинского¹ ведомства. Он вместе с Лувсанпринлаем, халхасским Зая-пандитой (1642–1715), был одним из двух ближайших учеников Ундур-гэгэна. Они неоднократно встречались в монастырях Халха-Монголии, давали учения и проповеди, обсуждали переводы сочинений с тибетского на монгольский язык, и каждый из них для своего времени был выдающейся личностью, энциклопедистом, ученым и богословом, благодаря которым буддизм смог так успешно распространиться среди монголов.

С установлением торгово-даннических отношений с маньчжурским двором с середины XVII в. стали регулярными ежегодные дипломатические миссии, посылаемые монгольскими князьями к маньчжурскому двору, в состав которых включались буддийские монахи высших рангов, как Ундур-гэгэн, Ламын-гэгэн и др. Ламын-гэгэн неоднократно сопровождал Ундур-гэгэна в поездках на аудиенции к маньчжурскому императору в составе миссий 1691, 1693, 1697, 1698 гг. [Юндэнбат 2023а: 26]. Ламын-гэгэн не оставался в стороне и от политической жизни. Он поддерживал политику Ундур-гэгэна по объединению монгольских князей, одним из основных факторов которого был буддизм. Принимал участие вместе с халхасскими князьями и знатью в разработке законов, в собраниях и разных мероприятиях по строительству монастырей и дацанов, составлению, обсуждению и принятию монастырских уставов и сводов правил, и других важных вопросов, связанных с внутренними отношениями между монгольской знатью, с примирением западных и восточных хошунов, внутренней организацией Халхи и проч. [Дашбадрах 2004: 98–99]. Скончался Ламын-гэгэн в 1703 г. в возрасте 64 лет.

3. Перерожденцы Ламын-гэгэна

Предыдущие перерождения Ламын-гэгэна рождались в Индии (5 перерожденцев) и в Тибете (6 перерожденцев) [Дашбадрах 2004: 99]. Последующие 7 перерожденцев Лувсанданзанжалцана родились в Монголии. После кончины Эрдэнэ-пандита Лувсанданзанжалцана его перерожденцу Лувсанванчинбалбарбалсамбу (1705–1788) в 1737 г. была вручена печать на управление шабинарами, которые были причислены к сейму Цэцэрлиг. Каждый из перерожденцев внес свой посильный вклад в распространение и укрепление монастырской системы, усовершенствование правил внутреннего распорядка и администрирования, внедрение новой культовой и обрядовой практики, расширение и усиление учебной программы, строительство монастырей и храмов. Из семи перерожденцев 2-й Лувсанванчинбалбарбалсамбу (1705–1788) и 3-й перерожденец Цэвээнжавчог² (1789–1845) обучались в Тибете, главным образом, в монастыре

¹ Шаби (монг. *шавь*) — употребляется в двух значениях: 1) ученик; буддистский послушник; 2) шабинары — личные подданные, слуги или зависимые араты.

² По Д. Дашбадраху — Лувсанцэвэжжавчог [Дашбадрах 2004: 99].

Дашилхунбо, где получили многочисленные посвящения и наставления. Цэвээнжавчог-хутухта известен комментариями на тексты по тантре, составившими собрание сочинений из двух томов [Юндэнбат 2009: 52]. За время его пребывания на троне настоятеля монастырь Ламын-гэгэна расширился, в нем насчитывалось более 30 храмов и религиозных построек, 3 000 лам и хувараков, более 20 джаса (казначейств). В 1838 г. количество скота у самого хутухты насчитывало 99 800 голов скота, из них верблюдов 11 465, лошадей 13 402, крупного рогатого скота 2 717, овец 72 343. Скончался он в 1846 г. в возрасте 58 лет [Юндэнбат 2023а: 59].

Следующие его перерожденцы¹ — 4-й перерожденец Лувсанбалдан-дамбачултэм (1847–1861); 5-й перерожденец Лувсанданзанпринлайтогмэд (1862–1907); 6-й перерожденец Жамьяндорж (1910–1912); 6-й перерожденец Цэрэндорж (1913–1937), который был репрессирован, а в 1991 г. реабилитирован.

В 2000 г. начались процедуры по выявлению 7-го перерожденца Ламын-гэгэна. Из 600 детей были отобраны три кандидата, имена которых были посланы Далай-ламе. В 2009 г. им был подтвержден 8-й перерожденец Ламын-гэгэна Лувсанданзанжалцана, 14-летний Эрдэнэбат, учащийся старшей школы, родившийся в 1996 г. в сомоне Баянбулаг Баянхонгорского аймака, единственный сын в семье Болда. Тогда же IX Джебдзундамба-хутухта пожаловал ему духовное имя Данзанжамбалчойжишинэн. С 2010 г. этот перерожденец обучается в монастыре Дрепунг Гоман в Индии.

1. Деятельность Ламын-гэгэна по распространению буддизма и его роль в истории Монголии

Вернувшись в 1662 г. в Монголию, Лувсанданзанжалцан начал активную деятельность по распространению буддизма, которую он начал со строительства монастырей — центров буддийского учения и образования, подготовив основу для изучения буддийских наук, достижений восточной науки и мысли. Так, в 1685 г. он создал предпосылки для распространения индо-тибетской медицины в Монголии и стал первым монгольским врачом-оточи, начав деятельность по созданию первого в Халха-Монголии медицинского дацана, который смог стать центром медицинского обучения только при его преемнике, 2-м перерожденце Лувсанванчинбалбарбалсамбу, построившем в 1742 г. в монастыре Баянзурх новый манба-дацан, в котором было организовано полноценное обучение по всем отраслям медицинских знаний [Дашзэвэ 1998] (цит. по: [Юндэнбат 2023б: 46]). Позднее на основе «Джуд-ши» им был составлен пространный толковый словарь², который в последующие столетия служил базой для обучения всех эмчи-лам, в том числе прославленных монгольских ученых-энциклопедистов Сумба-хамбо Ешей-Балжора (1704–1788), Лунриг-Дандара (1835–1920) и других. Будучи знатоком медицины, имеющей более чем 2000-летнюю историю, приложил огромные усилия для обучения и подготовки эмчи-лам, многие из которых прославились по всей Монголии. Им были заложены не только теоретические

¹ Подробно о перерожденцах Ламын-гэгэна см.: [Юндэнбат 2023а: 49–81].

² Тиб. mkhan chen chos kyi rgyal po'i gsung 'bum las gso ba rig pa'i rtsa rgyud kyi 'grel pa gsal ba'i sgron me zhes bya ba bzhuqs so — «Ясный светильник», комментарий к Коренной тантре медицины, составленный Ханчен-Номун-ханом. Ксилограф, отпечатан в монастыре Ламын-гэгэна, размер листов 46,7 x 8,7 см, размер текста 41 x 6,8 см, 6 строк, 41 л. [Түмэн-Өлзий 2010: 74–75].

основы для становления собственно монгольской традиционной медицины, более того, ему принадлежит заслуга в применении теории и практики тибетской медицины к реалиям кочевой монгольской жизни, в замене редких, труднодоступных индийских, тибетских или китайских компонентов, входящих в состав лекарственных средств, разными местными заменителями и лекарственным сырьем как растительного, минерального, так и животного происхождения, использовании лечебных источников, грязей и пр., составлении лекарственных прописей с учетом особенностей климата и образа жизни монголов, симптомах, причинах и лечении болезней. Им написано несколько сочинений по медицине, пять ксилографов из которых перечислены Ц. Тумэн-Улзий в обзорной статье о тибетоязычных сочинениях по медицине, написанных 22 монгольскими ламами [Тумэн-Өлзий 2010: 74–75].

Не меньший вклад он внес в становление монгольской буддийской астрологии. Он был автором первого монгольского труда по астрологии. В 1687 г. Лувсанданзанжалцан написал «Главную сутру космологии. Свет отторгающий и принимающий» (пособие по астрологии на тибетском языке). Лувсанданзанжалцан является автором нескольких трактатов по теории астрологии. В своем труде «Звезды и планеты неба, и их доброе и дурное влияние на человека» он развивал концепции тибетской астрологии, изложенные в «Главной сутре космологии». Он писал: «Для того чтобы определить, какое влияние, хорошее или плохое, оказывают звезды и планеты на людей, я составил астрологический гороскоп» [Скородумова 1994: 44–47; подробно см.: Тэрбиш 1999: 32–62]. В монастыре Баянзурх были напечатаны ксилографическим способом 4 тома собрания сочинений Лувсанданзанжалцана, в которые были включены его труды по медицине, философии и ритуалистике, астрологии, этике. Его сумбум, включающий 225 работ, был впоследствии переиздан в Их хурээ и в Пекине [Бямба, Ганзориг 2009: 46].

В 1688–1691 гг. император Канси (Энх-Амгалан) пожаловал Лувсанданзанжалцану и Зая-пандите, первым из монгольских высших лам, право на владение шабинарами, освободив последних от несения государственных и гражданских повинностей, вменив им в обязанность только несение службы своим гэгэнам. Кроме того, он подтвердил титул «хутухта» Лувсанданзанжалцану [Юндэнбат 2023a: 31].

В 1694 г. после того, как Ламын-гэгэн преподавал всем ламам Их хурээ множество обетов и посвящений, наставлений, проповедей и правомочность на чтение многих книг, по указу Ундур-гэгэна ему был пожалован титул Ханчен Их-Хамбо-Номун-хан («Хан учения, хамбо, наделенный правами»), таким образом он стал первым ургинским хамбо-ламой из халха-монголов [Дашбадрах 2004: 96].

При всей своей активной просветительской деятельности по распространению научных знаний, переводу с тибетского языка и написанию своих собственных трудов Ламын-гэгэн не оставался в стороне от политических проблем, в которые были вовлечены монгольские князья, прежде всего, связанные с раздробленностью и борьбой монгольских княжеств за власть и лидерство, а также с расширением влияния маньчжурского владычества. Он принимал неоднократное участие во встречах монгольских князей, имевших целью объединение или примирение монгольских княжеств. Так, в 1686 г. он вместе другими монгольскими высшими буддийскими деятелями Ундур-гэгэном, Зая-пандитой

Лувсанпринлаем, Дарба-пандитой Содовжамцо принимал участие в сейме, состоявшемся в местности Хурэн-бильчир, основной целью которого было примирение халхасских князей восточного и западного крыльев [Дашбадрах 2004: 98]. Наряду с крупнейшими деятелями монгольского буддизма он содействовал центробежным силам, стремясь объединить и примирить их не силой оружия, а силой убеждения и средствами буддийского учения.

4. Строительство монастырей

Сразу после возвращения в Монголию в 1662 г. Ламын-гэгэн начал свою деятельность с основания буддийских монастырей, которые являются одним из трех необходимых условий для функционирования буддизма, да и любой другой религии, наряду с монахами, распространителями учения, и покровителями, милостынедателями.

В том же 1662 г., Ламын-гэгэн основал кочевой монастырь *Их дацан* или *Ламын-гэгээний хүрээ*, внутренняя организация которого была составлена по правилам и в соответствии с уставом тибетского монастыря Дашилхунпо. В 1681 г. дацан перекочевал в местность Боролжут (монг. *Бөөрөлжүүт*), находящуюся на территории современного Убурхангайского аймака Монголии, в сомоне Уянга, где были построены три первых стационарных храма [Юндэнбат 2023б: 21]. В 1682 г. при совершении обряда освящения монастыря Ундур-гэгэн пожаловал новому дацану имя Гандандашгэнпэллин (*dga' ldan bkra shis dge 'phel gling* — «Монастырь, преисполненный совершенной радости, умножающий добродетели и счастье») («Төгс баясгалант буян өлзий арвидан дэлгэрүүлэгч»). Монастырь был огорожен забором и имел входы со всех четырех сторон, а крыши храмов и дуганов были украшены золотыми ганджирами, изображениями колес учения (монг. *хорло*) и оленями.

Монастырь постепенно расширялся и благоустраивался, если первоначально в нем было 4 дацана и проживало 40 лам, то в 1697 г. в монастыре насчитывалось уже более 700 лам, в 1745 г. его территория занимала площадь в 1 936 м². Главный цогчен-дацан был трехэтажным и мог вместить до 1 000 лам [Юндэнбат 2023а: 31].

В 1737 г. II Эрдэни-пандита Лувсанванчинбалбар (1705–1788), отделившись от хошуна Сайн-ноен-хана, основал новый монастырь у реки Шаргалжуут, где он окончательно обосновался у подножия горы Баянзурх в местности Хошот (монг. *Хөшөөт*) [Хатанбаатар 2012: 87]. В 1737 г. он основал факультет астрологии, в 1742 г. — медицинский и философский, в 1746 г. возвел чойра-дацан, в 1762 г. построил 2-хэтажный храм размером 30 x 40 м, в 1778 г. — храм цогчин и дворец Лаврин для гэгэна. Одновременно с расширением и благоустройством монастыря были построены храмы-дуганы Шарилин (Восточный), Гушиг, Деважин, Жий, Дуйнхор, Жадар, руководство которыми осуществлялось дацанской канцелярией, в которую входили хамбо, гэсгуй и зайсан-лама. Все дацаны строились по лучшим образцам тибетского, китайского и монгольского зодчества. При втором перерождении он вошел в число 4-х самых крупных халхасских монастырей [Юндэнбат 2023а: 26].

Со временем монастырь, основанный им, превратился в один из крупных религиозных, культурных и образовательных центров не только аймака Сайн-ноен-хана, но и всей Халха Монголии. Начиная с 1743 г. в нем было построено

8 дацанов, 40 дуганов, дворец Лаврин, в котором размещался гэгэн и печатный двор, в общей сложности 41 храм-дуган с более 2 000 монахов [Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон 2009: 118, 278–279].

Ламын-гэгэном Лувсанданзанжалцаном был составлен для своего монастыря устав по образцу устава монастыря панчен-ламы Дашилхунпо, в котором были определены структура администрирования и управления, включая правила для монахов. Этот устав, получивший название «Ханчин дэг», стал образцом для всех других монастырей аймака Сайн-ноен-хана, в нем подробно расписаны все детали внутренней жизни монастыря, правила приема послушников в монастырь, проведения обрядов обучения и получения посвящений, совершения богослужений, правила поведения внутри монастыря, требования почитания старших лам, правила о том, как покидать территорию монастыря и т. д. [Юндэнбат 2023б; Хатанбаатар 2012: 87]. Сокращенный вариант внутреннего устава монастыря Ламын-гэгэна опубликован Б. Эрдэнэбилэгем в сборнике архивных документов [Монголын сүм хийдийн түүхээс 2012: 118–120].

Монастыри Ламын-гэгэна были связаны между собой не только своей историей, но и едиными культовыми традициями, и общим для всех монастырей уставом Ламын-гэгэна. В целом же монастырей, которые придерживались данного устава (*ханчин дэг*), согласно данным, приведенным С.-И. Юндэнбатом, было 21. Эти монастыри были расположены в основном в хошуне Сайн-ноен-хана, а также в хошунах Тушэту-хана, Засагту-хана и в Ордосе, современном хошуне Ушин (монг. *Үүшин*) [Юндэнбат 2023б: 22–23].

Дацаны были первичными административными звеньями шабинского ведомства Ламын-гэгэна или Эрдэни-пандита-хутухты, самостоятельные (или отделенные) от хошуна Сайн-ноена, ламы причислялись к тем или иным дацанам. Монастырь возглавлялся зайсан-ламой, назначаемым администрацией дацана, в которую входили также писарь, казначей, дэмчи, зарлага¹.

Со временем влияние и авторитет монастыря выросли, его устав, принятый в нем распорядок, ритуалы и обряды, устройство и обучение в медицинском факультете стали образцами для многих монгольских дацанов и даже стали составлять конкуренцию дацанам Урги [Пүрэвжав 1979: 72].

В национальном музее Финляндии сохранились уникальные фотографии 1909 г., сделанные финским археологом, этнографом Сакари Пялси (1882–1965). На фотографиях запечатлены как панорамный вид монастыря, так и отдельные храмы, религиозные сооружения (ступы), жилища лам, служебные здания, маршруты *гороо* и т. д. [Pälsi 1911].

5. О шабинарах Ламын-гэгэна

Поднесение шабинаров было одним из традиционных способов формирования монашеских общин и пополнения количества лам в монастырях за счет послушников, подаренных монгольской знатью буддийским иерархам, более того, они жаловали и своих сыновей. Этот обычай отмечается в намта-

¹ Зайсан-лама — лама, назначаемый администрацией дацана, ответственный за разрешение спорных вопросов, связанных с шабинским ведомством; дэмчи — заведующий монастырским хозяйством, помощник шандзодбы; шандзодба — ответственный за шабинаров хутухт и их хозяйства («Он назначается из лам, не принимающих высших обетов гэлуну, но из старейших и опытнейших» [Позднеев 1993: 166]); зарлага — посыльный.

рах Ундур-гэгэна, Зая-пандиты Намхай-Джамцо [Норбо 1999: 40; Калмыцкие историко-литературные 1969: 29–30, 145–146]. Ламын-гэгэну были поднесены шабинары монгольской знатю после его возвращения из Тибета.

Шабинары обеспечивали как хозяйственное и экономическое положение монастыря, так и содержание хутухт и лам, живших в монастырях. Араты-шабинары, официально закрепленные за ними, освобождались от всех податей и повинностей в пользу государства и светских нойонов. В их обязанности входили работы по обслуживанию и несению всевозможных повинностей в пользу своих хозяев, обслуживанию их и монастырского скота, строительству и ремонту монастырей и т. п., при этом они должны были ежегодно выплачивать натуральный и денежный налоги, а также различного рода внеочередные поборы [Нацагдорж 1972: 44, 90–91]. По статистическим данным экспедиции, возглавлявшейся И. М. Майским, в 1918 г. в ведомстве Ламын-гэгэна насчитывалось 8 722 подданных, а в ведомстве Зая-гэгэна — 8 486 подданных [Майский 1921: 22].

Территория его шабинского ведомства граничила на юго-востоке с хошуном Ёст-засага, на юго-западе с хошуном Жонон-засага аймака Засагту-хана, на севере — с хошунами Сэцэн-чин-вана и аймака Сайн-нойона, а на востоке с хошуном Сайн-ноена и находилась на выделенной территории, расположенной на просторных лесостепных землях.

Всеми экономическими делами его монастыря и его хозяйством (*джаса*) ведала казна (*сан*). Хутухты обладали самым богатым имуществом и соответственно наиболее богатыми санами, которые назывались «казной гэгэнов» (*Гэгээн сан*) и делились на внешнюю и внутреннюю казну. В обязанности внутренней казны входили учет наиболее ценного имущества хутухты, драгоценных изображений божеств, ритуальных объектов, поднесений мандал, получение подношений, приготовление пищи. Внешняя казна отвечала за учет скота, за учет и получение прибыли от него, за строительство дуганов и зданий, их ремонт, заготовку дров, извоз, снаряжение и отправку караванов, торгово-ростовщическую деятельность, сбор податей, посев и выращивание зерновых и проч. [Юндэнбат 2023б: 31–32].

У каждого крупного дацана-храма была собственная казна, имуществом и хозяйством которого управлял зайсан-лама, непосредственно подчинявшийся шанзодбе и находившийся под контролем администрации монастыря. В шабинском ведомстве Эрдэнэ-пандиты было 11 дацанских джаса, из которых главной была джаса цогчен-дугана. Главная ее обязанность заключалась в распределении расходов и обязанностей между мелкими дуганами. В ведении дацанской администрации находились также и миряне, прикрепленные к шабинскому ведомству того или иного дацана. Руководил шабинским ведомством хутухты шанзодба, в канцелярии которого числились писарь, рассыльный, астролог, истопник, повар [Юндэнбат 2023б: 29].

Для шабинаров-мирян существовали отдельные правила управления, учитывающие сезонные, природные, географические условия, специфику того или хозяйства, в зависимости от которых строго регламентировалась вся хозяйственная деятельность того или иного хозяйства, включая перекочевки, места для выпаса, получение и распределение приплода и прибыли, время начала дойки, клеймления, условия выплаты податей и т. д. Шабинаров Ламын-гэгэнов, получивших большой приплод от скота, награждали в соответствии с количеством и видом скота, который они содержали, и полученной прибыли. В целом же количество

скота Ламын-гэгэна насчитывало более 10 000 лошадей, 10 000 верблюдов, помимо отар овец и других видов домашнего скота [Юндэнбат 2023б: 32–34]. Помимо несения обязанностей по уходу за скотом и обслуживанию своих хозяев, податные шабинеры выращивали ячмень как для лам своих монастырей, так и на продажу. По количеству скота и получаемой прибыли и доходов от хозяйства шабинеров казна Ламын-гэгэна занимала второе место после джасы Джебдзундамба-хутухты.

Таким образом, шабинские хозяйства являлись материальной базой, основой для жизнедеятельности монастырей и хутухт, их финансового благосостояния и благополучия.

После провозглашения Монголией в 1911 г. независимости шабинерами аймака Сайн-ноёна продолжал управлять хутухта Эрдэнэ-пандита.

В результате административных изменений 1931 г. бывшая территория Эрдэнэ-пандита-хутухты была разделена на нынешние сомоны Улзийт, Баянговь, Баянлиг, Богд, Джинст и Эрдэнэцогт Баянхонгорского аймака.

6. Современное положение монастыря Ламын-гэгэна

Во время репрессий 1937–1938 гг. монастырь был закрыт, все храмы уничтожены и сравнены с землей, все реликвии, богослужебная утварь и книги сожжены. По словам очевидцев, их сжигали на протяжении 45 дней [Юндэнбат 2023б: 36].

С начала 90-х гг. прошлого века были начаты работы по восстановлению монастыря и служб. Так, в центре сомона Баянхонгор был возведен заново храм Дэдлиг, проводится строительство 3 храмов на руинах старого храма Ламын-гэгэна [Мөнхзул].

На протяжении почти 10 лет происходил длительный процесс установления VIII-го перерожденца, который был подтвержден Далай-ламой XIV и который получил полное монашеское образование в Гоман-дацане монастыря Дрепунг в Индии. Усилиями населения Баянхонгорского и соседних аймаков более 100 детей прошли обучение в монастырях Южной Индии, были восстановлены здания учебных дуганов, храмов и монастырских домов, куда они могут вернуться после обучения. Немалая заслуга в этом принадлежит и новому перерожденцу Ламын-гэгэна Эрдэнэбату. В настоящее время дацан активно посещается местным населением, в дацане ежедневно проводятся хуралы и разные богослужения, в нем постоянно пребывает около 30 лам, есть несколько эмчи-лам, ведущих лечебную практику и изготавливающих лекарства. И хотя новый монастырь и постройки по величине и масштабу уступают былому, уничтоженному, комплексу, тем не менее, они свидетельствуют о том, что процесс реставрации буддизма, начавшийся с периодом демократизации, продолжается и постепенно переходит на новый качественный уровень.

7. Заключение

Исходя из фактов биографии Ламын-гэгэна можно заключить, что за короткий период буддизм успешно распространился среди монголов благодаря совместным активным действиям выдающихся монгольских лам, получивших буддийское образование в тибетских монастырях, вокруг которых стали формироваться первые монашеские общины и монастыри, и представителей монгольской знати,

заинтересованных в поддержке своей власти с помощью буддийской концепции о двух законах, идеологически обосновывающей их статус и положение.

Ламын-гэгэн по вкладу в распространение буддизма, в становление и институализацию буддизма среди монгольского населения, по своему значению и влиянию в силу своей образованности и пассионарности занимает место за Ундур-гэгэном Дзанабазаром. Он был выдающимся религиозным деятелем, основателем монгольской системы внутреннего устройства и администрирования монастырей посредством создания для них единого устава (*ханчин дэг*), способствовавшего формированию собственно монгольских буддийских культурных традиций. Ему принадлежит заслуга в создании монгольской традиции восточной медицины, монгольской астрологической школы. Он был ученым-богословом, автором сочинений по медицине, астрономии / астрологии, языкознанию, лексикографом, переводчиком на монгольский язык сочинений по философии, логике и тантре. Основанный им монастырь стал крупнейшим центром монгольского буддийского академического образования, образцом для других монгольских монастырей. Подводя итоги, можно сказать, что Ламын-гэгэн способствовал становлению и развитию монастырской и монашеской систем в Монголии, распространению в Монголии многовекового опыта средневековых научных знаний Востока, оказав исключительное влияние на развитие монгольского общества.

Литература

- Батнасан 1969 — *Батнасан Г.* Ламын гэгээний сан ба джасын сүрэг хариулагчдын нуудлийн тухай товч гэмдэглэл // *Этнографийн судлал*. Т. 4. Вып. 3. Улаанбаатар: ШУАХ, 1969. С. 31–38.
- Бямба, Ганзориг 2009 — *Бямба Р., Ганзориг Д.* Эрдэнэ Бандида хутагт Ламын гэгээн Лувсанданзанжалцаны намтар хигээд сумбумын гарчиг // «Монгол билиг» ном зүйн бүртгэл. V боть. Улаанбаатар: Ди пресс, 2009. 190 с.
- Дашбадрах 2004 — *Дашбадрах Д.* Монголын хутагтууд. Улаанбаатар: ШУАХ, 2004. 216 с.
- Дашзэгвэ 1998 — *Дашзэгвэ Н.* Монголын уламжлалт анагаах ухааны товч түүх. Улаанбаатар: ШУАХ, 1998. 198 с.
- Дулам 2023 — *Дулам С.* Ламын гэгээний «ханчин дэгийн» тухай анхны бүтээл // *Юндэнбат Соном-Ишийн. Ламын гэгээний ханчин дэг, ёслол, зан үйл*. Улаанбаатар: Мөнхийн Үсэг, 2023. С. 13–15.
- Калмыцкие историко-литературные 1969 — Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. науч.-исслед. ин-т яз., лит-ры и истории, 1969. 303 с.
- Майский 1921 — *Майский И. М.* Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз»). Иркутск: Гос. изд-во, 1921. 460 с.
- Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон 2009 — Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон. Ер. редактор С. Цэдэндамба. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 889 с.
- Монголын сүм хийдийн түүхээс 2012 — Монголын сүм хийдийн түүхээс... / Баримтын эмхэтгэл. Эмхэтгэгч Б. Эрдэнэбилэг. Улаанбаатар: Тагнуулын Ерөнхий Газрын Хэвлэх хэсэг, 2012. 341 с.
- Мөнхзул — *Мөнхзул Б.* Ламын гэгээний хийд. Орон нутгийн мэдээ / Баянхонгор [электронный ресурс] // URL: <https://montsame.mn/ru/read/222942> (дата обращения: 10.12.2023).
- Насанбалжир 1969 — *Насанбалжир Ц.* Эрдэнэбандид хутагтын шавь // *Түүхийн судлал*. 1969. Т. VIII. Т. С. 179–196.

- Нацагдорж 1972 — *Нацагдорж III*. Сүм, хамжлага, шавь ард. Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1972. 136 х.
- Норбо 1999 — *Норбо III*. Зая-пандита / Пер. со старописъм. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 492 с.
- Пүрэвжав 1979 — *Пүрэвжав С.* Монгол дахь шарын шашины хураангуй түүх. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1978. 188 с.
- Скородумова 1994 — *Скородумова Л.* Тайны монгольской астрологии // Наука и религия. 1994. № 12. С. 44–47.
- Сонинбаяр 1998 — *Сонинбаяр III*. Зая бандида Лувсанпэрэнлэйн нэгэн товч намтар // Лавайн эгшиг. № 1. Улаанбаатар: Гандан Төгченлин хийд, 1998. Т. 28–43.
- Түмэн-Өлзий 2010 — *Түмэн-Өлзий Ц.* Монгол лам нарын туурвисан төвд хэлт эмийн судрын тойм // Лам нарын сэтгүүл. 2010. № 3. Т. 74–83.
- Тэрбиш 1999 — *Тэрбиш Л.* Лувсанданзанжалцаны зурхайн зохиол, тууний монгол онцлог // Ламын-гэгээн Лувсанданзанжалцан. Эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар: Адмон, 1999. Т. 32–62.
- Тэрбиш 2004 — *Тэрбиш Л.* Ламын гэгээн Лувсанданзанжалцан, тууний зурхайн бүтээл туурвил. Улаанбаатар: МУИС МХСДС, 2004. 192 с.
- Хатанбаатар 2012 — *Хатанбаатар Н.* Монголын хурээ, хийд, лам нар (XVI–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2012. 344 с.
- Хүрэлбаатар 2001 — *Хүрэлбаатар Л.* Анхдугар Богд. Улаанбаатар: Интерпресс, 2001. 325 с.
- Цултэм 1982 — *Цултэм Н.* Выдающийся монгольский скульптор Дзанабадзар. Улан-Батор: Гос. изд-во, 1982. 126 с.
- Чулуун — *Чулуун С.* Занабазар // Монголын түүхийн тайлбар толь [электронный ресурс] // URL: <https://mongoltoli.mn/history/> (дата обращения: 11.04.2021).
- Юндэнбат 2009 — *Юндэнбат Соном-Ишийн.* Ламын гэгээн шавийн туух. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2009. 267 с.
- Юндэнбат 2023а — *Юндэнбат Соном-Ишийн.* Ламын гэгээн шавийн туух. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2023а. 340 с.
- Юндэнбат 2023б — *Юндэнбат Юндэнбат Соном-Ишийн.* Ламын гэгээний ханчин дэг, ёслол, зан үйл. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2023б. 228 с.
- Bareja-Starzynska 2009 — *Bareja-Starzynska A.* Biographies of the First Jetsundampa Öndör Gegeen Zanabazar Blo bzang bstan po'i rgyal mtshan (1635–1723) — Brief Survey of Sources // *Zentralasiatische Studien*. No. 38. 2009. Halle: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2009. Pp. 53–63.
- Bareja-Starzynska 2015 — *Bareja-Starzynska A.* The Biography of the First Khalkha Jetsundampa Zanabazar by Zaya Pandita Luvsanprinlei / *Studies, Annotated Translation, Transliteration and Facsimile* by Agata Bareja-Starzynska. Warsaw: Elipsa, 2015. 416 p.
- Bawden 1961 — *Bawden Ch.* The Jebtsundamba Khutukhtus of Uрга. Text, Translated and Notes // *Asiatische Forschungen*, Vol. 9. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961. 91 p.
- Byamba 2006 — *Byamba R.* (ed.). The collected Biographies of Jebtsundamba Khutugtus of Khalkha. Mongol Bilig series. Ulaanbaatar: Di Press, 2006. 325 p.
- Byamba 2008 — *Byamba R.* The Collected works /gsung ‘bum/ of Lamiin Gegeen Luvsandanzinjaltsan // *Mongol Bilig Gsung ‘bum Series*. Vol. IX (I–IV). Ulaanbaatar: Arvai Barqan, 2008. 462, 495, 390, 399 pp.
- Futaki 2011 — *Futaki H.* On the Mongolian Biography of the Jebtsundamba Khutugtus // *The International Conference on “Erdeni-Zuu: Past, Present and Future” / Matsukawa, T. and Ochir, A. (eds.). Ulan-Bator: the “Erdeni-Zuu Project” and the International Institute for the Study of Nomadic Civilizations*, 2011. Pp. 35–49.

- Khürelbayatur L. Üндүр Gegen-ü namtar. Kökeqota: Öbör mongyol-un arad-un keblel-ün quriy-a, 2009. 444 p. (In Mong.)
- Majer, Teleki 2013 — *Majer Z. and Teleki K. History of Zaya Gegeeni khüree, the Monastery of the Khalkha Zaya Pandita*. Ulan-Bator: Admon print, 2013. 174 p.
- Pälsi 1911 — *Pälsi S. Mongolian matkalta / (From a journey to Mongolia / Из поездки в Монголию)*. Sakari Pälsi. Helsingissä: Otava, 1911. 131 c.

References

- Bareja-Starzynska A. Biographies of the First Jetsundampa Öндör Gegeen Zanabazar Blo bzang bstan po'i rgyal mtshan (1635–1723) — Brief Survey of Sources. *Zentralasiatische Studien*. 2009. No. 38. Pp. 53–63. (In Eng.)
- Bareja-Starzynska A. The Biography of the First Khalkha Jetsundampa Zanabazar by Zaya Pandita Luvsanprinlei / Studies, Annotated Translation, Transliteration and Facsimile by Agata Bareja-Starzynska. Warsaw: Elipsa, 2015. 416 p. (In Eng.)
- Batnasan G. Brief Notes on the Roaming of the Cattle of Lamyn-Gegen's Zhasa. *Ethnographiin sudlal*. 1969. Pp. 31–38. (In Mong.)
- Bawden Ch. The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga. Text, Translated and Notes. Ser.: Asiatische Forschungen. Vol. 9. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961. 91 p. (In Eng.)
- Brief History of Mongolian Monasteries and Temples. Ed. By S. Tsedendamba. Ulaanbaatar: Admon, 2009. 889 p. (In Mong.)
- Byamba R. (ed.). The Collected Biographies of Jebtsundamba Khutugtus of Khalkha. Mongol Bilig Series. Ulaanbaatar: Di Press, 2006. 325 p. (In Mong., Eng.)
- Byamba R. The Collected Works / gsung 'bum / of Lamiin Gegeen Luvsandanzinjaltsan / Mongol Bilig Gsung 'bum Series. Vol. 9 (1–4). Ulaanbaatar: Arvai Barqan, 2008. Pp. 390–495 (In Mong., Eng.)
- Byamba R., Ganzorig D. Erdene Bandida Khutagtu Lamyn Gegen Luvsandanzanjaltsan's Biography and the Catalogue of his Sumbum / Mongol bilig Series. Vol. 5. Ulaanbaatar: Di Press, 2009. 190 p. (In Mong.)
- Chuluun S. Zanabazar. In: Dictionary of Mongolian history. Available at: <https://mongoltoli.mn/history/> (accessed: 11 April 2021). (In Mong.)
- Dashbadrakh D. Mongolian Khutakhtas. Ulaanbaatar: Academy of sciences, 2004. 216 p. (In Mong.)
- Dashzegwe N. Brief History of Mongolian Traditional Medicine. Ulaanbaatar: Academy of sciences, 1998. 198 p. (In Mong.)
- Dulam S. The First Work about the "Khanchin deg" of the Lamyn gegen. In: Yundenbat Sonom-Ishiin. Lamyn gegen's khanchin deg, rituals and practices. Ulaanbaatar: Mönkhiiin üseg, 2023. Pp. 13–15. (In Mong.)
- Futaki H. On the Mongolian Biography of the Jebtsundamba Khutugtus. In: The International Conference on "Erdeni-Zuu: Past, Present and Future" / Matsukawa, T. and Ochir, A. (eds.). Ulan-Bator: The "Erdeni-Zuu Project" and the International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, 2011. Pp. 35–49. (In Eng.)
- Kalmyk Historical and Literary Monuments in Russian Translation. Elista: Kalm. Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 1969. 303 p. (In Russ.)
- Khatanbaatar N. Mongolian Monasteries, Temples and Monks (16th – the beginning of the 20th century). Ulaanbaatar: Mönkhiiin üseg, 2012. 344 p. (In Mong.)
- Khurelbaatar L. The first Bogdo. Ulaanbaatar: Interpress, 2001. 325 p. (In Mong.)
- Khürelbayatur L. Üндүр Gegen-ü namtar. Kökeqota: Öbör mongyol-un arad-un keblel-ün quriy-a, 2009. 444 p. (In Mong.)
- Maisky I. M. Modern Mongolia (Report of Mongolian expedition equipped by the Irkutsk office of the All-Russian Central Union of Consumer Societies "Centrosoyuz"). Irkutsk: State Publishing House, 1921. 460 p. (In Russ.)

- Majer Z. and Teleki K. History of Zaya Gegeeni khüree, the Monastery of the Khalkha Zaya Pandita. Ulan-Bator: Admon print, 2013. 174 p. (In Eng.)
- Munkhzul B. Monastery of Lamyn Gegen. In: Local news. Bayankhongor. Available at: <https://montsame.mn/ru/read/222942> (accessed: 10 December 2023). (In Mong.)
- Nasanbaljir C. Erdene bandida khutukhtu's shabinar. In: Tuukhiin sudlal. 1969. Vol. 8. Pp. 179–196. (In Mong.)
- Natsagdorj Sh. Sum, serfs, shabinar. Ulaanbaatar: Mongolian academy printing, 1972. 136 p. (In Mong.)
- Norbo Sh. Zaya-pandita / Trans. from the old-written language by D. N. Muzraeva, K. V. Orlova, V. P. Sanchirov. Elista: Kalmyk Publishing House, 1999. 335 p. (In Russ.)
- On the History of Mongolian Monasteries.... In: A Collection of documents. Compiled by B. Erdenebileg. Ulaanbaatar: Printing Group of the State Security Committee, 2012. 341 p. (In Mong.)
- Pälsi S. Mongolian matkalta / From a journey to Mongolia. Sakari Pälsi. Helsingissä: Otava, 1911. 131 p. (In Finn.)
- Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection with the Attitude of the latter to the People. Elista: Kalmyk Publ. House, 1993. 492 p. (In Russ.)
- Purevjav S. The Brief history of Buddhism in Mongolia. Ulaanbaatar: UHG, 1979. 188 p. (In Mong.)
- Skorodumova L. Secrets of Mongolian Astrology. *Nauka I Religiya*. 1994. № 12. Pp. 44–47 (In Russ.)
- Soninbayar Sh. A Brief Biography of Zaya bandida Luvsanperenlei. In: Lavaiin Egshig. No. 1. Ulaanbaatar: Gandan Tegchenlin Monastery, 1998. Pp. 28–43. (In Mong.)
- Terbish L. Lamyn gegen Luvsandanzanjaltsan and his Astrological Treatises. Ulaanbaatar: MUIS, 2004. 192 p. (In Mong.)
- Terbish L. Specific Mongolian Features of the Works of Luvsandanzanjaltsan on Astrology. In: Lamyn gegen Luvsandanzanjaltsan / Academic papers. Ulaanbaatar: Admon, 1999. Pp. 32–62 (In Mong.)
- The History of Mongolian Monasteries and Temples. Compiled by Ch. Banzaragch, B. Sainkhuu. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2004. 450 p. (In Mong.)
- Tsultem N. Dzanabadzar, an Outstanding Mongolian Sculptor. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1982. 126 p. (In Russ.)
- Tumen-Ulzii. Review of Medicine Works Written in Tibetan by Mongolian Monks. *Lam naryn setguul*. 2010. No. 3. Pp. 74–83 (In Mong.)
- Yundenbat Sonom-Ishiin. Lamyn Gegen's Khanchin Deg, Rituals and Practices. Ulaanbaatar: Monkhiin Useg, 2023. 228 p. (In Mong.)
- Yundenbat Sonom-Ishiin. The History of Lamyn Gegen's Shabinar. Ulaanbaatar: Мөнхийн үсэг, 2009. 267 p. (In Mong.)
- Yundenbat Sonom-Ishiin. The History of Lamyn Gegen's Shabinar. Ulaanbaatar: Мөнхийн үсэг, 2023. 340 p. (In Mong.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 1, pp. 23–38, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-23-38

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 294.3 (571.551)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-23-38

Деятельность пятого настоятеля Агинского дацана Галсан-Жимбы Тугулдунова (1817–1872/3)

Саяна Батуюевна Бухоголова¹, Соелма Ринчиновна Батомункуева², Снежана Петровна Гармаева³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
научный сотрудник

 0000-0001-8121-8906. E-mail: sayana050379[at]yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат философских наук, научный сотрудник

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul[at]mail.ru

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
лаборант-исследователь

 0000-0002-3104-5258. E-mail: snegar[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бухоголова С. Б., Батомункуева С. Р., Гармаева С. П., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию биографии и творчества пятого настоятеля Агинского дацана (Дечен Лхундублин) Г.-Ж. Тугулдунова. Актуальность исследования обусловлена значимостью личности Г.-Ж. Тугулдунова, который относится к плеяде видных бурятских буддийских деятелей XIX в., является одним из ярких представителей бурятского духовенства, знатоком буддийской философии, астрологии, медицины и лексикологии (составил первый бурятский тибетско-монгольский словарь). Несмотря на весомость его многогранной личности и наличие работ, отражающих его деятельность, сведения о деталях биографии и трудах Г.-Ж. Тугулдунова продолжают оставаться малоизвестными. Целью статьи является историографический обзор исследований биографии и творческого наследия Г.-Ж. Тугулдунова, а также введение в научный оборот данных, полученных в ходе работы с архивными документами на старомонгольской письменности и на основе предварительного перевода прежде не исследованного тибетоязычного намтара Г.-Ж. Тугулдунова — «Биографии Галсан-Жимбы Балсамбу — настоятеля

дацана Дэчен Лхундублинг» (тиб. bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i rnam thar gyi sa bon bzhugs). *Материалы и методы.* Источниковой базой послужили разновременные работы отечественных и монгольских авторов, архивные данные из фондов Государственного архива Республики Бурятия, Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН, а также тибетоязычный намтар Г.-Ж. Тугулду-рова из архива Агинского дацана. Используются методы сбора, анализа и обработки данных, историко-системный и ретроспективный анализы. *Результаты* исследования позволили восстановить хронологию деятельности Г.-Ж. Тугулду-рова. Впервые вводится в научный оборот биография Г.-Ж. Тугулду-рова с дополнительными и уточняющими данными. Таким образом, восстановленная биография Г.-Ж. Тугулду-рова может внести значительный вклад в академические исследования, в частности, в реконструкцию истории распространения буддизма в регионе.

Ключевые слова: Галсан-Жимба Тугулду-ров, Галсан-Жимба Балсамбу, Калпа Бхадра, Калпа Бхадра Дана Шри Бхадра, первый бурятский тибетско-монгольский словарь, Агинский дацан, буддизм

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI в. в контексте межкультурного взаимодействия»).

Для цитирования: Бухоголова С. Б., Батомункеева С. Р., Гармаева С. П. Де-ятельность пятого настоятеля Агинского дацана Галсан-Жимбы Тугулду-рова (1817–1872/3) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 23–38. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-23-38

Activities of the Fifth Abbot of the Aginsky Datsan Galsan-Zhimba Tuguldurov (1817–1872/3)

Sayana B. Bukhогоlova¹, Soelma R. Batomunkueva², Snezhana P. Garmaeva³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0001-8121-8906. E-mail: sayana050379[at]yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Research Associate

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul[at]mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Researcher Assistant

 0000-0002-3104-5258. E-mail: snegar[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bukhогоlova S. B., Batomunkueva S. R., Garmaeva S. P., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines the biography and works of the 5th abbot of Aginsky datsan (Dechen Lhundublin) Galsan Zhimba Tuguldurov. The relevance of the study is determined by importance of the personality of G.-Zh. Tuguldurov. He was

one of the most significant Buryat Buddhist leaders of the 19th century. Tuguldurov was one of the bright representatives of the Buryat priesthood, expert in Buddhist philosophy, astrology, medicine and lexicology (he compiled the first Buryat Tibetan-Mongolian dictionary). Despite the weight of his multifaceted personality and the presence of works reflecting his activities, the information about the details of G. Tuguldurov's biography and writings continues to remain little known. The *purpose* of the article is to provide historiographic overview of researches on his biography and creative heritage, introduce some new information into scientific circulation. This information was obtained from archive documents written in Old Mongolic script from the preliminary translation of not studied before biography (namthar) of G.-Zh. Tuguldurov in Tibetan language. The title of the namthar is "The biography of Galsan-Zhimba Balzangpo — the abbot of the datsan Dechen Lhundubling (bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i nam thar gyi sa bon bzhugs)". *Materials and methods.* The research is based on the works of Russian and Mongolian authors written in different times, archival data from funds of the State Archive of the Republic of Buryatia, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the SB RAS and namthar of G.-Zh. Tuguldurov in Tibetan language (archive of Aginsky datsan). The following methods were used: collection, analysis and processing of data, historical-systematic and retrospective analysis. The *results* of the research helped to restore the chronology of activities of G.-Zh. Tuguldurov. For the first time the biography of G.-Zh. Tuguldurov with additional and clarifying information has been put into scientific circulation. Therefore, the restored biography of G.-Zh. Tuguldurov can make a significant contribution into academic researches, especially into reconstruction of the spread of Buddhism in the region.

Keywords: Kelsang-Jinpa Tuguldurov, Kelsang-Jinpa Pelzangpo, Kalpa Bhadra, Kalpa Bhadra Dana Shri Bhadra, first Buryat Tibetan-Mongolian dictionary, Aginsky datsan, Buddhism

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name "Oriental Language Written Monuments of Russia and Inner Asia's Peoples and Archival Documents, 18th to Early 21st Centuries: A Perspective from Civilizational Interaction" (state registration number: 121031000302-9).

For citation: Bukhогоlova S. B., Batomunkueva S. R., Garmayeva S. P. Activities of the fifth Abbot of the Aginsky Datsan Galsan-Zhimba Tuguldurov (1817–1872/3). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 23–38. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-23-38

1. Введение

В настоящее время, в период возрождения духовных и культурных традиций бурятского народа, становится актуальным исследование биографий его выдающихся деятелей. Вторая половина XIX в. характеризуется появлением большого количества образованнейших представителей буддийского духовенства, которые внесли огромный вклад в развитие культуры и прилагали большие усилия в деле нравственного и духовного воспитания. Буддизм, в значительной степени способствовавший консолидации бурятского этноса, стал одним из основных факторов его всестороннего развития. Социокультурное пространство бурятского народа конструировалось сквозь призму буддийских идей, ценностей и традиций, а дацаны становились центрами развития культуры, роста образованности и учености среди бурят. Именно под влиянием буддизма в стенах дацанов появились незаурядные деятели бурятской культуры, к которым, наряду с Г.-Ж. Дылгыровым (1816 – после 1872), Л.-Д. Данжиновым (1816/1826–1901), Р. Номтоевым (1821–1907), Э.-Х. Галшиевым (1855–1915), А. Доржиевым (1854–1938) и др.,

относится и Г.-Ж. Тугулдуrow (1815/1817–1872). Историческая реконструкция биографий и творчества таких значимых буддийских деятелей, как и информация, собранная по отдельным крупницам, должны способствовать дополнению имеющихся сведений о формировании и развитии буддизма на территории этнической Бурятии.

Фокусируясь на личности пятого настоятеля Агинского дацана Санжигимыда (Жигмыда) Тугулдуrow, более известного под его религиозным именем Галсан-Жимба Балзангпо (тиб. *bskal bzang sbyin pa dpal bzang po*), мы попытались свести воедино сведения из разных источников, относящиеся к его биографии, деятельности и творчеству. Нами были привлечены также некоторые архивные документы Государственного архива Республики Бурятия (далее — ГА РБ), Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) и Агинского дацана.

Кроме того, мы основывались на некоторых сведениях из тибетоязычного намтара Г.-Ж. Тугулдуrow «Биография Галсан-Жимбы Балсамбу — настоятеля дацана Дэчен Лхундублинг» (тиб. *bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i mam thar gyi sa bon bzhugs*), которым с нами любезно поделился хранитель библиотечного фонда Агинского дацана Дмитрий Вакунин.

2. Историографический обзор работ Г.-Ж. Тугулдуrow

Несмотря на то, что имя Г.-Ж. Тугулдуrow известно многим, исследований, отражающих его многогранную личность и посвященных его деятельности и творчеству — немного. Деятельность Г.-Ж. Тугулдуrow отмечена в работах А. Д. Уржанова [Уржанов 2000], Д. С. Жамсуевой [Жамсуева 2001], Х. Ж. Гармаевой [Гармаева 2003; Гармаева 2004], И. С. Даниловой [Данилова 2007], Ц. П. Ванчиковой и М. И. Гомбоевой [Ванчикова, Гомбоева 2010], Д. В. Вакунина [Вакунин 2018] и др., а также в ряде коллективных изданий «Буряты» [Гармаева 2004; Дашиев 2004], «Гордость древней Аги» [Гордость 2005], «Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье» [Ванчикова, Цыжипов 2008; Дондукбаев 2008; Жабон 2008] и т. д. В этих работах сведения о Г.-Ж. Тугулдуrowе даются в разной степени информативности: некоторые исчерпываются упоминаниями о том, что он являлся пятым настоятелем Агинского дацана и составителем первого бурятского тибетско-монгольского словаря, в других — более подробно. К последним можно отнести работы Р. Е. Пубаева [Пубаев 1965; Пубаев 1994]. Кроме того, работы Г.-Ж. Тугулдуrowа упоминаются и в различных изданиях — описаниях каталогов, информация о которых подробнее будет приведена ниже. Среди монгольских исследователей, рассматривавших работы Г.-Ж. Тугулдуrowа, — Дорж [Dorji 1959; Dorji 2009], Д. Чойжилсурэн [Чойжилсурэн 1997], Д. Цэрэнсодном [Цэрэнсодном 2000].

По всей видимости, одними из первых отечественных исследователей, упомянувших Г.-Ж. Тугулдуrowа, были Цыбен Жамсарано и Базар Барадин. В 1905 г. в «Известиях Императорской Академии Наук» был опубликован список материалов бурятских ученых, среди которых упоминается приписываемая Г.-Ж. Тугулдуrowу «Молитва за благоденствие и многолетие Государя импе-

ратора и семьи Его». Текст представляет собой рукопись на почтовой бумаге, занимающей полулист малого формата [Список материалам 1905: 55].

В «Описании тибетских рукописей и ксилографов Бурятского комплексного научно-исследовательского института» Б. Дандароном приводятся некоторые сведения о Г.-Ж. Тугулдуrowe и его тибетско-монгольском «Словаре, именуемом „Светильник, освещающий значение слов“» (тиб. *brda yig ming don gsal ba'i sgron me zhes bya ba bzhugs so*; монг. *Ner-e udq-a-yi geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig orosiba*) [Brda yig]. Б. Дандарон отмечает, что данный словарь объемом в 220 листов, размерами 8,5 × 56 см был издан в конце XIX в. после смерти Г.-Ж. Тугулдуrowa его учениками. В колофоне сообщается, что так как основной издатель Лобсан Хайчоr умер, то «самый плохой ученик моего учителя Калпа Бхадры» по имени Калпа Бхадра Шаса Дхара завершил издание этого словаря в монастыре Дэчен Лхундублинг. Кроме того, Б. Дандарон указывает псевдонимы Г.-Ж. Тугулдуrowa — Калпа Бхадра, Калпа Бхадра Дана, Агван Лобсан Галсан Жинба и называет его автором многих оригинальных сочинений на тибетском языке, переводчиком с тибетского на монгольский язык, труды которого издавались в Агинском и Цугольском дацанах [Дандарон 1960: 12].

Б. Д. Дандарон ошибочно приводит ссылку на упоминание о Г.-Ж. Тугулдуrowe в работе Л. С. Пучковского в «Монгольских рукописях и ксилографах Института востоковедения», изданной в 1957 г., где на самом деле говорится о сочинении «Предание о богдо Чингис-хане, ниспосланном небом» за авторством Г.-Ж. Дылгыrowa (Вагиндара-сумати-галпа-бхадра-дана) [Пучковский 1957: 77–78]. У двух агинских лам, настоятелей Цугольского и Агинского дацанов, Г.-Ж. Тугулдуrowa и Г.-Ж. Дылгыrowa, соответственно, были не только схожие имена — Галсан-Жинба, кроме того, были очень созвучны их псевдонимы. Если псевдонимы Г.-Ж. Тугулдуrowa мы уже отметили ранее, то псевдоним Г.-Ж. Дылгыrowa — Вагиндра Сумати Калпа Бхадра Дана.

Вышеназванный словарь Г.-Ж. Тугулдуrowa упоминается и А. Г. Сазыкиным в «Каталоге бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга». В описании даются следующие сведения: ксилограф, 220 листов, размер листа: 53,5 см × 9 см, размер рамки текста: 47 × 7,5 см. На странице по 3 строки тибетского текста с подстрочным монгольским переводом. Тибетское маргинальное заглавие — «*brda yig*», диакритическими точками отмечены: п, q, k, š, применена тибетская пагинация. Издание Агинского дацана. Колофоны на листах 219а–220а [Сазыкин 2004: 91].

Р. Е. Пубаеву принадлежат две статьи, посвященные деятельности Г.-Ж. Тугулдуrowa. Первая из них «Тибетско-монгольский словарь Агинского бурята хуацайского рода Галсан-Жимба Тугулдуrowa» опубликована в 1965 г. в «Трудах БКНИИ СО АН СССР», а вторая — «Галсан-Жимба Тугулдуrow» издана в сборнике «Выдающиеся бурятские деятели» в 1994 г. В них автором даны важные сведения из биографии Г.-Ж. Тугулдуrowa, а именно: «... 1. Официальное тибетское имя пятого ширетуя Агинского дацана было Калсан-Чжинба-Палсан-по (иначе Чжигмэд), переводимое на санскритский язык Калба-Бхадра Дана-шри Бхадра, тогда как его бурятское имя, известное в Аге и фигурирующее в документах дацана и думы, — Галсан-Жимба Тугулдуrow. 2. Г.-Ж. Тугулдуrow был ширетуем Агинского дацана с 1858 года по 1872 год. 3. Г.-Ж. Тугулдуrow был

маха-пандита, т. е. «великий ученый в пяти науках буддизма» (философии, астрономии, медицине, технике и стихосложении), составил тибетско-монгольский словарь и перевел много книг с тибетского на монгольский язык...» [Пубаев 1965: 228–233; Пубаев 1994: 34–36].

Р. Е. Пубаев, основываясь на «Истории Агинского дацана», которая была составлена по его личной просьбе в 1958 г. Жамбал-Доржи Гомбоевым, бывшим ширетуюм Агинского дацана, относит к трудам Г.-Ж. Тугулдунова «Джирухай-йин джайши» — «Основы астрологии». Кроме того, он отмечает, что существует большое количество переводов Г.-Ж. Тугулдунова с тибетского языка на монгольский, но какие именно, не уточняет [Пубаев 1965: 230]. Упоминание о приобретении для Агинского дацана тибетского Ганжура и Данжура Нартанского издания и об обращении ширетуя Г.-Ж. Тугулдунова к богатым прихожанам данного дацана с просьбой о пожертвовании средств содержится в материалах Г.-Д. Нацова [Нацов 1998: 73–74].

Р. Е. Пубаев также сообщает, что в архиве Ц. Онгодова хранится копия приветственного адреса Александру II, написанная на тибетском языке с монгольским подстрочным переводом и подписанная ширетуюм Агинского дацана Лобсан-Калсан-Чжинба, именуемым также Чжигмед [Пубаев 1965: 229–230]. Р. Е. Пубаев в этой же статье рассматривает рукописный список и ксилографическое издание тибетско-монгольского словаря Г.-Ж. Тугулдунова, дает описание его структуры, особенностей, подчеркивает его научную и практическую значимость, отмечая необходимость его публикации [Пубаев 1965: 228–233].

А. Д. Уржанов, исследуя историю Агинского дацана на основе источника на старописьменном монгольском языке, сообщает, что в этой работе с неизвестным авторством приводятся памятные события в истории становления и развития Агинского дацана с 1811 г. по 1929 г. Он отмечает, что все настоятели были высокообразованными специалистами в той или иной области буддийской теории и практики, а именно, в переводческой и писательской деятельности, искусстве, науке и медицине, в книгопечатании и пропаганде буддийских знаний. Среди них особо выделяет пятого и седьмого настоятелей Агинского дацана — Галсан-Жимба Тугулдунова и Лубсан-Доржи Данжинова как самых популярных в народе и известных в буддийском мире. Их высокообразованность и ученость в области «пяти больших» и «пяти малых» наук, религиозная и политическая деятельность снискали в среде бурятского духовенства и мирян почет и уважение [Уржанов 2000: 196–200]. Возможно, здесь речь идет об упомянутой «Истории Агинского дацана» Ж.-Д. Гомбоева, поскольку А. Д. Уржанов отмечает, что данное сочинение было передано ему Р. Е. Пубаевым.

Х. Ж. Гармаева в статье «Вклад буддийского духовенства Бурятии в книгоиздательское дело дацанов» также выделяет личность и деятельность Г.-Ж. Тугулдунова. Отмечая, что сведения о нем очень скудны, преимущественно ссылается на работу Р. Е. Пубаева [Гармаева 2003: 130].

С.-Х. Д. Сыртыпова, Х. Ж. Гармаева, Д. Б. Дашиев в коллективной монографии «Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ: структура и содержание» в числе источников по тибетской медицине упоминают «Словарь синонимов названий лекарственных средств, встречающихся в медицинских трактатах» (тиб. sman zhun bshad pa'i sman mams kyī mngon brjod mams bkrol pa) за авторством Г.-Ж. Тугулдунова.

При этом исследователи отмечают, что данный словарь, составленный в 1867 г. в Агинском дацане, известен лишь по каталогам изданий Агинского дацана [Сыртыпова и др. 2006: 115–116].

Ю. Ж. Жабон приводит несколько иной перевод названия указанного словаря — «Разъяснение синонимов названий лекарственных средств, упоминаемых в медицинских трактатах» и сообщает, что два экземпляра данного словаря агинского издания хранятся в тибетском фонде Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Она также отмечает, что словарь построен по алфавитному принципу. Мелким шрифтом даются основные общепринятые названия, а крупным — редко употребляемые санскритские или тибетские названия лекарственных средств. Имеются пояснения и ссылки на разнописи в других источниках [Жабон, Дашибалова 2020: 655].

И. С. Данилова отмечает, что Г.-Ж. Тугулдууров создавал работы в области не только тибетского, но также и русского языка, которые преследовали в основном практическую цель. Они были предназначены для тех, кто знает старомонгольское письмо и желает изучить тибетский, русский языки [Данилова 2007: 13].

А. Л. Дондукбаев (Цырен-лама) среди трудов Г.-Ж. Тугулдуурова отмечает упомянутую работу «Основы астрологии», а также ритуальный текст «Алханын солшод Бэлэрын аршаанай сан» («Подношение и прошение хозяину Алхана и воскресение источнику Бэлэр») [Дондукбаев 2008: 264].

Кроме отмеченных выше словарей, к работам Г.-Ж. Тугулдуурова относят и словарь «Ясные изречения, расположенные по алфавиту под названием „Лучи луны, под которыми распускаются лотосы-кумуда — умы учеников“» (тиб. mngon brjod kyi ming mams ka 'phreng du bsgrigs pa blo gsar ku nda bzhad pa'i zla zer zhes bya ba bzhus so). Н. С. Яхонтова на основании сопоставления выражений в данном и другом, не менее известном, тибетско-монгольском словаре «Лампада, рассеивающая темноту» (тиб. bod hor gyi brda yig ming tshig don gsum gsal bar byed pa mun sel sgron me) Ринчена Номтоева (Суматиратна), приходит к выводу, что последний пользовался словарем Г.-Ж. Тугулдуурова при составлении своего. По мнению Н. С. Яхонтовой, словарь Г.-Ж. Тугулдуурова имеет существенные отличия, касающиеся структуры. В словаре «Лучи луны» вместо тематического расположения поэтических выражений выбран алфавитный [Яхонтова 2015: 88].

По сообщению Д. В. Вакунина, хранителя библиотечного фонда Агинского дацана, творчество Г.-Ж. Тугулдуурова в родных дацанских стенах представлено пятью сочинениями, в том числе знаменитым и неоднократно упомянутым тибетско-монгольским словарем: 1. brda' yig ming don gsal ba'i sgron me («Лампада, освещающая значение слов»); 2. bod kyi brda yig gsar mnying dang mngon brjod 'gar zhih sgrigs pa («Разъяснение некоторых синонимов в соответствии со старыми и новыми тибетскими лексиконами»); 3. chos rje khri pa rin po che skal bzang sbyin pa'i zhal snga nas kyis mdzad pa'i rtsis gzhi rtsom 'phro can («Разъяснение основ астрологии, составленное драгоценным учителем-настоятелем Галсан-Жимбой»); 4. sman gzhung nas bshad pa'i sman mams kyi mngon brjod mam bkrol ba zhes bya ba («Разъяснение синонимов названий лекарственных средств, упоминаемых в медицинских трактатах»); 5. mngon brjod kyi ming mams ka 'phreng du bsgrigs pa blo gsar kunda bzhad pa'i zla zer («Лучи луны, под которыми распускаются лотосы-кумуда — умы учеников») [Вакунин 2018: 81].

Одним из первых монгольских исследователей, обратившихся к творчеству Г.-Ж. Тугулдунова, является тибетолог Дорж. В 1959 г. на старописьменном монгольском языке вышла в свет его работа «Töbed mongyol dokiyan-u bičig, tegüberi neres-ün tuqai» («О тибетско-монгольском словаре — сборнике имен») [Dorji 1959: 30], отсканированная копия которой была издана позже — в 2009 г. в «Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал» («Сборнике материалов первой международной конференции монголоведов») [Dorji 2009: 94–123].

К слову, работа Доржа представляет собой один из источников изучения творчества Г.-Ж. Тугулдунова Р. Е. Пубаевым, которым был замечен один нюанс — Дорж приводит немного отличающееся название тибетско-монгольского словаря Г.-Ж. Тугулдунова. Если тибетские названия совпадают, то монгольские выглядят несколько иначе: вариант, который дается Доржем — «Ner-e udq-a todud-qayči jula neretü dokiyan-u bičig oruşıba» («Словарь, именуемый „Светильник, определяющий значение слов“»), вариант российских исследователей — «„Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü“ dokiyan-u bičig oruşıba» («Словарь, именуемый „Светильник, освещающий значение слов“»). Возможно, данное отличие не критично и в принципе не искажает передачу названия с тибетского языка, однако не совсем понятна причина замены некоторых слов. По предположению Р. Е. Пубаева, если Дорж не дал нового монгольского перевода тибетского названия, возможно, существует другое издание словаря [Пубаев 1965: 229].

Дорж также сообщает интересные сведения о том, что в возрасте 51 года Г.-Ж. Тугулдунов ездил в гости к Галсан-Жимбе Дылгырову, проживавшему в Цугольском дацане, и отмечает, что это разные люди, что оба являются переводчиками с тибетского на монгольский язык. Тем не менее он несколько путается и называет автора словаря пятым ширетuem Цугольского дацана, тогда как он был пятым настоятелем Агинского дацана. При этом Дорж сам же отмечает, что двух бурятских ученых с одинаковыми именами Галсан-Жимба постоянно путают, поэтому надо полагать, что это, скорее всего, случайная оплошность [Dorji 2009: 111].

Другой монгольский исследователь Д. Чойжилсурэн в своей статье «Буриад модон барын номын таван гарчиг» («Пять гарчаков бурятских ксилографов») отмечает активную деятельность буддийских духовных лиц по развитию и распространению ксилографических изданий. К их числу он относит Сумади-радну или Номтын Ринчена из Хоринского аймака, Тугулдурин Галсанжамбу, Агваанлуvsангалсанжамбу, Лувсандоржа, Доржа из Аги и др. Д. Чойжилсурэн подмечает прозвище Г.-Ж. Тугулдунова — «Мэндгүй цорж» («Неприветливый сорж»), которое ему дали по причине того, что он не имел привычки здороваться с людьми.

По сообщению Д. Чойжилсурэна, в колофоне сочинения «Мэргэн тэнэгийг шинжлэх сайн номлол, цагаан линхусын баглаа хэмээгдэх шасдираас гутгаар бүлэг оршив» («Добродетельное учение, анализирующее мудрость и глупость, третья глава, взятая из шастры, называемой „Букет белого лотоса“») говорится, что ученик из Онон-Цугольского дацана Вагиндра Сумади Галпа Бхадра Дана (т. е. Г.-Ж. Дылгыров), осуществил подготовку ксилографа в тринадцатый день осеннего среднего месяца года огненного кролика, а вторым из соавторов

является Мэндгүй цорж, т. е. Тугулдурин Галсанжимба [Чойжилсүрэн 1997: 110–111]. Кроме этого, Д. Чойжилсүрэн упоминает еще один ксилограф под названием «Галын тэнгэр тахих ёсон цог учирлын далай хэмээгдэх оршив» («Метод почитания божества огня, называемый „Океан процветания“»), в колофоне которого в качестве соавтора также указан Дана, т. е. Галсан-Жимба Тугулдууров, осуществивший перевод и подготовивший к изданию ксилограф в середине зимнего месяца в год земляной змеи [Чойжилсүрэн 1997: 110–111]. Получается, что авторами сочинения являются Галсан-Жимба Дылгыров и Галсан-Жимба Тугулдууров. Следует отметить, что бурятские исследователи не отмечают Г.-Ж. Тугулдуурова в качестве соавтора работ из гарчака Г.-Ж. Дылгырова, авторство этих переводов приписывается именно второму, который, как известно, также пользовался псевдонимом Дана [Сыртыпова и др. 2006: 62–65].

3. Биография Г.-Ж. Тугулдуурова

Судя по архивным документам, мирское имя Г.-Ж. Тугулдуурова было Санжигимыд [Базаров и др. 2017: 41]. Из некоторых документов на старомонгольской письменности по делопроизводству Агинского дацана, зафиксированных в делах Агинской Степной думы, видно, что Г.-Ж. Тугулдууров подписывался как «Тугулдурын Жигмид», «ширетуй Тугулдурын», где Жигмид представляет собой усеченную форму его двойного имени [ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 788. Л. 9, 9об., 24об., 26].

Как следует из намтара Г.-Ж. Тугулдуурова, его полное религиозное, духовное имя — Галсан Жинба Балсамбу. Данное имя представляет собой бурятизированную форму тибетского Келсанг Чжинпа Пелзангпо, а санскритская калька этих имен — Калпа Бхадра Дана Шри Бхадра является одним из его творческих псевдонимов. К другим известным его псевдонимам относятся такие краткие формы: Калпа Бхадра, Калпа Бхадра Дана, Дана. Кроме того, форма Дана может передаваться монгольско-бурятским *Өглөг / Үглэг*, что переводится как «подающий [знания]».

Имя Г.-Ж. Тугулдуурова фигурирует в послужном списке его отца — известного агинского тайши Тугулдура Тобоева, где говорится, что, кроме Санжигимыда, у него также был сын: Радна-Базар / Базар (1828 г. р.), который умер в возрасте около 30 лет. У Г.-Ж. Тугулдуурова были также и сводные братья: Арсалан (1830 г. р.) и Аюша (1865 г. р.). Арсалан Тугултуров позже станет заседателем Агинской Степной думы. Мать Г.-Ж. Тугулдуурова звали Балма Босоева, в некоторых документах она упоминается как «Одомой Балма» [Базаров и др. 2017: 25, 129, 312].

К сожалению, установить точную дату рождения Г.-Ж. Тугулдуурова сложно. Исследователи, несмотря на незначительную погрешность, все же приводят разные даты (1816/1817/1818, некоторые даже 1808). Возможно, наиболее достоверная информация содержится в самом намтаре Г.-Ж. Тугулдуурова «Биография Галсан-Жимбы Балзангпо — настоятеля дацана Дэчен Лхундублинг». Как уже было отмечено, копией данного текста любезно поделился хранитель библиотечного фонда Агинского дацана Дмитрий Вакунин. Биография, если мы располагаем верными сведениями, неизвестная, ранее нигде не публиковалась, поэтому в дальнейшем нами запланирован ее перевод и публикация.

В ней говорится о том, что он «...родился сыном в знатной, достойной семье в седьмой день четвертого месяца года коровы...» [Bde chen: 1]. Согласно восточному календарю, год коровы соответствует 1817 г., а четвертый месяц выпадает на май, поэтому дату рождения Г.-Ж. Тугулдуурова можно обозначить 7 мая 1817 г.

В «Биографии...» также есть сведения о том, что с семилетнего возраста он начал изучать тибетский и монгольский языки и о том, что «принял обеты геньена и гецула от великого держателя винайи Лобсанга Тхабке» [Bde chen: 1], возраст Г.-Ж. Тугулдуурова при последних событиях не указывается.

В послужном списке самого Г.-Ж. Тугулдуурова говорится о том, что он стал хувараком 15 ноября 1826 г., принял обеты гецула 27 марта 1831 г., обеты гелонга — 17 октября 1843 г. [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 191. Л. 40].

В «Биографии...» говорится о том, что в возрасте 18-ти лет он отправился в Монголию и встретившись там со многими учителями, в том числе с V Богдо-гэгэном, получил множество наставлений [Bde chen: 2].

В документе также сообщается, что в возрасте 19 лет (получается 1836 г., если брать за дату рождения Г.-Ж. Тугулдуурова 1817 г.) был назначен на должность чойдже-ламы (соржи) Агинского дацана [Bde chen: 2]. К сожалению, в послужном списке Г.-Ж. Тугулдуурова не приводится информация об образовании, однако есть сведения, что Г.-Ж. Тугулдууров обучался в Монголии, где в 1836 г. защитил степень габжи [Дондукбаев 2008: 264].

В послужном списке, вразрез с часто приводимой датой назначения его ширетуем Агинского дацана — 1858 г., отмечено, что он был утвержден в этой должности генерал-губернатором Восточной Сибири 16 января 1857 г. [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 191. Л. 40].

Г.-Ж. Тугулдууров считается одним из образованнейших бурятских лам, знатоком в области буддийской философии, но также и тибетской медицины, астрологии. Ц. П. Ванчикова и М. И. Гомбоева, отмечая важность деятельности настоятелей агинских дацанов в создании интеллектуальных и духовных предпосылок эпохи бурятского Просвещения, особо выделяют среди них личность Г.-Ж. Тугулдуурова [Ванчикова, Гомбоева 2010: 47].

Известно, что Г.-Ж. Тугулдууров относился к числу наиболее талантливых учеников основателя первой бурятской монастырской школы философии, первого ширетуя Цугольского дацана — Л. Дандарова. Исследователи отмечают, что его ученики, продолжая традиции своего наставника, стали основателями и учителями первых аналогичных факультетов в Агинском, Гусиноозерском, Анинском и многих других дацанах [Ванчикова, Гомбоева 2010: 45; История бурятского буддизма 2006: 91–92].

По сообщению Б. Д. Дандарона, при Агинском дацане «около 1850–1860 гг. ширетуи Галсан Жимба Тугулдууров основал философскую школу (chos-ra, или mtshan-puyid), для которой был воздвигнут особый храм, называемый цанидин сумэ, или шойрин дуган» [Дандарон 1996: 121]. Также и Р. Е. Пубаев сообщает: «ширетуи Тугулдууров основал чойра-дацан Лэгшадсан-дэ-лин, изучающий пять святых наук» [Пубаев 1965: 230].

Помимо этого, Г.-Ж. Тугулдууров считается основателем астрологического факультета при Агинском дацане, где обучался известный бурятский эмчи

(лекарь) Р.-С. Данжинов, основавший впоследствии там манба-дацан. По предположению Н. Д. Болсохоевой, Г.-Ж. Тугулдууров мог быть его наставником по астрологии [Болсохоева 2012: 499].

Надо полагать, что после того как Г.-Ж. Тугулдууров покинул пост настоятеля Агинского дацана, он начал служить в Цугольском дацане, так как в 1860-х гг. именно при нем там был основан манба-дацан (факультет тибетской медицины). Как отмечает Д. Б. Дашиев, Г.-Ж. Тугулдууров, как инициатор и попечитель этого начинания, пригласил в качестве преподавателя Чой-манрамбу ламу из Сэцэн-хановского аймака Монголии [Галданова и др. 1983: 63; Дашиев 2004: 456]. Интересны сведения Д. С. Жамсуевой, которая отмечает, что история манба-дугана длительная и неясная. В 1866 г. цугольцам не разрешили построить молитвенный дом Будде медицины, «но, вероятно, он был все-таки построен и оформлен в 1877 году как дар агинского тайши Тугултура Тобоева „на помин души своего сына — ламы Цугольского дацана“ Г.-Ж. Тугулдуурова» [Жамсуева 2001: 66]. Следует отметить, что речь здесь идет о самом здании, посвященном Будде медицины, а не об образовательном процессе, который, очевидно, осуществлялся в другом месте.

С именем Г.-Ж. Тугулдуурова также связывают развитие буддийского книгопечатания в Агинском дацане. Надо полагать, что издательская деятельность Агинского дацана ничем не уступала достижениям Цугольской печати. Д. Б. Дашиев и Г. Ц. Митупов отмечают, что «в полном объеме программы монастырских школ, вся учебная литература была издана только в Агинском дацане» [Галданова и др. 1983: 78]. Книгопечатня Агинского дацана снабжала необходимой литературой практически все бурятские дацаны.

Очевидно, что активному развитию буддизма на всей агинской земле, не только в дацане, где настоятельствовал Г.-Ж. Тугулдууров, способствовало покровительство его влиятельного отца Тугулдура Тобоева — главного тайши Агинской степной думы. Как отмечает Ч. С. Сультимов, «этот родственный тандем держащих драгоценность и лотос, союз алтаря и трона дал буддийскому миру Трансбайкалья... системное монастырское образование... книги, разъясняющие аспекты Учения» [Сультимов 2015: 148].

4. Заключение

В результате предварительного перевода жизнеописания Г.-Ж. Тугулдуурова с тибетского языка, а также изучения некоторых архивных материалов были получены новые сведения, позволившие восстановить хронологию его деятельности. Данное исследование в некоторой степени дополняет и уточняет сведения о Г.-Ж. Тугулдуурове, восполняет пробелы в его биографии и творчестве. Особый интерес вызывает первый бурятский тибетско-монгольский словарь «Светильник, освещающий значение слов», составленный Г.-Ж. Тугулдууровым. Попытка его издания была предпринята тибетологом Р. Е. Пубаевым в конце 60-х гг. XX в., о которой свидетельствует его переписка с Бямбын Ринченем. Его издание было включено в план 1969 г. Р. Е. Пубаев подчеркивал, что публикация тибетско-монгольского словаря Галсан-Жимба Тугулдуурова с указателем монгольских слов и русским переводом будет иметь важное научное и практическое значение. К сожалению, эта работа не получила продолжения и сейчас о ней ничего не

известно. Тем не менее в настоящее время перевод этого терминологического словаря вновь возобновился в ИМБТ СО РАН, и мы надеемся, что словарь в скором времени будет опубликован. Исследование биографии Г.-Ж. Тугулдурова, а также других бурятских буддийских деятелей поможет рассмотреть историю распространения и становления буддийского учения среди бурят с учетом всех социокультурных и исторических реалий, а также способствовать развитию академических исследований и расширению знаний в этой области.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Bde chen — Bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i nman thar gyi sa bon bzhugs («Биография настоятеля монастыря „Дечен лхундублин“ Чодже (Соржо) Келсанг Джинпа Пелсангпо (Галсан Жимба Балсамбу)»).

Brda yig — Brda yig ming don gsal ba'i sgron me zhes bya ba bzhugs so / Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig oruşıba («Словарь, именуемый „Светильник, освещающий значения слов“») // Монгольский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. МП-570. 220 л.

Sources

Bde chen — Bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i nman thar gyi sa bon bzhugs («Biography of the abbot of the monastery „Dechen lhundublin“ Choje (Sorzhoo) Kelsang Jinpa Pelsangpo (Galsan Jimba Balsambu)»).

Brda yig ming don gsal ba'i sgron me zhes bya ba bzhugs so / Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig oruşıba («Dictionary called „A Lamp that Illuminates the Meanings of Words“») // Mongolian Fund of the Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. MII-570. 220 л.

The State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

Базаров и др. 2017 — Базаров Б. В., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. 1. Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы. Иркутск: Оттиск, 2017. 675 с.

Болсохоева 2012 — Болсохоева Н. Д. Эмчи Ринчен-Самбу Данжинов и его вклад в развитие тибетской медицинской культуры этнической Бурятии // Мир Центральной Азии–3: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров, отв. ред. Е. В. Сундужева. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 495–501.

Вакунин 2018 — Вакунин Д. В. Книгоиздательская деятельность Агинского дацана во второй половине XIX – начале XX в. Данные новых исследований библиографических списков // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Седьмые Доржиевские чтения. Буддизм и современный мир. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 77–84.

Ванчикова, Цыжипов 2008 — Ванчикова Ц. П., Цыжипов Д. Выдающиеся ламы Цугольского дацана // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. С. 260–263.

Ванчикова, Гомбоева 2010 — Ванчикова Ц. П., Гомбоева М. И. Философские школы буддийских монастырей как историко-культурная предпосылка эпохи бурятского Просвещения // Гуманитарный вектор. 2010. № 4. С. 44–49.

Галданова и др. 1983 — Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц.

- Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.
- Гармаева 2003 — *Гармаева Х. Ж.* Вклад буддийского духовенства Бурятии в книгоиздательское дело дацанов // Монголоведные исследования. Вып. 4. Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 2003. С. 128–137.
- Гармаева 2004 — *Гармаева Х. Ж.* Книгопечатание в дацанах // Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. С. 432–451.
- Гордость 2005 — Гордость древней Аги: книга-альбом / авт. проекта Б. Ж. Туманов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 420 с.
- Дандарон 1960 — *Дандарон Б. Д.* Описание тибетских рукописей и ксилографов Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып 1. М.: Вост. лит., 1960. 70 с.
- Дандарон 1996 — *Дандарон Б. Д.* Агинский монастырь-дацан // Буддизм. Сб. ст. СПб.: Дацан Гунзэчонэй, 1996. С. 121–122.
- Данилова 2007 — *Данилова И. С.* Становление и развитие монголоведных исследований в Бурятии с XIX в. по 1911 г.: автореф. дисс... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 19 с.
- Дашиев 2004 — *Дашиев Д. Б.* Тибетская медицина в Бурятии // Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. С. 451–460.
- Дондукбаев 2008 — *Дондукбаев Ц.* Выдающиеся ламы Агинского дацана // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. С. 264–265.
- Жабон 2008 — *Жабон Ю. Ж.* Тибетская медицина в Забайкалье // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. С. 172–210.
- Жабон, Дашибалова 2020 — *Жабон Ю. Ж., Дашибалова Д. В.* Типологическое описание медицинских словарей монгольязычных авторов из тибетских фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН и ИВР РАН // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 651–663. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-3-651-663
- Жамсуева 2001 — *Жамсуева Д. С.* Агинские дацаны как памятники истории культуры. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 169 с.
- История бурятского буддизма 2006 — История бурятского буддизма: письменные источники / транслит., пер., коммент. и исслед. Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 147 с.
- Нацов 1998 — *Нацов Г.-Д.* Материалы по ламаизму в Бурятии / предисл., пер., примеч. и глоссарий Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. 186 с.
- Пубаев 1965 — *Пубаев Р. Е.* Тибетско-монгольский словарь агинского бурята Хуацайского рода Галсан-Жимба Тугулдунова // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1965. С. 228–233.
- Пубаев 1994 — *Пубаев Р. Е.* Галсан-Жимба Тугулдунов // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ: Бэлиг, 1994. С. 34–36.
- Пучковский 1957 — *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право. М.; Л.: АН СССР, 1957. 292 с.
- Сазыкин 2004 — *Сазыкин А. Г.* Каталог бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга. Киото: Университет Киото, 2004. 172 с.
- Список материалам 1905 — Список материалам Ц. Жамсаранова и Б. Барадина (1903–1904) // Известия Императорской Академии наук. 1905. Март. Т. XXII. № 3. С. 55.
- Сульгимов 2015 — *Сульгимов Ч. С.* Восемь великих махасиддх — восемь великих лам Земли Очирвани // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Шестые Доржиевские чтения. СПб.: Гиперион, 2015. С. 146–150.
- Сыртыпова и др. 2006 — *Сыртыпова С.-Х. Д., Гармаева Х. Ж., Дашиев Д. Б.* Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ: структура и содержание. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 225 с.

- Сыртыпова и др. 2006 — *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А.* Буддийское книгопечатание Бурятии XVIII – нач. XX в. Улан-Батор: Адмон, 2006. 222 с.
- Уржанов 2000 — *Уржанов А. Д.* Об одном источнике по истории Агинского Дацана // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. С. 196–200.
- Цэрэнсодном 2000 — *Цэрэнсодном Д.* Монголын бурханы шашны уран зохиол. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар: ШУА-гийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 2000. 402 х.
- Чойжилсүрэн 1997 — *Чойжилсүрэн Д.* Буриад модон барын номын таван гарчиг // Монгол хэл бичгийн судлал. Улаанбаатар: ШУА-гийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 1997. С. 107–121.
- Яхонтова 2015 — *Яхонтова Н. С.* Словарь «Лучи луны» — один из источников тибетско-монгольского словаря Суматиратны // *Mongolica-XV*. Сб. науч. ст. по монголоведению, посвящ. 90-летию юбилею монголоведа, преподавателя Вост. фак-та Санкт-Петербургск. гос. ун-та З. К. Касьяненко. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 88–93.
- Dorji 1959 — *Dorji. Töbed mongyol dokiyan-u bičig tegüberi neres-ün tuqai.* Улаанбаатар, 1959. 30 х.
- Dorji 2009 — *Dorji. Töbed mongyol dokiyan-u bičig tegüberi neres-ün tuqai* // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. I боть, Улаанбаатар, 2009. Х. 94–123.

References

- Bazarov B. V., Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. The History of Aginsk Steppe Duma in Documents of Republic of Buryatia's State Archive (1839–1904). Part 1. Formal and Service Lists of Officials of the Aginsk Steppe Duma. Irkutsk: Ottisk, 2017. 675 p. (In Russ.)
- Bolsokhoeva N. D. Doctor Rinchen-Sambu Danzhinov and his Contribution to the Development of Tibetan Medicine Culture of Ethnic Buryatia. In: *World of Central Asia-3: collection of scientific articles / scientific editor B. V. Bazarov, executive editor E. V. Sundueva.* Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk, 2012. Pp. 495–501. (In Russ.)
- Chojjilsuren D. Five Titles of Buryat Xylographs. Learning Mongolian Language and Writing. Ulaanbaatar: Institute of Linguistics of Mongolian Academy of Sciences, 1997. Pp. 107–121. (In Mong.)
- Dandaron B. D. Description of Tibetan Manuscripts and Xylographs at Buryat Complex Research Institute. Moscow: Vost. Lit., 1960. Vol. 1. 70 p. (In Russ.)
- Danilova I. S. Establishment and Development of Mongolian Studies in Buryatia, 19th century – 1911. Cand. Sc. (History) thesis abstract. Ulan-Ude, 2007. 19 p. (In Russ.)
- Dashiev D. B. Tibetan Medicine in Buryatia. *Buryats* / ed. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 451–460. (In Russ.)
- Dondukbaev Ts. Outstanding Lamas of Aginsk Datsan. Land of Vajrapani. Buddhism at Zabaikal'ye. M., 2008. Pp. 264–265. (In Russ.)
- Dorji. Töbed mongyol dokiyan-u bičig tegüberi neres-ün tuqai. Ulaanbaatar, 1959. 30 p. (In Mong.)
- Dorji. Töbed mongyol dokiyan-u bičig tegüberi neres-ün tuqai. First International Congress of Mongolian Linguists. Vol. 1. Ulaanbaatar, 2009. Pp. 94–123. (In Mong.)
- Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B. and others. Lamaism in Buryatia in the 18th Century – Beginning of the 20th Century. Structure and Social Role of the Cult System. Novosibirsk: Nauka, 1983. 235 p. (In Russ.)
- Garmaeva Kh. Zh. Contribution of the Buryat Buddhist Clergy into the Book-Publishing Business of Datsans. *Mongol studies*. Vol. 4. In: *Collection of Scientific Articles.* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 2003. Pp. 128–137. (In Russ.)
- Garmaeva Kh. Zh. Book Printing in Datsans. *Buryats* / ed. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya.

- Moscow: Nauka, 2004. Pp. 432–451. (In Russ.)
- Garri I. R., Badmaeva L. D. The History of one Unpublished Story: Correspondence between Byambyin Rinchen and Doctor of Historical Sciences R. Y. Pubaev. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2018 (4). Pp. 99–114. (In Russ.)
- History of Buryat Buddhism. Sources. Translations. Researches. Transliteration, translation, commentaries made by Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 2006. 147 p. (In Russ.)
- List of Materials of Ts. Zhamsaranov and B. Baradin (1903–1904). News of the Imperial Academy of Sciences. 1905. March. Vol. 22. No. 3. 55p. (In Russ.)
- Natsov G.-D. Materials on the Lamaism in Buryatia. Foreword, translation, notes and glossary made by G. R. Galdanova. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 1998. Vol. 2. 186 p. (In Russ.)
- Pubaev R. Y. Tibetan-Mongolian Dictionary of Galsan-Zhimba Tuguldurov, Aginsk Buryat from Huatsai Lineage. Materials on History and Philology of Central Asia. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1965. Pp. 228–233. (In Russ.)
- Pubaev R. Y. Galsan-Zhimba Tuguldurov. Outstanding Buryat Personalities. Vol. 1. Ulan-Ude: Belig, 1994. Pp. 34–36. (In Russ.)
- Puchkovsky L. S. Mongolian, Buryat-Mongolian and Oirat Manuscripts and Xylographs at the Institute of Oriental Studies. Vol. 1. History, law. Moscow; Leningrad: Publishing House of Academy of Sciences of the USSR. 1957. 292 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Catalogue of Buryat Xylographed and Lithographed Editions from the Collections of Saint Petersburg. Kioto: University of Kioto, 2004. 172 p. (In Russ.)
- Sultimov Ch. S. The Eight Great Mahasiddhas — the Eight Great Lamas of the Land of Ochirwani. Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art. The Sixth Dorjiev's Readings. Saint-Petersburg: Hyperion, 2015. Pp. 146–150. (In Russ.)
- Syrtyanova S.-Kh. D., Garmaeva Kh. Zh., Dashiev D. B. Tibetan Fund of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies: Structure and Content. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 2006. 225 p. (In Russ.)
- Syrtyanova S. D., Garmaeva Kh. Zh., Bazarov A. A. Buddhist Book Printing of Buryatia in 18th Century – Beginning of 20th Century. Ulan-Bator: Admon, 2006. 222 p. (In Russ.)
- Tserensodnom D. Buddhist Literature of Mongolia. The First Copybook. Ulaanbaatar: Institute of Linguistics of Mongolian Academy of Sciences, 2000. 402 p. (In Mong.)
- Tumanov B. Zh.. Pride of Ancient Aga: Book Album. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2005. 420 p. (In Russ.)
- Urzhanov A. D. About one Source on the History of Aginsky Datsan. Problems of History and Culture of Nomad Civilizations in Central Asia: Materials of International Scientific Conference. Vol. 2: History. Philosophy. Sociology. Ulan-Ude, 2000. Pp. 196–200. (In Russ.)
- Vakunin D. V. Book Printing Activity of Aginsky Datsan in the second half of the 19th century – beginning of the 20th century. Data of New Researches of Bibliographic Lists. Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art. 7th Dorzhiev's Readings. Buddhism and Contemporary World. Saint-Petersburg, 2018. Pp. 77–84. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Tsyzhipov D. Outstanding Lamas of Tsugolsky Datsan. The Land of Vajrapani. Buddhism in Zabaikal'ye. M., 2008. Pp. 260–263. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Gomboyeva M. I. Philosophical Schools of Buddhist Monasteries as Historic-Cultural Premise of the Epoch of Buryat Enlightenment. *Humanitarian Vector*. 2010. No. 4. Pp. 44–49. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. The Dictionary “Rays of the Moon” – one of the Sources of Tibetan-Mongolian Dictionary of Sumatiratna. In: Mongolica-15. Collection of Scientific Articles on Mongolian Studies, dedicated to the 90th Anniversary of Mongolist, Lecturer of Faculty of Oriental Studies of Saint Petersburg State University — Z. K. Kas'yanenko. Saint-

- Petersburg: Svoe Idzatelstvo, 2015. Pp. 88–93. (In Russ.)
- Zhabon Yu. Zh. Tibetan Medicine in Zabaikal'ye. The Land of Vajrapani. Buddhism in Zabaikal'ye. M.: Design. Information. Cartography, 2008. Pp. 172–210. (In Russ.)
- Zhabon Yu. Zh., Dashibalova D. V. Typological Description of Medical Dictionaries of Mongol-Speaking Authors from Tibetan Funds from the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and from the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. *Herald of an Archivist*. 2020. No. 3. Pp. 651–663. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-3-651-663 (In Russ.)
- Zhamsueva D. S. Aginsky Datsans as Monuments of Cultural History. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. 2001. 169 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 1, pp. 39–63, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63

Духовенство калмыков-казаков Дона во второй половине XIX – начале XX вв.

Константин Николаевич Максимов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Максимов К. Н., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье раскрываются вопросы организации службы буддийского духовенства на Дону во второй половине XIX в., осуществленные в период реформы административно-территориального управления Калмыцким кочевьем. В этом смысле данная публикация является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем году в третьем номере научного журнала «Монголоведение». *Цель* статьи — показать общественно-полезную деятельность буддийского духовенства, введение его в административную систему управления области Войска Донского, роль в развитии образования, полном, окончательном переходе донских калмыков к оседлой жизни и хозяйствованию. *Результаты.* Крупная реформа поземельного устройства в Калмыцком кочевье и службы буддийского духовенства с изменением статуса его главного иерарха произошла в 1870-х гг. Буддийское духовенство в годы войны, социальных потрясений вместе со своим народом испытало их последствия.

Ключевые слова: Россия, император, область Войска Донского, наказный атаман, Управление иррегулярных войск, реформа, Калмыцкое правление, судья, буддийское духовенство, бакша донских калмыков, хурул, революция, гражданская война, советская власть

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Автор выражает благодарность директору Государственного архива Ростовской области Н. А. Трапшу за содействие в выявлении, широком сборе архивных материалов о донских калмыках и их переводе в электронный формат, а также научным сотрудникам Калмыцкого научного центра РАН М. Д. Каруевой и В. Н. Воробьевой, осуществившим оцифровку выявленных материалов.

Для цитирования: Максимов К. Н. Духовенство калмыков-казаков Дона во второй половине XIX – начале XX вв. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 39–63. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63

Clerics of Don Kalmyk Cossacks in the Second Half of the XIX – early XX Centuries

Konstantin N. Maksimov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000, Elista Russian Federation)
Dr. Sc. (Histoty), Professor, Chief Research Associate
 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Maksimov K. N., 2024

Abstract. Introduction. The article reveals the issues of the organization of the service of the Buddhist clergy on the Don in the second half of the 19th century, implemented during the reform of the administrative and territorial administration of the Kalmyk nomad. In this sense, this article is a continuation of the article published in the previous year in the 3rd issue of the scientific journal “Mongolian Studies”. The *purpose* of the article is to show the socially useful activities of the Buddhist clergy, its introduction into the administrative management system of the Don Army region, its role in the development of education, the complete, final transition of the Don Kalmyks to a settled life and management. **Results.** A major reform of the land system in the Kalmyk nomad and the service of the Buddhist clergy with a change in the status of its main hierarch occurred in the 1870s. The Buddhist clergy experienced its consequences during the war and social upheavals together with its people.

Keywords: Russia, Emperor, Don Host, Nakazny Ataman of the Host, Chief Directorate of Irregular Forces, reform, Kalmyk Directorate, judge, Buddhist clergy, baksha of the Don Kalmyks, hurul, revolution, civil war, Soviet power

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”. The author extends gratitude to N. Trapsh, Director of the State Archive of Rostov Oblast, for his heartiest assistance in identifying, compiling, and digitizing archival materials dealing with Don Kalmyks. Special thanks are expressed to M. Karueva and V. Vorobyova, research associates of KalmSC RAS, for their months-long digitization efforts.

For citation: Maksimov K. N. Clerics of Don Kalmyk Cossacks in the Second Half of the 19th – early 20th centuries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 39–63. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63

1. Введение

Администрация Войска Донского уделяла пристальное внимание буддийскому духовенству и организации религиозной службы донских калмыков. Это объяснялось тем, что высшие иерархи священнослужителей являлись почитаемыми, уважаемыми донскими властями, калмыцким населением, активными общественными деятелями, участвовавшими в управлении калмыцким обществом, а самое главное — религия, служители духовенства имели огромное значение в деле духовного, нравственного воспитания населения на исторически сложившихся религиозно-культурных традициях. Поэтому вполне правомерно донская администрация, учитывая значение и роль буддийского духовенства в калмыцком обществе, целенаправленно вводила его в единую административную систему донского управления.

История становления и развития службы буддийского духовенства у донских калмыков в связи с религиозной политикой администрации Войска Донского в XVIII – первой половине XIX вв. рассмотрены нами в статье, опубликованной в журнале «Монголоведение» за 2023 г. [Максимов 2023]. Временные рамки статьи охватывали период от введения калмыков в казачье военное сословие и до 1840-х гг., когда была проведена одна из крупных реформ системы богослужбных буддийских учреждений (хурулов) и иерархии духовных служителей.

В настоящей статье освещается общественно-полезная деятельность буддийского духовенства, введение его в административную систему управления области Войска Донского, роль в развитии образования, полном, окончательном переходе донских калмыков к оседлой жизни и хозяйствованию на материалах, датированных второй половиной XIX – началом XX вв.

В начале XX в., в годы социальных потрясений, донское буддийское духовенство не осталось безучастным. В результате победы советской власти калмыцкие священнослужители прекратили свою деятельность и хурул потерял свое значение как общественный институт.

2. Материалы исследования

Основной источниковой базой статьи явились документальные материалы, отложившиеся в фондах Калмыцкого правления (фонд 309), Атаманской канцелярии Войска Донского (фонд 46), Статистического комитета области Войска Донского (фонд 353) Государственного архива Ростовской области. Выявленные различные по происхождению, содержанию и видам исторические источники по данной теме впервые вводятся в научный оборот. В них имеются сведения о подготовке и проведении крупной реформы службы буддийского духовенства в 1870-х гг. на Дону, об общественной деятельности бакши донских калмыков. При написании статьи использованы и опубликованные источники в документальных сборниках, а также периодическая печать того времени («Епархиальные ведомости»).

Историография исследуемой темы фактически отсутствует. Только в брошюре А. Борманджинова и книге «Зюнгарцы» даны фрагментарные сведения об отдельных бакшах донских калмыков [Борманджинов 1997; Зюнгарцы 2021].

При исследовании данной темы с целью получения научно обоснованной, достоверной картины автор руководствовался, прежде всего, принципами историзма, объективности при изложении фактов, событий, при их анализе. Системный подход позволил рассмотреть изучаемую проблему как совокупность фактов и явлений в их взаимодействии и развитии в общенациональном донском пространстве. При изучении, обобщении религиозной, общественной деятельности буддийского духовенства методологическим ориентиром служили общечеловеческие ценности.

3. Общественная и благотворительная деятельность буддийского духовенства

В штат органа местного управления — Калмыцкого правления первой административно-территориальной единицы Земли войска Донского (Калмыцкого округа) — по «Положению об управлении Войском Донским» (от 26 мая 1835 г.) включался выборный наряду от граждан и представитель от духовенства.

В соответствии с новым Положением в штат Калмыцкого правления входили: Судья (председатель), два заседателя (помощники Судьи), назначаемые атаманом Войска Донского из чинов офицерского состава, два депутата, избираемые выборщиками от граждан и духовенства, служащие канцелярии, назначаемые правлением. В 1836 г. впервые были избраны депутатами Калмыцкого правления: от духовенства — гелюнг хурула 2-й сотни Среднего улуса Бальзан Аршинов, от граждан — урядник Иринцын Афанасьев из Верхнего улуса [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 68. Л. 1, 3, 5; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 426. Л. 1–10б.; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 656. Л. 3]. Избранные гелюнги и представители от граждан принимали активное участие в заседаниях правления, в подготовке вопросов к рассмотрению по общественно-хозяйственным, культурным делам, приеме населения и разрешению их проблем.

Духовенство донского калмыцкого населения активно занималось благотворительностью не только в своих сотнях, станицах, округе (строительство школ, хурулов, помощь бедным, семьям раненых, погибших на войне и т. д.), но и в мероприятиях государственного, областного уровня. В период Крымской войны Министерство внутренних дел с соизволения государя императора Александра II 25 апреля 1855 г. разослало циркуляр об открытии добровольных пожертвований защитникам Севастополя. Накануне получения этого циркуляра гелюнги хурулов сотен улусов Калмыцкого округа привели к присяге калмыков-казаков от 12 лет и старше на верность государю императору Александру II, вступившему на престол 18 февраля 1855 г. В циркуляре МВД отмечалось, что герои-защитники Севастополя, стоявшие несокрушимым оплотом против врагов России, своей беспримерной храбростью, стойкостью и самоотвержением снискали себе благодарное удивление всех истинных сынов Отечества. В документе говорилось, что по высочайшей воле государя императора открывается случай выразить благодарность подвигом благотворения [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 27. Л. 49–54, 56–93].

Наказный атаман, выступая 18 июня 1855 г. на заседании Войскового правления, отмечал, что «предмет сего пожертвования столь близок каждому русскому сердцу, что без сомнения он найдет в Войске Донском всеобщее сочувствие и достойные жертвы в пользу бессмертных защитников Севастополя» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 27. Л. 56–93].

В этот благотворительный фонд одним из первых 30 августа внес пожертвование в сумме 200 руб. от духовенства Калмыцкого округа бакша донских калмыков Джембо Ганджинов. Калмыцкое население округа внесло в фонд защитников Севастополя 627 руб. 62 коп. серебром. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 27. Л. 154].

Еще накануне этого события, в начале 1854 г., через Миусский и Черкасский округа Земли Войска Донского должно было проследовать на Крымский театр войны более чем 30-тысячное российское войско. В связи с этим наказный атаман М. Г. Хомутов обратился к дворянству и всему населению Дона оказать проходящему войску всеобщее внимание и помощь в обеспечении продовольствием и транспортом. В фонд пожертвований войску, направлявшемуся на сражение с неприятелем, калмыки-казаки поставили 90 голов крупного рогатого скота и 240 овец, внесли 230 руб. серебром, из них 100 руб. только духовенство Калмыцкого округа [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2351. Л. 1, 5, 23; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2546. Л. 1–10б.].

Калмыцкое духовенство на Дону относилось к весьма богатому сословию. В 1850-х гг. в число 975 донских крупных коннозаводчиков входили 350 калмыцких скотоводов. Из 161 духовного лица калмыцких хурулов нанимали табунщиков (от 3 до 5 и более) свыше 50 человек (бакши донских калмыков, более 30 гелюнггов и 20 гецулей, манджиков). Одним из богатых калмыков, наряду с бакшами (Дамбой Чулуновым, Аркадом Чубановым, Менке Борманжиновым и др.), являлся гелюнг хурула 1-й сотни Среднего улуса Джамбо Харьков, имевший более тысячи лошадей и столько же крупного рогатого скота, овец, два зимовника с водяными ставками и базами [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1030. Л. 6; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2342. Л. 33, 34; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2558. Л. 16, 17].

4. Подготовка реформы территориально-поземельного устройства, службы буддийского духовенства

Статистический комитет области Войска Донского, готовясь к проведению административной и территориальной реформы, уточнил и расписал, охарактеризовав местность, население, все населенные пункты Земли Войска Донского, в том числе и Калмыцкого округа. Правление его находилось весьма отдаленно от улусов — в слободе Ильинской 2-го Донского округа. В административно-территориальном отношении Калмыцкое кочевье по-прежнему состояло из 3 улусов (станций), разделенных на 13 сотен, приравненных по положению с волостями. Статкомитет на основании сведений, представленных заседателями Калмыцкого правления есаулом Поповым и сотником Валовым¹, в августе 1859 г. подготовил подробные сводные данные о местонахождении, территории, населении улусов, сотен.

По данным переписи 1859 г., на Дону проживала 5 701 калмыцкая семья с общей численностью населения 21 250 человек (мужчин — 10 503, женщин — 10 747). За 13 лет (1846–1859 гг.) за счет образования молодых семей количество дворов увеличилось на 1 103, а население всего лишь на 542 человека [Максимов 2016: 246]. Низкий за эти годы прирост калмыцкого населения Н. А. Маслаковец объяснял несовершенством сбора статистических сведений. Помимо этого, основную причину он видел в малом количестве заключаемых браков среди калмыков и в низкой рождаемости [Маслаковец 1874: 43]. По этим показателям калмыки отставали от остального донского населения в 1,5 раза. Среди калмыков значительное количество было безбрачного мужского населения, т. е. 178 служителей духовенства (бакша — 1, гелюнггов — 54, гецулей — 61, манджиков — 60). На 19 мужчин-калмыков приходилось 1 духовное лицо, а среди всего донского населения одно духовное лицо — на 154 мужчин [Максимов 2016: 246].

В 5 калмыцких сотнях (Бурульской, Бембедикина, Рынцева 2 хурула, Булгуновской, Намровской) имелись крупные хурулы в добротных деревянных зданиях, в 8 сотнях — хурульные кибитки, в которых службу проводили 154 штатных священнослужителя, за штатом находились еще 24 человека [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2558. Л. 18об.–19]. Главой буддийского духовенства донских калмыков в это время еще служил престарелый Джамбо Ганджинов.

Общества пяти сотен (1 и 2-я сотни Среднего улуса, 2-я сотня Нижнего улуса, 3 и 4-я сотни Верхнего улуса) в начале 1862 г. приняли решения построить

¹ Имя и отчество неизвестны.

деревянные здания для своих хурулов, которые нашли поддержку у Калмыцкого правления и Войскового правления Войска Донского. По предложению Экспедиции Войскового донского хозяйства Войсковое правление решением от 3 сентября 1862 г. выделило на строительство пяти хурулов 3 950 руб. серебром (сотням Среднего улуса 800 и 500 руб., сотням Верхнего улуса 800 и 850 руб., 2-й сотне Нижнего улуса 1 000 руб.) с условием возврата этих сумм с доходов сотен указанных улусов [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3344. Л. 10–20; 21].

В это время капитала калмыцких сотен в Казначействе Войска Донского числилось 821 руб. 27,5 коп. и 81 558 руб. в Госбанке. Стоимость строительства хурула в 1-й сотне Среднего улуса составила 2 300 руб., из них сотенным обществом было собрано 1 800 руб. Общество 4-й сотни на строительство своего хурула дополнительно собрало 252 руб. и 3-й сотни Верхнего улуса — 190 руб., а общество 2-й сотни Нижнего улуса внесло на строительство своего хурула 2 500 руб. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3344. Л. 10–12, 21–21об.].

В период подготовки реформы на Дону в начале 1860-х гг. в 26 хурулах (12 стационарных в деревянных зданиях, 14 — в кибитках) несли службу 157 духовных лиц. Главным бакшой донских калмыков по-прежнему служил Джембо Ганджинов, но в связи с преклонным возрастом в 1867 г. он решил сложить с себя этот высший сан духовного лица. Войсковой наказный атаман Войска Донского генерал-адъютант Александр Львович Потапов 11 декабря 1867 г. направил рапорт военному министру [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 33–35]. В нем он докладывал, что «бакша донских калмыков Джембя Ганджинов, утвержденный в этом звании бывшим наказным атаманом Войска Донского, соизволения высочайшего повеления, объявившего генералу от кавалерии М. Г. Власову, бывшим военным министром генерал-адъютантом А. И. Чернышевым в предписании от 2 декабря 1843 г. за № 1817, достигшим ныне преклонной старости, и лишившийся собственного храма, обратился ко мне с просьбой об увольнении его от этого звания» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 33–33об.].

А. Л. Потапов писал по этому поводу: «Признав целесообразным оставление бакши Ганджинова в этом звании на некоторое время, так использовать может быть весьма полезно при исполнении службы на виду преобразованиях в калмыцком народе, для проведения его оставив на службе, обещав задествовавших закрепление на назначение ему помощника. Вследствие этого я поручил Судье Калмыцкого правления войсковому старшине Тарарину, по согласованию с бакшой Ганджиновым, представить избранных им кандидатов в помощники» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 34]. В свою очередь войсковой старшина Тарарин свидетельствовал о действительной необходимости в назначении бакше донских калмыков на случай его болезни или смерти помощника. Это мнение было поддержано калмыцкими сотенными обществами, и были выдвинуты в помощники два кандидата — Балдан Шарапов, гелюнг хурула 4-й сотни Нижнего улуса, и Прин Цеденов, гелюнг хурула 2-й сотни Среднего улуса. Последнего Тарарин находил «более достойным кандидатом на должность помощника бакши» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 34об.].

Далее атаман обращался с просьбой, несмотря на то, что должность помощника бакши не предусмотрена, в виду сложившихся обстоятельств все же разрешить (как временную меру) назначить помощника бакше донских калмыков [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 35об.].

Главное управление иррегулярных войск военного министерства 5 февраля 1868 г. письменно сообщило наказному атаману Войска Донского о том, что его предложение о помощнике бакши получило положительное разрешение. В письме начальника Главного управления отмечалось, что военный министр разрешил штатного гелюнга Среднего улуса 2-й сотни Прина Цеденова назначить на должность помощника бакши донских калмыков в виде временной меры, вызванной необходимостью, не учреждая этой должности законодательным порядком [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 40–40об.]. Сообщение Главного управления иррегулярных войск было рассмотрено, 27 февраля 1868 г. на заседании Войскового правления принято решение об исполнении разрешения военного министра [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 41–41об.]. В тот же день наказный атаман Войска Донского А. Л. Потапов подписал данное решение Войскового правления [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 42].

Таким образом, в феврале 1868 г. бакше донских калмыков Джембе Ганджинову наказным атаманом Войска Донского был назначен помощник гелюнг Прин Цеденов. При рассмотрении кандидатов на эту должность предлагались самим бакшой и сотенными обществами разные кандидатуры. Это, видимо, было связано с тем, что помощника бакши в обществе рассматривали как преемника Джембе Ганджинова. Действительно, по старости он через год — в феврале 1869 г. скончался. А. Борманджинов, посвятивший небольшую работу ламам донских калмыков, предполагал (без указания числа и месяца), что бакша донских калмыков Джембя Ганджинов умер в 1869 г. [Борманджинов 1997: 12]. Архивные материалы подтверждают эту дату. Д. Ганджинов являлся одним из служивших наиболее длительное время в этой должности — почти 27 лет (июнь 1842 – февраль 1869 г.). Его преемником в том же 1869 г. стал Коти Баджугинов, служивший с ноября 1853 г. гелюнгом хурула 1-й сотни Верхнего улуса (Граббевская станица) [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 792. Л. 7–8].

В связи с предстоящей реформой в Калмыцком кочевье в соответствии с Положением от 21 апреля 1869 г. о поземельном устройстве в казачьих станицах Военное министерство и Государственный совет 13 апреля 1872 г. поручили атаману Войска Донского представить предложения военному министру. Войсковой наказный атаман М. И. Чертков направил лишь 2 декабря 1872 г. военному министру проект «Правил об управлении калмыками Войска Донского» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 21, 47–48, 52, 60об.]. В объяснительной записке отмечалось, что «при разработке этого вопроса как со стороны экономической, так и административной, за основное начало принято мною распространение на донских калмыков общих законоположений об управлении казачьим населением области, с теми лишь незначительными изъятиями, которые вызываются особенностями кочевого быта и религиозного культа калмыков. В первом пункте проекта указывалось, что калмыцкое население Войска Донского, составляя станичные общества, пользуется в военном и гражданском отношении всеми правами и преимуществами, предоставленными Донскому войску, и управляется одинаковыми с ним законоположениями. Во втором пункте подчеркивалось, что лица духовного звания ламайского исповедания не принимают участия в станичном сходе и не могут быть избранными в общественные должности» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 21, 47–48, 52, 60об.].

Однако рассмотрение и обсуждение проекта, переписка по нему между Главным управлением иррегулярных войск Министерства военного и админи-

страцией наказного атамана Войска Донского затянулись на несколько лет. Особые разногласия и уточнения вызвали вопросы формирования сети окружного управления, судебных органов, земских учреждений, использования изъятых земельных долей у калмыков. Немалое внимание было уделено определению места и роли духовенства в калмыцком обществе. В связи с административно-территориальной реформой предлагалось сократить количество хурулов до 7, ограничив количеством станиц, и численность священнослужителей в них — до 91 [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 225].

В разгар дискуссий по проекту в октябре 1872 г. умер бакша калмыцкого народа на Дону Коти Баджуинов, седьмой буддийский иерарх этого высокого духовного сана. Судья Калмыцкого правления полковник Н. И. Машлыкин 19 октября 1872 г. доложил наказному атаману Войска Донского М. И. Черткову о том, что 13 октября сего года умер от болезни бакша донских калмыков Куте (правильно Коти. — К. М.) Баджуинов. При этом он сообщал, что первый кандидат в бакши гелюнг 4-й сотни Нижнего улуса Балдан Шарапов умер в 1871 г., а вторым кандидатом состоит гелюнг 2-й сотни Среднего улуса Прин Цеденов [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 84–85].

Войсковой наказный атаман М. И. Чертков 2 декабря 1872 г. направил рапорт военному министру, в котором сообщал, что бакша донских калмыков Куте (Коти) Баджуинов умер [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 77–77об.].

По положениям 1843 и 1857 гг. трое кандидатов, избранных калмыцкими сотенными обществами из состава гелюнгов, должны были быть представлены наказному войсковому атаману на утверждение одного из них, получившего наибольшее количество голосов, в должности бакши. Между тем в представленном в проекте об устройстве донских калмыков предполагалось должность бакши упразднить, поскольку бакша, по мнению представлявшего проект, никакой роли не выполняет ни в религиозных, ни в административных делах, к тому же не знает русского языка [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 78, 79об., 80об.]. Поэтому М. И. Чертков предлагал до введения реформы должность бакши оставить вакантной и в каждом хуруле назначить старшего гелюнга [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 77–91].

Следует заметить, что войсковой наказный атаман не только утверждал, но и имел право сместить, наказать калмыцкого бакшу, главу калмыцкого духовенства. В связи с обсуждением проекта реформы вопрос о выборах бакши длительное время не решался ни атаманом Войска Донского, ни Главным управлением иррегулярных войск. В августе 1873 г. Судья Калмыцкого правления Н. И. Машлыкин, доложив о беспокойстве в калмыцком обществе в связи с отсутствием бакши, вынужден был просить наказного атамана утвердить, хотя бы временно, в должности бакши донских калмыков старшего гелюнга 4-й сотни Нижнего улуса Аркада Чубанова, пользующегося большим авторитетом у духовенства и населения, владеющего русским языком, заведующим калмыцким духовенством [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 102].

По всей вероятности, полковник Н. И. Машлыкин, получив устное поручение наказного атамана, 18 сентября 1873 г. представил областному правлению предложение сделать соответствующее распоряжение, согласно указанию наказного атамана, возложить на штатного гелюнга 4-й сотни Нижнего улуса Аркада Чубанова обязанности бакши впредь до особого распоряжения. Но эта

проблема разрешилась лишь со вступлением на должность Войскового наказного атамана Войска Донского генерал-адъютанта Николая Александровича Краснокутского. Наказный атаман Н. А. Краснокутский 29 октября уведомил областное правление и 31 октября 1874 г. Калмыцкое правление о назначении им на должность бакши донских калмыков гелюнга 4-й сотни (Намровской) Нижнего улуса Аркада Чубанова [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 102, 103, 104].

Следует заметить, что А. Борманджинов, говоря о времени смерти бакши Коти Баджугинова, кандидатах на должность бакши, назначении Аркада Чубанова бакшой донских калмыков, допустил неточности в датах, фамилиях. Он писал, что «лама Коти Баджугинов умер, вероятно, ранним летом 1872 г. Как мы уже знаем, он прожил не дольше лета того года» [Борманджинов 1997: 13]. И далее: «Тем не менее, известно, что где-то в 1873 г. у донских калмыков появился новый лама. Его звали Аркад Чубанов, родом он был из Намровской сотни... Он был избран где-то осенью или зимой 1872 года, или в начале 1873 года, но официально был утвержден в 1873 г.» [Борманджинов 1997: 13, 16–17]. Как видим, все это противоречит архивным документальным источникам, созданным в результате деятельности официальных учреждений и должностных лиц Войска Донского и Калмыцкого правления, именно при фиксации событий и фактов по данному вопросу.

5. Предложения наказного атамана Н. А. Краснокутского по реформе службы буддийского духовенства

После вступления в должность Войскового наказного атамана Войска Донского генерал-адъютанта Н. А. Краснокутского Главное управление иррегулярных войск Министерства военного 4 сентября 1874 г. направило ему проекты: Правил об управлении калмыцкого населения области Войска Донского и Положения об образовании области Войска Донского Сальского гражданского округа [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 107]. Главное управление, внося несколько замечаний и предложений в указанные проекты, предложило Н. А. Краснокутскому рассмотреть представленные проекты его предшественником, высказать свое мнение и внести предложения.

Н. А. Краснокутский 31 октября 1874 г. представил Главному управлению иррегулярных войск варианты проектов с принципиальными поправками [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 119–131]. В целом одобрив реформу по земельному довольствию, он обратил внимание на совершенствование обучения манджиков в хурулах. Он предложил организовать при каждом станичном хуруле духовное училище для мальчиков, включив в программу обучения русский и калмыцкий языки, арифметику, краткие основы географии и русской истории. При этом он отмечал, что это необходимо не только для подготовки манджиков, но и «для приобщения калмыков к определению детей в училища».

Следующим важным вопросом он считал сохранение должности бакши донских калмыков, но выборы заменить назначением его наказным атаманом [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 127–128об.]. Он писал: «...назначение на должность бакши следовало бы предоставить личному рассмотрению Войскового Наказного Атамана. После чего, завися только от одной администрации, бакша в качестве начальника Ламайского духовенства и заведующего духовною калмыцкою школою, мог бы принести весьма существенную в деле будущего

морального преуспеяния калмыцкого населения. В этом последнем смысле удержание в будущее время должности бакши я считаю положительно полезным» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 127–127об.].

Помимо этого, он предложил в каждой станице иметь один хурул со штатом 4 гелюнга, 4 гецуля и 4 манджика [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 127об.–128]. Н. А. Краснокутским был добавлен 15-й пункт, гласящий: «Главное управление духовными делами хурулов и Ламайского духовенства в Донских калмыцких станицах возлагается на бакшу донских калмыков, назначаемому из числа штатных гелюнгов властью Войскового Наказного Атамана» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 128–128об.].

Так что донские калмыки сохранению у них высшего иерарха духовенства — бакши — должны были быть благодарны судье Калмыцкого правления, полковнику Н. И. Машлыкину и наказному атаману Войска Донского Н. А. Краснокутскому. Эти чувства калмыцкого населения Дона, по всей вероятности, были выражены в нижеприводимом письме бакши Аркада Чубанова атаману казачьего Дона.

В мае 1875 г. область Войска Донского посетил великий князь Николай Николаевич старший с целью осмотра в Задонской степи частных конных заводов, в том числе и табуны Калмыцкого округа. 11 мая он посвятил осмотру калмыцких табунов в местности балки Мокрая Каранчевая и Казенного моста через Маныч (в районе территории 4-й сотни Нижнего улуса) [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1671. Л. 35–35об.]. Судя по содержанию нижеприводимого текста письма бакши донских калмыков Аркада Чубанова от 31 мая 1875 г. на имя Войскового наказного атамана Н. А. Краснокутского, осмотр калмыцких табунов произвел хорошее впечатление на великого князя Николая Николаевича.

«Ваше Превосходительство, Благодетельный Бачка,
Николай Александрович!

Мы, калмыцкое духовенство и черный народ, по милости Бога, здравствуем, чего и Вам и семейству Вашего Превосходительства вместе с преуспеянием в Ваших добрых делах желаю. Калмыки и духовенство наше глубоко благодарят Ваше Превосходительство, что осчастливили представлением нас и наших табунов Его Императорскому Высочеству Государю Великому князю Николаю Николаевичу старшему и рекомендовали перед Его Высочеством с самой хорошей стороны, чего мы всегда усердно желаем оправдать. Посылаемых при сем двух зверьков почтительнейше прошу Ваше Превосходительство передать Вашей маленькой барышне.

От всей души глубоко желаю Вам и семейству Вашего Превосходительства столетней жизни.

Затем остаюсь и имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой Бакша донских калмыков Аркад Чубанов. 31 мая 1875 года» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1671. Л. 47–47об.].

Помета наказного атамана на письме: «Ответить, что имеет благотворное желание Бакше и всему калмыцкому народу процветания и развития» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1671. Л. 47].

Здесь следует, конечно, сказать о неблагоприятной роли Войскового наказного атамана М. И. Черткова в попытке упразднить должность главного духовного лица буддистов донских калмыков, которая существовала в калмыцком народе

по сложившейся вековой традиции. Упразднение высшего иерарха религии донских калмыков привело бы к разрушению местной системы буддийской службы, следовательно, и к утрате ее значения не только как хранителя религиозно-культурных традиций, но и продолжателя заложенных древних традиций.

Не совсем понятно, какую цель он преследовал и чем руководствовался. Может быть, были правы его современники, неизвестные критики деятельности М. И. Черткова на посту атамана донского казачества. Анонимные авторы писали: «... Перед лицом лучшей части нашей публики мы будем правы, потому что мы ненавидим всю силою нашего сердца тот сатрапский произвол, который царствовал по всем частям Вашего управления. Вы в сущности не злой человек, но Ваши дела, Ваши поступки злого человека... Вы это сделали по своей обычной тупой несообразительности...» [Волвенко 2018: 168–169]. Видимо, следует согласиться с характеристикой, по достоинству оценившей административную деятельность атамана донского казачества М. И. Черткова авторами, его современниками, обладавшими наблюдательностью и аналитическими способностями.

В 1875 г. в 16 хурулах калмыцких улусов службу несли 156 штатных духовных лиц. В связи с введением в 1875–1876 гг. в Донском войске нового порядка отбывания воинской повинности, согласно «Положению о военной службе казаков Донского войска» и «Уставу о военной повинности казаков Донского войска», донские калмыки были подчинены действию Устава о воинской повинности. В этом Уставе имелось указание об освобождении от отбывания воинской повинности духовных лиц лишь христианского исповедания. Хотя в нем о духовных лицах буддийского вероисповедания ничего не оговаривалось, донское войсковое начальство, руководствуясь законоположением от 28 июля 1849 г., продолжало по-прежнему не привлекать к наряду на службу штатный состав калмыцкого духовенства. В последующем отсутствие в Уставе указания об освобождении калмыцких духовных лиц от воинской службы вызвало разногласия в этом вопросе [Война и население 2019: 108]. Разрешение этого вопроса в законодательном порядке затянулось весьма на длительный срок.

Подготовленный Военным советом [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 199об.–211, 212–213] проект Положения о поземельном устройстве донских калмыков был высочайше утвержден императором Александром II 23 мая 1876 г. [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232–232об.]. Наказному атаману Войска Донского поручалось: «а) приступить к переводу калмыцкого населения на новые места по мере обмежевания назначаемых для него новых станичных юртов; б) вместе с избранием пунктов для местопребывания станичных правлений ныне же указать места для устройства при оных хурулов; в) войти в Военное министерство с особым представлением о мерах к устройству в калмыцких станицах начальных школ и к развитию между калмыками начального образования» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232–232об.].

6. Принятие положений об административном устройстве и о буддийском духовенстве

В ходе реализации данного указа Военный совет подготовил и внес в начале июля 1877 г. на утверждение императора положения «Об административных изменениях Калмыцкого округа и о развитии среди калмыков начального образо-

вания» и «Об устройстве калмыцкого населения на Дону». Последнее Положение состояло из двух разделов: «Об общественном управлении» и «О хурулах и ламайском духовенстве» [ГА РО. Ф.46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.–233].

В первом разделе первый пункт гласил: «Калмыцкое население области Войска Донского подчиняется высочайше утвержденному 13 мая 1870 г. положению об общественном управлении в казачьих войсках, с дополнениями и изменениями, указанными в настоящем положении» [ГА РО. Ф.46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.]. Вводилось требование обязательного знания русского языка должностными лицами станичного уровня, за исключением станичных судей. Впервые в законодательном порядке регулировался вопрос о правовом статусе калмыков, принимающих православную веру. «Калмыки, принимающие святое крещение поодиночно или целыми семействами, могут, по собственному желанию, или перечисляться в общества многоземельных казачьих станиц, без приемных приговоров от этих обществ, или оставаться в своих станицах с сохранением всех прав и преимуществ, донским калмыкам, присвоенных» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.–233].

Второй раздел регламентировал порядок управления духовенством, количество хурулов и их штаты, участие священнослужителей в общественных делах. Вопреки предложению М. И. Черткова, новому наказному атаману Н. А. Краснокутскому удалось сохранить должность бакши донских калмыков, но с изменением порядка назначения. Этот раздел открывался записью: «Управление духовными делами ламайского духовенства в донских калмыцких станицах возлагается на бакшу донских калмыков, назначаемого войсковым наказным атаманом из числа штатных гелюнггов, по представлению судьи Калмыцкого правления» [ГА РО. Ф.46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.]. Принцип выборности станичными обществами отменялся, в соответствии с положением 1843 г. предусматривался институт выборщиков.

На станицу полагался 1 хурул во главе с бакши-гелюнггом, избираемым станичным обществом, со штатом 4 гелюнггов, 4 гецулей и 4 манджиков, знавших русскую грамоту. Все служители хурулов, претендующие на должности рекомендовались бакшой и по представлению судьи Калмыцкого правления утверждались Войсковым наказным атаманом. Духовные лица, состоявшие в штате духовенства, освобождались от всех натуральных повинностей, службы в строевых частях, в соответствии с возрастом причислялись в разряд служилого состава войска, наделялись правом участия в пользовании станичными довольствиями наравне со всеми гражданами станичного общества. Но они не могли быть избранными в общественные станичные управления [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.–233].

Положение об избрании на альтернативной основе представителя от буддийского духовенства в Калмыцкое правление в качестве депутата по-прежнему сохранялось. В том же году (1877 г.) в связи с истечением сроков полномочий были проведены очередные выборы депутатов Калмыцкого правления, сотенных сотников и их помощников, хотонных приказных. На альтернативной основе тайным голосованием выборщиков были избраны депутатами в Калмыцкое правление от духовенства гелюнг 4-й сотни Верхнего улуса Пурве Неминов, от граждан — урядник Ильзете Учуров, бывший сотник 4-й сотни Верхнего улуса [Максимов 2016: 254].

Так совпало, что с завершением образования Сальского округа в мае 1887 г.

в войско Донское с визитом прибыл император Александр III с императрицей Марией Федоровной, наследником Цесаревичем и великими князьями Николаем и Георгием Александровичами. На следующий день, 6 мая, на войсковом круге император огласил текст пожалованной войску Донскому грамоты, вручил наследнику Цесаревичу пернач¹, знак достоинства атамана всех казачьих войск. В этот день и 7 мая император посетил учебные заведения Новочеркасска, произвел смотр казачьим частям, в которых были представлены и калмыки-казаки. После парада император Александр III посетил полевой калмыцкий хурул. Бакша донских калмыков Аркад Чубанов со своими священниками в часть императора и высоких гостей исправил буддийскую ритуальную службу. Бакша Аркад Чубанов был удостоен Александром III золотой медали для ношения на шее на орденской ленте Святой Анны [Краснов 2007: 399–401; Борманджинов 1997: 19].

В калмыцких станицах Сальского округа в это время функционировали 16 хурулов (10 в деревянных и 6 в кирпичных зданиях) [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 167. Л. 42], в которых служили 137 человек духовного звания. В начальный период образования Сальского округа буддийское духовенство возглавлял еще бакша донских калмыков Аркад Чубанов. После его кончины Войсковой наказный атаман, генерал от кавалерии Н. И. Святополк-Мирский назначил в мае 1894 г. бакшой донских калмыков Джимба Микулинову, настоятеля хурула Платовской станицы. Он в этой должности прослужил менее трех лет. С мая 1897 г. исполняющим обязанности бакши донских калмыков являлся Бока Кулишов, гелюнг хурула Ики-Бурульского аймака Платовской станицы. В Великокняжеской станице православные имели свою церковь, в Атаманской и Денисовской станицах — по собору. В 1899 г. в Платовской станице была построена православная церковь. В них церковную службу несли 39 священнослужителей [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3167. Л. 42; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3222. Л. 2]. В Сальском округе православные имели 6 церквей и 2 собора, в которых службу несли 45 священнослужителей. По вероисповеданию калмыки-казаки, коренные жители 7 калмыцких станиц Сальского округа, являлись ламаистами (буддистами), за исключением 1 200 калмыков, принявших православную веру и проживавших в других станицах области Войска Донского [Максимов 2016: 302; ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 514. Л. 5–6, 185, 208, 209, 224].

В начале 1890-х гг. в 13 хурулах семи калмыцких станиц духовной службой были заняты 139 священнослужителей. Однако в 1900 г. вновь возник вопрос о военной службе калмыцких духовных лиц, а причиной явилось разъяснение Главного управления казачьих войск о том, что донские калмыки, согласно 413-й статье Устава о воинской повинности казачьих войск, всецело подчинены действию этого Устава, освобождающего (ст. 466) от службы лиц священнослужителей христианского вероисповедания. Поскольку в нем калмыцкое духовенство не упоминается, то духовные лица «далай-ламайского» (т. е. буддийского) исповедания не подлежат освобождению от несения воинской повинности. Во исполнение этого разъяснения Донское войсковое начальство издало распоряжение о привлечении, начиная с 1901 г., калмыцких духовных лиц призывного возраста к наряду на службу. При этом отмечалось, что духовные должности в калмыцком населении Донской области могут быть впредь замещаемы лишь

¹ Пернач — холодное оружие ударно-дробящего действия, серебряная или позолоченная булава, иногда украшенная конским хвостом и перьями на шаре.

лицами, отбывшими воинскую повинность или такими, которые по медицинскому освидетельствованию окажутся к военной службе неспособными. Начальник Главного управления казачьих войск П. О. Щербов-Нефедович в записке министру внутренних дел отмечал, что это распоряжение донского начальства произвело весьма тягостное впечатление на калмыцкое население Донской области, и все семь калмыцких станиц области особыми приговорами станичных сборов постановили ходатайствовать перед войсковым начальством оставить тот порядок, освобождавший калмыцких духовных лиц от военной службы, который существовал с 1849 г. до 1901 г. Это ходатайство калмыцкого населения Донской области Войсковым наказным атаманом К. К. Максимовичем было представлено в Военное министерство с объяснением, что число духовных лиц из калмыков, могущих ежегодно подлежать освобождению от призыва, весьма незначительно. Военный совет, отметив, что высочайшим повелением, вошедшим в ст. 500 II тома 2-ой части Свода законов Российской империи, обеспечена калмыцкому народу свобода вероисповедания и ненарушаемость его веры и обычаев, а высочайше утвержденным 28-го июля 1849 г. положением Военного совета определен штат духовных лиц калмыцкого духовенства (156 человек), освобожденных от действительной военной службы. На этом основании Военный совет признал безусловно необходимым освободить калмыцкое духовенство от личного отбывания воинской повинности. Однако, учитывая, что в Уставе о воинской повинности казачьих войск по этому вопросу не было никаких указаний, Военный совет признал настоящее дело подлежащим рассмотрению в Государственном совете. В связи с этим Военный совет внес «на уважение Государственного совета» представление об освобождении калмыцкого духовенства от личного отбывания воинской повинности, по предварительному сношению с министром внутренних дел. До рассмотрения этого дела в Государственном совете калмыцкое духовенство было решено от личного отбывания воинской повинности освободить; о чем представить Главному управлению казачьих войск сделать надлежащее распоряжение. В итоге предложение Военного совета в Государственном совете 4-го июля 1903 г. было рассмотрено и с высочайшего соизволения утверждено [*Война и население* 2019: 108–111].

7. Донское буддийское духовенство в начале XX в.

В начале XX в. в 12 калмыцких станицах действовали 17 хурулов (14 в деревянных зданиях и 3 в кирпичных), в которых службу несли 149 духовных лиц во главе с ламой донских калмыков Монке Борманжиновым, избранным в соответствии с действующим положением 1843 г. выборщиками фактически без альтернативы. Основные претенденты не приняли участие в процессе выборов: Джимбя Микулинов (бакша донских калмыков в 1894–1896 гг.) снял свою кандидатуру, а Дамбо-Даши Ульянов (старший гелюнг хурула Эркетинской станицы) не решился участвовать в выборах, поскольку, по всей вероятности, длительное время отсутствовал на Дону, к тому же готовился к отбытию в Тибет на поклонение Далай-ламе (в составе специальной экспедиции).

Монке Борманжинов был утвержден, согласно новому положению 1877 г., наказным атаманом Войска Донского К. К. Максимовичем, на эту должность в начале 1903 г. (выборы в калмыцких станицах, как правило, состоялись в начале года). 48-летний М. Борманжинов с 1883 г. до назначения ламой донских

калмыков служил бакшой Богшракинского хурула (2-я сотня Нижнего улуса, затем с 1877 г. Денисовская станица) [Борманджинов 1997: 23–24].

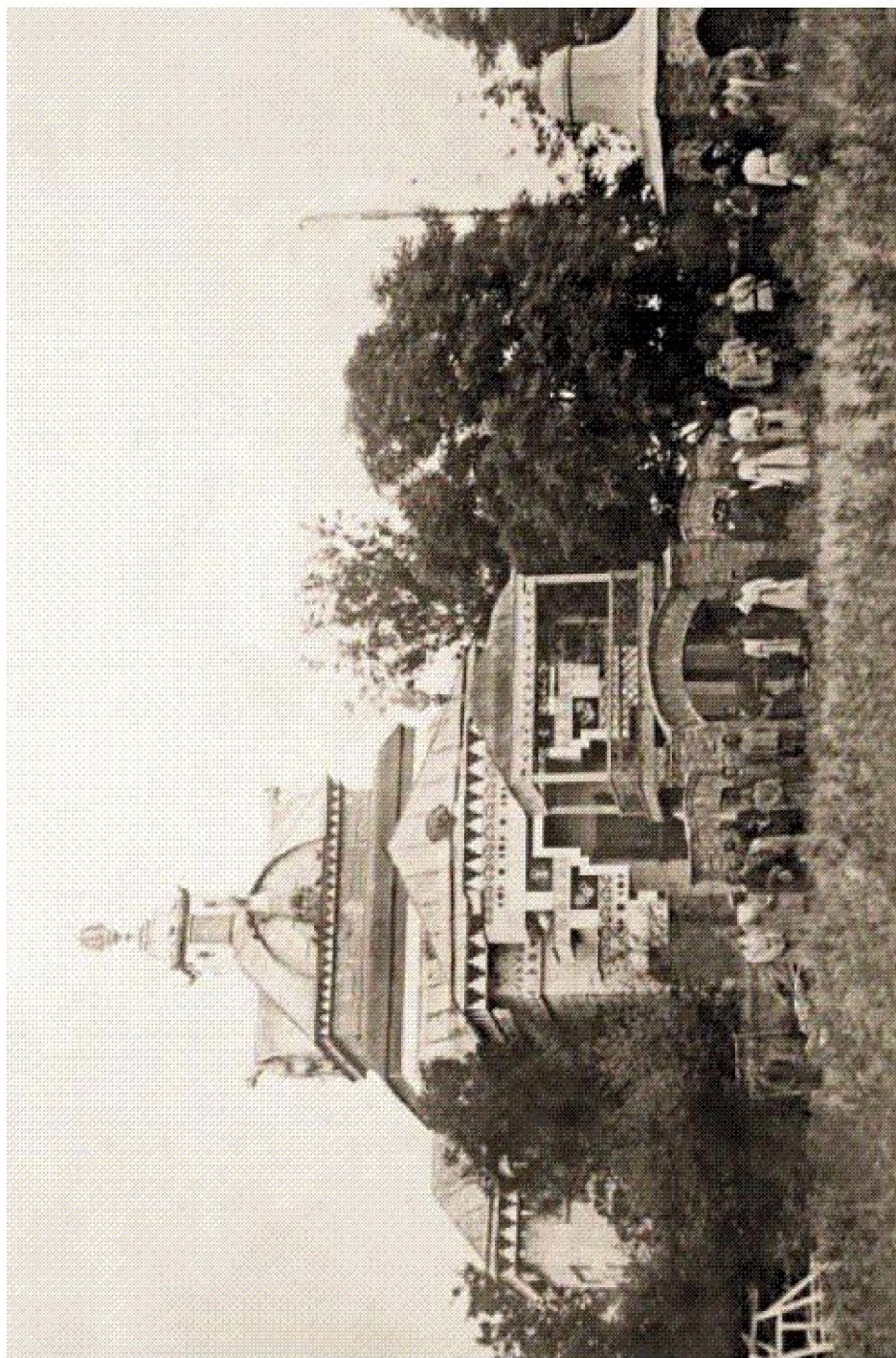
В 1903 г. бакшой Денисовского хурула (см. фото 1), вместо М. Борманжинова, был избран 28-летний Лубсан Шараб Тепкин, который прослужил в этой должности до выезда в Тибет в 1911 г. для продолжения учебы. Вернулся он в Россию в 1922 г. в качестве официального представителя Далай-ламы XIII, и в 1925 г. на второй конференции буддийского духовенства и верующих мирян Калмыкии был избран шаджин-ламой калмыцкого народа.

В калмыцких станицах также службу вели 4 православные церкви (в Денисовской, Платовской и две Ново-Алексеевской станицах). Денисовская станица в эти годы выделялась из остальных калмыцких станиц своим благоустройством и наличием учебных заведений, деревянных и каменных домов. В станице работали 6 хуторских школ, в том числе одно женское. В открытии учебных заведений и развитии образования в станице велика заслуга была бакши М. Борманжинова [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 638. Л. 229–230, 243–246, 322, 360; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3534. Л. 3об., 6об.; Донские епархиальные 1911: 1005–1007].

В 1908 и 1910 гг. из Потаповской станицы выделились Эркетиная и Беляевская юртовые станицы, в 1910 г. из Граббевской станицы — Бурульская станица со своими хурулами. В Беляевском хуруле бакшой служил Иван Бультинович Китанов, Бурульском хуруле — Зольван Малунов. В Эркетином хуторе в 1905 г. было построено каменное здание для хурула с комплексом построек. В штате хурула, кроме священнослужителей, числились эмчи (священнослужитель-врачеватель), зурхачи (астролог), зурачи (художник-иконописец). Старшим гелюнгом в нем служил высокообразованный Дамбо-Даши Ульянов, известный священнослужитель, внесший большой вклад в дело развития образования [Дронов 2017: 43, 44, 47]. В хуруле работал талантливый специалист по иконографии и чеканке Кириб Бадмаевич Бадаков. Им была изготовлена из серебра модель буддийского храма в восточном стиле, которая была подарена императору Николаю II представителями калмыков-казаков делегации области Войска Донского к 300-летию династии Дома Романовых (другие сведения о модели в статье: [Мучаева, Бакаева 2023: 27–37]; см. фото 2).

Император Николай II, учитывая роль и значение калмыцкого духовенства в мобилизации на защиту Отечества, в подъеме патриотического духа калмыков-казаков, 6 декабря 1915 г., по представлению Департамента духовных дел МВД, «всемилоостивейше соизволил пожаловать орден Св. Анны 2-й степени ламе донских калмыков Монке Борманжинову, и нагрудные медали с надписью „За усердие“: золотую на Аннинской ленте — штатному гелюнгу Власовского хурула, области Войска Донского, почетному блюстителю Власовского женского училища 3-го разряда Хоче Польшинову; серебряную на Станиславской ленте — хурульному бакше, штатному гелюнгу станичного хурула Беляевской станицы Ивану Китанову и штатному гелюнгу станичного хурула Денисовской станицы Ниме Каюкинову, в воздаяние отлично-усердной их службы» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3912. Л. 4–4об.]. Эти награды Главный штаб МВД препроводил 18 апреля 1916 г. в Канцелярию войскового наказного атамана Войска Донского для вручения награжденным ламе донских калмыков и буддийским священникам указанных калмыцких станиц [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3912. Л. 1–4об.].

Следует отметить, что с участием калмыков-казаков в революционных событиях начала XX в. не только в составе донских казачьих военных частей, но

Хурул ст-цы Денисовской. 1919 год.

Фото 1. Хурул станицы Денисовской. 1919 г.
Photo 1. Khurul of Denisovskaya stanitsa. 1919

Фото 2. Делегация донских калмыков с дарами для императора. 1908 г.

Photo 2. Delegation of Don Kalmyks with gifts for the emperor. 1908

и со своими национальными полками принципиальные изменения произошли в штатных должностях калмыцкого духовенства. Несмотря на то, что никакими нормативными положениями не предусматривался и в донских казачьих полках отсутствовал институт полковых священников, с образованием в 1918 г. двух калмыцких конных полков учреждалась должность штатного полкового гелюнга, назначаемого ламой донских калмыков. Полковые гелюнги постоянно находились в полках при походах и боевых действиях. Первым полковым гелюнгом Зюнгарского калмыцкого конного полка лама Монке Борманжинов назначил Даву Кульдинова, служившего гелюнгом хурула Денисовской станицы, а гелюнгом 3-го Калмыцкого конного полка — Лиджу Кукушкина, священнослужителя хурула Чунусовской станицы.

П. Н. Краснов, учитывая роль и значение духовенства в борьбе с большевиками, при вступлении в мае 1918 г. в должность войскового атамана Дона обратился к архиепископу Донскому Митрофану. Атаман предлагал архиепископу «призвать благословение Господа сил на все труды наши. Создать собор духовенства в месячный срок, и пригласить на него старообрядческих священников и буддийских гелюнгов, и выработать закон об устройстве быта духовенства и причта, и о безвозмездном исполнении богослужений и треб, и о благолепном служении в храмах независимо от усердия прихожан» [*Дон в годы революции 2020: 16*].

В самый активный период борьбы казачества, в том числе и калмыков-казачков, с большевиками, в мае 1919 г. в своей станице Денисовской, после возвращения из лагеря беженцев на Кубани, умер лама буддийского духовенства донских калмыков Монке Борманжинов. В сложное время войны без выборов, с общего согласия в должность ламы донских калмыков вступил Шургучи Нимгиров, хурульный бакша аймака Багуда (Батлаевская станица). Он был признан донскими властями, и в 1919 г. его официально посетил Донской атаман А. П. Богаевский в Денисовском хуруле. Это подтверждается помещенной в данном издании фотографией (см. фото 3).

Судьба ламы Шургучи Нимгирова оказалась трагической. Ему пришлось во время Гражданской войны эмигрировать и закончить жизненный путь на чужбине, в лагере беженцев в Турции. На одном из последних пароходов с гражданскими беженцами, уходившем 25 марта 1920 г. из Новороссийска на остров Лемнос, находились несколько калмыцких семей, в том числе и Б. Н. Уланов с семьей, член Донского правительства; Аве Годинович Буринов (Боринов), гелюнг станицы Платовской; Б. Б. Сусинов, атаман станицы Беляевской, в Гражданскую войну в Донской армии; Шургучи Нимгирович Нимгиров, гелюнг хурула станицы Батлаевской и временно исполнявший должность ламы донских калмыков; и другие семьи. Что касается гелюнга А. Г. Буринова, по всей вероятности, он являлся священником 3-го Калмыцкого полка.

Говоря об эмиграции калмыцких беженцев из Турции, бывший военный прокурор белого движения полковник И. М. Калинин писал, что в Софии они жили большой общиной, кое-как приспособив под жилье старые товарные вагоны. Во главе их стоял «бакша» (религиозное имя Джамцо, в миру Абушинов Нарни Николаевич — гелюнг хурула станицы Батлаевской, провозглашен бакшой еще на острове Лемнос в 1921 г. (после смерти бакши Шургучи Нимгирова и Аве Годиновича Буринова) калмыцким эмигрантским сообществом. — *К. М.*), пер-

Фото 3. Атаман А. П. Богаевский в станице Денисовской
Photo 3. Ataman A.P. Bogaevsky in Denisovskaya stanitsa

восвященник, и «он благословил избранный народом путь к родным очагам». Сам бакша вернулся в Россию в начале 1930-х гг., но, к сожалению, в 1937 г. был арестован и тройкой НКВД приговорен к расстрелу [Калинин 2012: 236, 237, 238].

Кстати, Л. П. Решетников пишет, что в лагерях на острове находились три буддийских священника из 80-го Калмыцкого казачьего полка Всевеликого Войска Донского, «окормлявшие» калмыков-буддистов. Двое из них, бакша-лама Шургучи Нимгирович Нимгиров и Аве Гоудинович Буринов, а также Б. Б. Сусинов похоронены в 1920 г. на русском кладбище на мысе Пунда. Согласно же эпитафии, лама донских калмыков Шургучи Нимгиров умер на острове Лемнос в 1921 г. [Решетников 2012: 87–88; Зюнгарцы 2021: 454].

8. Донское буддийское духовенство в годы советской власти

В дни 1920 г., когда установилась советская власть в Сальском округе и вернулись многие калмыцкие беженцы в места своего проживания, в общественной жизни калмыцких станиц произошло важное событие. После эвакуации и смерти ламы донских калмыков Шургучи Нимгирова калмыцкое население оказалось без духовного лидера. В обстановке некоторой «лояльности» советской власти к буддийской вере, определявшейся в это время восточной политикой внешнего ведомства Советского государства, стало возможным решение проблемы о главе буддийского духовенства в калмыцких станицах на Дону. По общему согласию оставшихся буддийских священнослужителей и населения ламой старшим духовным наставником донских калмыков был провозглашен авторитетный и почитаемый среди верующих общественный деятель Иван Бультинович Китанов (Гаван Араш), бакша хурула Беляевской станицы. По всей вероятности, он так же, как и лама Монке Борманджинов, в 1918–1919 гг. являлся беженцем на Кубани. Иначе невозможно объяснить избежание им трагической участи гелюнгов из хурулов его Беляевской станицы в 1918 г. По имеющимся сведениям, в 1918 г. красноармейцами были расстреляны священнослужители хурулов этой станицы Санджи Мамутов, Дорджи Нарминов, Товэн Сесинов, Шарапов и Замбо Цагадинов.

Лама донских калмыков Иван Китанов в 1923 г. принимал участие в совещании высшего духовенства Калмыцкой автономной области, а также в качестве делегата от донских буддийских священников — в первом съезде калмыцкого буддийского духовенства, состоявшемся в июле 1923 г. в Цанит-Чёря хуруле Манычского улуса Калмыцкой автономной области. Однако в связи с активизацией антирелигиозной политики советской власти, гонениями на религию, а также учитывая преклонный возраст, Иван Китанов в 1925 г. вынужден был сложить с себя высокий духовный сан ламы донских калмыков, и вскоре, в 1926 г., умер [Борманджинов 1997: 27; Зюнгарцы 2021: 459, 460, 461, 463; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 368. Л. 1–3; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 508 а. Л. 125; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 09. Л. 33–34].

И. Китанов перешел в миряне, по всей вероятности, не раньше октября-ноября 1925 г., поскольку в сентябре 1925 г. он еще принимал участие в 5-м духовном съезде калмыцкого народа в Калмыцкой автономной области в качестве ламы сальских калмыков (по протоколу съезда) с правом решающего голоса. На съезде он выступил и внес предложение открыть хурул для переселившихся сальских калмыков в Больше-Дербетовском улусе [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 77. Л. 57, 60об.].

Последним ламой (или старшим бакшой) донских калмыков, видимо, являлся Санжа (Анжук) Яматинич Куберлинов, 1896 года рождения, вернувшийся в июне 1922 г. из эмиграции. Он до эвакуации служил бакшой в хуруле Власовской станицы. В 1920 г. Санжа Куберлинов оказался в числе беженцев в Крыму, откуда попал в Турцию, затем на греческий остров Лемнос. Через небольшой срок вернулся в Константинополь, где полгода служил сторожем в русской общине. В феврале 1922 г. выехал в Болгарию и в Софии проработал разнорабочим до выезда (9 июня 1922 г.) в Россию в составе группы 68 человек (46 астраханских, 18 донских и 4 дербетовских калмыков) [НА РК. Ф. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 48–53].

То, что Санжа Куберлинов мог быть последним ламой сальских калмыков Дона, можно подтвердить следующим фактом. Он принимал участие от донских буддистов в качестве официального делегата на первом Всесоюзном соборе буддистов, состоявшемся 20–29 января 1927 г. в Москве, был избран в его рабочий президиум и выступал с докладом от Центрального духовного совета буддистов Сальского округа (см. фото 4). Все докладчики на соборе (от центральных духовных советов: Бурятии — лама Данжа Манкунжапов, Калмыкии — шаджин-лама Шараб Тепкин и Сальского округа — Санжа Куберлинов), сообщив о деятельности своих советов «в благоприятных условиях советской власти», особо подчеркивали роль новой власти «в начале проведения настоящих учений буддизма», значение Октябрьской революции «в предоставлении буддистам широкой свободы вероисповедания» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 244. Л. 12, 26, 37, 47; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 52об.; Зюнгартцы 2021: 458]. Эти их слова, конечно, следует понимать как «ложь во спасение», как вынужденно произнесенные с целью сохранения свободы религии.

В преддверии нового наступления советской власти на религию калмыцкие буддисты провели свой последний съезд, который завершил так называемый этап «заигрывания» большевиков с верхушкой буддийского духовенства. 5 июля 1928 г. состоялся IV съезд буддийского духовенства и верующих мирян Калмыцкой автономной области, на котором присутствовали 104 делегата. В его работе приняли участие приглашенные представители: Тибета — хамбо-лама А. Доржиев; ЦДС Бурятии — хамбо-лама Д. Мункунжапов; Тувинской республики — глава дацангов Танну; донских буддистов — от духовенства гелюнг Данзан Хамуров и от верующих граждан — Улан Сарангов. Ставший, как оказалось впоследствии, последним съезд буддистов, завершая свою работу, выразил благодарность органам государственной и партийной власти СССР «за объективное отношение к буддийской религии, предоставление политической свободы» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 244. Л. 33; НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 301. Л. 26–47].

Но на этом фактически все закончилось. ЦК ВКП(б), проведя проверку состояния работы партийных органов по борьбе с буддийской религией на местах, где она проповедовалась, принял 26 мая 1929 г. постановление «О состоянии и работе Бурят-Монгольской парторганизации». В нем и в одновременно принятой резолюции Антирелигиозной комиссией ЦК ВКП(б) «О современном состоянии ламаизма в Бурят-Монголии и задачах дальнейшей борьбы» поручалось партийным организациям усилить борьбу с ламаизмом, поскольку он, как и всякая религия, является, как подчеркивалось в документах, религиозной идеологией, на почве которой спланиваются антисоветские элементы [Кочетов 1973: 175].

Фото 4. Делегаты I Всесоюзного духовного буддийского собора
(г. Москва, январь 1927 г.)

Photo 4. Delegates of the First All-Union Spiritual Buddhist Council
(Moscow, January 1927)

С этого времени практически начались уничтожение храмов, церквей, хурулов, дацанов и гонения, репрессии против их священнослужителей. В этих условиях исчезли легальные формы религиозной деятельности священников, и на Дону вообще прекратил существование институт бакши-ламы донских калмыков-казаков, существовавший более двух веков. Однако народ в душе остался верующим, сберег свою религию, религиозные традиции и обычаи, давшие им силу и волю выстоять в последовавшие годы лихолетья — войны и нахождения на спецпоселении.

Поэтому неслучайно в годы Великой Отечественной войны произошел религиозный подъем среди населения СССР. В результате некоторого послабления антирелигиозной политики государства верующие стали проводить молебны о спасении родины, отчизны, о даровании победы над врагом. Один из таких фактов можно проиллюстрировать снимком верующих калмыков-казаков, пришедших летом 1942 г. на молебен к стенам полуразрушенного в ходе боевых действий главного здания хурула Денисовской станицы Калмыцкого района Ростовской области (см. фото 5).

9. Заключение

На протяжении исследуемого хронологического периода, начиная со второй половины XIX в., когда были осуществлены реформы административно-территориального управления Калмыцким кочевьем и введение его в административную систему управления области Войска Донского, буддийское духовенство калмыков-казаков осуществляло общественно-полезную деятельность, играя значимую роль в развитии образования и полном, окончательном переходе донских калмыков к оседлой жизни и хозяйствованию. Крупная реформа поземельного устройства в Калмыцком кочевье и службы буддийского духовенства с изменением статуса его главного иерарха произошла в 1870-х гг. Буддийское духовенство в годы войны, социальных потрясений вместе со своим народом испытало их последствия.

Источники

Война и население 2019 — Война и население Юга России в XVIII – начале XXI в.

Сборник документов и материалов. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2019. 656 с.

ГА РО — Государственный архив Ростовской области.

Дон в годы революции 2020 — Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920.

Сборник документов. В 2-х тт. Т. 2: май 1918 – март 1920. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. 624 с.

Донские епархиальные 1911 — Донские епархиальные ведомости. № 36. 1911.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

Don Diocesan Gazette. № 36. 1911.

Don in the years of revolution and civil war. 1917–1920. Collection of documents. In 2 vols.

Vol. 2: May 1918 – March 1920. Rostov-on-Don: Altair, 2020. 624 p.

National Archive of the Republic of Kalmykia

State Archive of the Rostov region.

The war and the population of Southern Russia in the 18th – early 21st century. Collection of documents and materials. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2019. 656 p.

Фото 5. Калмыки, пришедшие на молебен к разрушенному хурулу Денисовской станицы. 1942 г.
Photo 5. Kalmyks who came to a prayer service at the destroyed khurul in the Denisovskaya stanitsa. 1942

Литература

- Борманджинов 1997 — *Борманджинов А.* Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков. Элиста: КИГПИ, 1997. 60 с.
- Волвенко 2018 — *Волвенко А. А.* Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. 2-я половина XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2018. 223 с.
- Дронов 2017 — *Дронов В. А.* Станица Эркетинская (1800–1944). Волгодонск: [б. и.], 2017. 135 с.
- Зюнгарцы 2021 — *Зюнгарцы.* Поименный список 80-го Зюнгарского донского калмыцкого полка в составе Донской армии (1918–1922 гг.). Ростов н/Д.: [б. и.], 2021. 512 с.
- Калинин 2012 — *Калинин И. М.* В стране братушек. Краснодар: Традиция, 2012. 320 с.
- Кочетов 1973 — *Кочетов А. Н.* Ламаизм. М.: Наука, 1973. 199 с.
- Краснов 2007 — *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2007. 448 с.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2016. 584 с.
- Максимов 2023 — *Максимов К. Н.* Духовенство калмыков-казаков Дона в XVIII – первой половине XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 347–367.
- Маслаковец 1874 — *Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание очевья донских калмыков. Ч. 2. Статистическое описание. Новочеркасск: : Обл. Войска Донского тип., 1874. 95 с.
- Мучаева, Бакаева 2023 — *Мучаева И. И., Бакаева Э. П.* «Великому Белому Царю ... в знак бесконечной любви»: дары калмыков императорской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 24–51. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-28-24-51
- Решетников 2012 — *Решетников Л. П.* Русский Лемнос. Исторический очерк. 3-е изд., испр. и доп. М.: ФИВ, 2012. 136 с.

References

- Bormanshinov A. The Lamas of Kalmyks: Don Kamlyk Lamas. Elista: Kalmyk Institute for Humanities and Applied Research, 1997. 60 p. (In Russ.)
- Dronov V. A. Stanitsa Erketinskaya (1800 – 1944). Volgodonsk: [s.n.], 2017. 135 p. (In Russ.)
- Kalinin I. M. In the Country of Brothers. Krasnodar: Tradition, 2012. 320 p. (In Russ.)
- Kochetov A. N. Lamaism. M.: Nauka, 1973. 199 p. (In Russ.)
- Krasnov P. N. History of the Don Host: Glimpses of the Once Silent Don. Moscow: Veche, 2007. 448 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Clerics of Don Kalmyk Cossacks, 18th to Mid-19th Centuries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; Vol. 15(3): Pp. 347–367. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-347-367
- Maksimov K. N. Kalmyks in the Don Cossack Host: 17th to mid-20th centuries. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2016. 584 p. (In Russ.)
- Maslakovets N. A. Don Kalmyk Nomads: Physical and Statistical Accounts. Novocherkassk: Printing House of Don Host Oblast, 1874. 95 p. (In Russ.)
- Muchaeva I. I., Bakaeva E. P. “To the Great White Tsar ... as a Sign of Endless Love”: Gifts of the Kalmyks to the Imperial Family. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 4: 24–51. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-24-51
- Reshetnikov L. P. Russian Lemnos. A historical sketch. 3rd ed., ed. and add. M.: FIV, 2012. 136 p. (In Russ.)
- The Zyungarians of 2021 are the Zyungarians. Roll of the 80th Zyungar Don Kalmyk regiment in the Don Army (1918–1922) Rostov-on-Don: [s.n.], 2021. 512 p. (In Russ.)
- Volvenko A. A. The Don Cossacks of the late Imperial era. Earth. The service. Power. 2nd half of the XIX – early XX century. Moscow: Tsentrpoligraf, 2018. 223 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 1, pp. 64–93, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-64-93

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(470.47)+ 517.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-64-93

О малоизвестных страницах биографии Церен-Дорджи Номинханова: период становления, военной деятельности и учебы в институте (1918–1930-е гг.)

Эльза Петровна Бакаева¹, Санан Алексеевич Номинханов²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-5188-1202. E-mail: ebakaeva[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

лаборант

0009-0002-8033-175X. E-mail: nominkhanov03[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бакаева Э. П., Номинханов С. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена личности крупного ученого-востоковеда, первого доктора филологических наук Калмыкии Церен-Дорджи Номинханова. *Цель статьи* — проанализировать и ввести в научный оборот малоизвестные и ранее не известные данные о биографии Церен-Дорджи Номинханова первых лет его деятельности (до 1930 г.). *Материалами* для исследования послужили как отдельные документы, так и данные опросов, проведенных в разные годы в Калмыкии. Сведения, полученные в результате проведенных интервью, дают возможность расширить представления о сложном жизненном пути ученого и судьбе его народа, свидетельствуют об актуальности применения комплексного подхода в биографических исследованиях. *Результаты.* В научной литературе до настоящего времени встречаются разные варианты написания имени ученого, что обусловлено использованием им обоих вариантов в ранний и поздний периоды его деятельности, а также особенностями калмыцкого ономастикона. Авторы обращают внимание на среду, в которой происходило становление Ц.-Д. Номинханова, и ее возможное влияние на становление в последующем исследователя. Приводятся данные опросов, содержащие новые сведения о жизни Ц.-Д. Номинханова, а также данные архивных материалов, свидетельствующие о сложном начальном пути становления ученого.

Ключевые слова: Церен-Дорджи Номинханов, биография, Буур (Борис) Юнзуков, калмыки

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Архив востоковеда Ц.-Д. Номинханова: каталогизация, исследование (к 125-летию со дня рождения)» (№ 24-28-01746, <https://rscf.ru/project/24-28-01746/>).

Для цитирования: Бакаева Э. П., Номинханов С. А. О малоизвестных страницах биографии Церен-Дорджи Номинханова: период становления, военной деятельности и учебы в институте (1918–1930-е гг.) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 64–93. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-64-93

About the Little-Known Pages of the Biography of Tseren-Dordzhi Nominkhanov: the period of formation, military activity and studies at the Institute (1918th–1930s)

Elza P. Bakaeva¹, Sanan A. Nominkhanov²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-5188-1202. E-mail: ebakaeva[at]yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Laboratory Assistant

 0009-0002-8033-175X. E-mail: nominkhanov03[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bakaeva E. P., Nominkhanov S. A., 2024

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the personality of a prominent orientalist, the first doctor of Philology of Kalmykia, Tseren-Dordzhi Nominkhanov. The *purpose* of the article is to analyze and introduce into scientific circulation little-known and previously unknown data on the biography of Tseren-Dordzhi Nominkhanov from the first years of his activity (before 1930th). The *materials* for the study were both individual documents and data from surveys conducted in different years in Kalmykia. The information obtained as a result of the interviews provides an opportunity to expand the understanding of the difficult life path of the scientist and the fate of his people, testifies to the relevance of using an integrated approach in biographical research. *Results.* To date, there are different spellings of the scientist's name in the scientific literature, which is due to his use of both variants in the early and late periods of his activity, as well as the peculiarities of the Kalmyk onomasticon. The authors pay attention to the environment in which the formation of Ts.-D. Nominkhanov took place, and a possible influence on the subsequent formation of the researcher. The data of surveys containing new information about the life of Ts.-D. Nominkhanov, as well as data from archival materials, testifying to the difficult initial path of becoming a scientist, are presented.

Keywords: Tseren-Dordzhi Nominkhanov, biography, Buur (Boris) Yunzakov, Kalmyks

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of a grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01746, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01746/>.

For citation: Bakaeva E. P., Nominkhanov S. A. About the Little-Known Pages of the Biography of Tseren-Dordzhi Nominkhanov : the period of formation, military activity and studies at the Institute (1918th–1930s). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 64–93. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-64-93

1. Введение

Церен-Дорджи Номинханов — крупный ученый-востоковед, особое признание получивший на родине в Калмыкии. Он — яркий представитель первого поколения научной интеллигенции республики, внесшей значительный вклад в становление калмыцкой науки. Ученый в свое время стал первым в Калмыкии доктором филологических наук, лингвистика находилась среди его научных приоритетов, но область интересов была шире и не ограничивалась филологией. Ц.-Д. Номинханов вскоре после защиты кандидатской диссертации был приглашен на работу ученым секретарем Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ныне известного как Калмыцкий научный центр Российской академии наук. Но в родной Калмыкии ему пришлось работать в течение непродолжительного периода. Ц.-Д. Номинханов оставил заметный след в истории российской востоковедческой науки в целом: он трудился в разные годы в различных регионах страны, являясь как преподавателем, исследователем, так и организатором науки.

Жизненный путь Церен-Дорджи Номинханова весьма сложен, он отражает историю его народа, прошедшего через тяжелейшие испытания в XX в. Деятельность Ц.-Д. Номинханова не ограничивалась работой в Калмыкии и лишь научными учреждениями. Выходец из среды калмыков-донских казаков, он учился в Пандинском приходском училище и в училище станицы Великокняжеской в Области Войска Донского [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 6], позже — в Ленинградском институте живых восточных языков имени А. С. Енукидзе (ЛИЖВЯ, затем — Восточный институт), в аспирантуре Института языкознания и Института востоковедения в Москве [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3], участвовал в военных событиях Гражданской войны в России и в Монгольской народной революции 1921 г. Ему пришлось работать в самых разных регионах страны (в Калмыкии, Астрахани, Ленинграде, Москве, Узбекистане, Хакасии, Казахстане) — научным сотрудником, преподавателем восточных языков, а также в Монголии — военным инструктором, председателем Монгольской комиссии помощи голодающим Поволжья, военным комендантом столицы нового государства и научным сотрудником Ученого комитета [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3], и везде он продолжал проводить исследования языка, истории и культуры тюрко-монгольских народов.

Научное наследие и жизненный путь Церен-Дорджи Номинханова становились предметом исследования в ряде работ отечественных ученых. Вкладу Ц.-Д. Номинханова в отечественное востоковедение была посвящена брошюра, выпущенная Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории (далее — КНИИЯЛИ) после ухода из жизни ученого [Филологические вести 1973], в которой опубликованы статьи И. К. Илишкина [Илишкин 1973], И. И. Орехова [Орехов 1973], Б. Д. Муниева [Муниев 1973] о научном наследии востоковеда в целом; Г. Д. Санжеева о работах ученого по монгольским и тюркским языкам [Санжеев 1973]; Н. Н. Убушаева о двух его работах по старокалмыцкой письменности [Убушаев 1973]; В. П. Дарбаковой об этнографическом аспекте трудов старшего коллеги [Дарбакова 1973]; а также статья Ю. О. Оглаева о командировке калмыцких инструкторов в Монголию в мае 1921 – августе 1923 гг. [Оглаев 1973]. Коллеги после ухода из жизни ученого подготовили к печати и издали две монографии Ц.-Д. Номинханова [Номинханов 1975; Номинханов 1976].

В последние десятилетия был опубликован ряд работ, в которых затрагивались отдельные аспекты жизни и деятельности, упоминались труды Ц.-Д. Номинханова [Алексеева 1997: 49–54; Артамонова 2002; Артамонова 2019; Бакаева 2014; Баянова 2008; Данькина 2014; Кышпанаков 2017; Кышпанаков 2020; Наранжаргал 2014; Наранжаргал 2016; Наранжаргал 2021; Номинханов 2001; Номинханов 2008а; Очирова 2008; Тугужекова 2008; Шараева 2022; и др.]. Монгольские коллеги издали полевые записи ученого, хранящиеся в архиве Академии наук Монголии [Номинханов 2008; Номинханов 2009а; Номинханов 2009б; Номинхановын 2016а; Номинхановын 2016б]. Несмотря на приведенный список публикаций, изучение результатов исследований ученого в течение длительного периода практически ограничивалось изданием специального выпуска статей КНИИЯЛИ [Филологические вести 1973]. В 1988 г., 1998 г., 2008 г. [Очирова 2008: 86] в Калмыцком научно-исследовательском институте (ныне — Калмыцкий научный центр РАН), где когда-то работал Ц.-Д. Номинханов, проводились памятные мероприятия, посвященные юбилеям ученого. Судя по наличию в личном фонде ученого из Научного архива КалмНЦ РАН докладов, написанных канд. филол. наук Б. Д. Муниевым и посвященных 70-летию (в 1968 г.) и 80-летию (в 1978 г.) Ц.-Д. Номинханова [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 24, 33], в КНИИЯЛИ проводились подобные мероприятия и в другие годы. В 2008 г. материалы Ученого совета, посвященного 110-летию Ц.-Д. Номинханова, были изданы [Баянова 2008; Номинханов 2008а; Очирова 2008; Тугужекова 2008], тогда же монгольские коллеги начали издание полевых тетрадей Ц.-Д. Номинханова [Номинханов 2008; Номинханов 2009а; Номинханов 2009б]. В 2023 г. в г. Абакане состоялся «круглый стол», посвященный 125-летию Ц.-Д. Номинханова, в котором приняли участие хакаские и калмыцкие ученые; опубликован ряд статей, исследующих наследие ученого, и воспоминания о нем [Кызласов 2023; Очирова 2023а; Басангова 2023; Куканова 2023; Субракова 2023; Чебоचाкова 2023; Музраева, Ярмаркина 2023; Манджикова, Манджиева 2023; Сусеева 2023]. Таким образом, коллеги чтят память об ученом, что выражается в памятных мероприятиях, проводимых в Калмыкии, Монголии, а с 2023 г. — в Хакасии.

Тем не менее исследование и жизненного пути, и деятельности Ц.-Д. Номинханова все еще остается неполным. В ряде публикаций повторяются известные факты, не используются архивные первоисточники, в том числе хранящиеся в Научном архиве КалмНЦ РАН, встречаются досадные неточности при изложении фактов из жизни ученого. Недостаточно исследован ранний период его становления, так же как и страницы его жизни в Петрограде (Ленинграде) в 1920-е гг.; лишь отдельные факты известны из «монгольского» периода его жизни; отсутствуют работы, в которых бы освещался «среднеазиатский» период деятельности ученого. Вместе с тем изучение биографии ученого может дать материалы для просопографического портрета поколения ученых его времени, становление которых происходило в традициях отечественной школы востоковедения.

Цель статьи — проанализировать и ввести в научный оборот некоторые малоизвестные и ранее не известные данные о биографии Церен-Дорджи Номинханова, которая пока получила освещение лишь в общих чертах [Алексеева 1997: 49–54; Артамонова 2019; Данькина 2014; Кышпанаков 2020; Номинханов 2001; Очирова 2008; Тугужекова 2008]. Изучение биографии ученого всегда дает материалы для сопоставительных исследований, для выявления особенностей

научной деятельности, широты научных интересов и контактов, глубины познаний. Материалами для данного исследования послужили отдельные архивные документы, а также привлечены данные опросов, проведенных в разные годы в Калмыкии. Сведения, полученные в результате проведенных интервью, дают возможность расширить представления о сложном жизненном пути ученого и судьбе его народа, свидетельствуют об актуальности применения комплексного подхода в биографических исследованиях.

2. Об имени Ц.-Д. Номинханова

Известно, что и фамилия, и имя Ц.-Д. Номинханова происходят от псевдонима, данного ему в период работы в Монголии, где в 1921–1922 гг. ряд калмыцких военных инструкторов находился с секретной миссией [Орлова 2020: 552; Наранжаргал 2014: 50–55]. В этот период имена посланцев из советской России были заменены на секретные: Х. Б. Канукову было дано имя Итрах Вокунаев (также в документах упоминается как торгут Балданцэрэн, Ухонаев [Наранжаргал 2021: 24]), В. А. Хомутникову — Сангаджи Кекеев, Т. Б. Шивидову — Коко Гюмбеев, П. Б. Иванову — Шагдыр Лундуков, А. Д. Дрючкову — Бен-Али, М. А. Левину — Норво, А. А. Ханхалжинову — Ханду Турхунаев, И. А. Теврюкову — Цецен Кюлценгеев, Д. М. Мартышкину — Монгол Нутугаев, Н. Б. Канукову — Артур Налхаев, А. И. Манжикову — Болзок Толоктаев, Д. Э. Шапшукову — Цебек Дорджиев, К. А. Сафонову — Джама Боглаев, Б. Ш. Шургучинову — Кюмен Нуртаев, К. И. Лиджиеву — Бембя Мустабеков, Б. О. Манжикову — Кюмен Толвуртаев, Н. Т. Манджиеву — Мацак Тонхеевич Бимбаев, Ц.-М. Очирову — Самбу Хамбаев, Б. Юнзукову — Церен-Дорджи Номинханов [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 8. Л. 30; Наранжаргал 2021: 23–24]. После возвращения на родину большинство калмыцких инструкторов вернулись к своим именам. Исключение составили Ц.-Д. Номинханов и М. Т. Бимбаев (ранее известный как Наран Тонхеевич Манджиев): оба стали известными деятелями в родной стране и навсегда вписали эти имена в летопись истории Калмыкии¹.

Н. Наранжаргал среди уточненных данных по секретным именам, присвоенным калмыцким инструкторам, работавшим в этот период в Монголии, приводит следующие данные: «Юнзуков Борис — Номинханов Церен-Дорджи» [Наранжаргал 2021: 24]. При этом он ссылается на данные из Национального архива Республики Калмыкия, где приведено русское имя Борис. Однако настоящее имя Юнзукова — Буур, а Борис — близкое по звучанию калмыцкому русское имя, которое стало вторым его именем. Отца его звали Очир [Алексеева 1997: 49], но это имя может приводиться в написании Учур, соответственно и отчество пишется Учурович.

Имя Ц.-Д. Номинханова также пишут различно: Церен-Доржи или Церен-Дорджи.

В варианте «Церен-Доржи» написание второго компонента сложного имени соответствует традиции, принятой в монгольском и бурятском языках; так писал свое имя и сам ученый в личных документах, хранящихся в архиве Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, которые опубликованы [Кышпанаков 2020: 110–112; Кызласов 2023; Чебочакова 2023;

¹ В г. Элисте есть улицы, которым присвоены имена М. Т. Бимбаева и Ц.-Д. Номинханова.

НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 2]. Имя ученого в форме «Церен-Доржи» записано в свидетельстве об окончании Ленинградского Восточного института [Личный архив Ц.-Д. Номинханова; НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 12], в свидетельстве об окончании аспирантуры Московского института востоковедения им. Нариманова [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 13] и в других документах. В анкете [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–2] и справке [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 2об.–3] на выезжающего за рубеж (в МНР), которые были заполнены рукой самого Ц.-Д. Номинханова в 1965 г., также значится: «Церен-Доржи».

В варианте «Церен-Дорджи» написание второго компонента соответствует калмыцкой традиции написания имени, такое написание принято в монографиях, вышедших после кончины автора, ряде публикаций и документов [Филологические вести 1973; Номинханов 1975: 3; Номинханов 1976; Артамонова 2019; Баянова 2008; Куканова 2023; Манджикова, Манджиева 2023; Музраева, Ярмаркина 2023; Басангова 2023; Очирова 2023а; Тугужекова 2008]. В личном деле ученого, хранящемся в Научном архиве КалмНЦ РАН, после анкеты и справки, а также кратких сведений о работе Ц.-Д. Номинханова, где он о себе пишет «Церен-Доржи», следуют характеристики за подписями зам. директора И. И. Орехова и секретаря парторганизации КНИИЯЛИ У. Э. Эрдниева [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 6–8], а также характеристика на Ц.-Д. Номинханова за подписью директора КНИИЯЛИ И. К. Илишкина и секретаря парторганизации А. Ш. Кичикова [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 12–14], в которых имя Номинханова написано «Церен-Дорджи».

Разное написание имени ученого отражено и материалах прошедшего в рамках IX Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий» «Круглого стола», посвященного 125-летию Ц.-Д. Номинханова: в статьях встречаются два варианта написания имени Ц.-Д. Номинханова и даже близкое бурятскому написанию написание первой части имени «Цырен-Доржи» [Кызласов 2023: 201, 202]. Наличие вариантов написания имени отмечается в статье И. М. Чебочаковой, которая приводит их в тексте публикации, хотя использует один из них [Чебочакова 2023: 220]. В своих воспоминаниях Д. А. Сусеева, учившаяся у Ц.-Д. Номинханова в Казахстане и консультировавшаяся с коллегой уже в период своей работы в Калмыкии, называет его Цереном Доржиевичем [Сусеева 2023], что, несомненно, отражает практику вуза, в котором принято было обращаться к преподавателям по имени и отчеству, в результате чего сложное имя получило новое звучание. В описях дел личного фонда ученого также обозначено «Личный фонд. Номинханов Церен-Дорджи (Номинханов Церен Дорджиевич)» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1, 2]. Так Буур Очирович (Учурович) Юнзуков стал Борисом Юнзуковым, затем Церен-Доржи (Церен-Дорджи) и Цереном Дорджиевичем Номинхановым. Факт смены имени отражает исторические события начала XX в., выполнение калмыцкими военными инструкторами секретной миссии в революционной Монголии.

Вариативность имени ученого и формы его написания отражена в том, что его сыновья имели разные отчества, образованные от разных имен, которые использовались в жизни ученого. Так, в электронной базе данных военнослужащих Красной Армии, принимавших участие в Великой Отечественной войне,

имеется запрос военкома г. Абакана Кашубо в Главное управление по учету потерь рядового и сержантского состава о судьбе старшего сына — Номинханова Владимира Церен-Доржиновича [Номинханов Владимир], 1921 г. р., который пропал без вести в июне 1941 г.; при этом отчество образовано от формы имени «Доржи» в традиции, характерной для образования фамилий и отчеств в среде донских калмыков (из которых происходил Ц.-Д. Номинханов), например, Бадминов, Доржинов и т. д. В публикациях младшего сына ученого, Д. Ц.-Д. Номинханова, указывается его имя — Денислав Церен-Дорджиевич [Номинханов Д. 1967а; Номинханов Д. 1967б; Номинханов Д. 1969; и др.]: в этом варианте отчество образовано с иным суффиксом (что не характерно для донских калмыков) и от имени отца в другой форме написания. А средний сын Вил, родившийся в 1924 г., был записан Борисовичем [Номинханов В. 1994: 89].

3. О месте рождения и субэтнической принадлежности Ц.-Д. Номинханова

В анкете [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 1], в личном листке по учету кадров Ц.-Д. Номинханова [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 2], заполненных им собственноручно в разные годы, зафиксированы интересные данные о месте рождения исследователя. В документах рукой Ц.-Д. Номинханова написано, что он родился 8 сентября 1898 г., и место рождения обозначено следующим образом: «Ростовская область, Сальский район, б[ывш]. имение коннозаводчика Попова Ив. Ив.» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 1].

Обычно в научной литературе отмечалось, что место рождения ученого — хутор Пандя калмыцкой станицы Граббевской Области Войска Донского (например, [Номинханов 2001: 251]). Статья о Ц.-Д. Номинханове в книге П. Э. Алексеевой о его родной станице Граббевской (Цевдняхинской) называется «Ученый с хутора Пандя» [Алексеева 1997: 49], хотя автор пишет: «Первый доктор филологических наук Церен-Дорджи Номинханов родился 8 сентября 1898 г. в имении коннозаводчика И. И. Попова на Дону. Отец Церен-Дорджи, Очир Юнзуков, уроженец хутора Пандя ст-цы Граббевской, кости „цорос“, как многие представители калмыцкой бедноты, работал по найму у владельца частного коннозаводчика И. И. Попова, знатока и собирателя калмыцкого фольклора, свободно владевшего калмыцким языком, образованного человека, выпускника университета» [Алексеева 1997: 49–50]. Уточним данные о месте рождения Ц.-Д. Номинханова по сведениям из его автобиографии, где написано, во-первых, что Очир Юнзуков «работал по найму у коннозаводчика Попова Ив. Ив. На притоках Маныча в Сальском округе Ростовской области (б. области Войска Донского) ... табунщиком, потом конюхом ремонтных лошадей у коннозаводчика Королькова Ив. Яковл., недалеко от территории нынешнего совхоза „Гигант“ в Ростовской области» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 6]; во-вторых, ученый в своей автобиографии пишет, что на хутор Пандя его отец, Очир Юнзуков, перекочевал в 1908 г., и здесь он работал у коннозаводчиков Тепкина Эрдне и у Алексеева [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 6].

Комментарий по поводу строки в автобиографии ученого о месте его рождения может быть весьма обширным, так как владелец имения Иван Попов являлся не простым казаком. Коннозаводчик Донского частного коннозаводства Иван Попов являлся кандидатом права Санкт-Петербургского университета,

выпускником Лейпцигского университета. Одновременно он был истинным исследователем калмыцкой культуры, в совершенстве владевшим не только калмыцким разговорным языком, но и старокалмыцкой (ойратской) письменностью, изучавшим также монгольский и тибетский языки, собравшим значительную библиотеку по монголоведению [Алексеева 2010; Горяева 2021; Горяева, Убушиева 2020; Инеднты 2021; Мирзаева 2020; Убушиева 2016; Убушиева 2017; Убушиева 2019; Убушиева 2021].

Таким образом, по данным автобиографии Ц.-Д. Номинханова известно, что его отец работал по найму у И. И. Попова, И. Я. Королькова, затем у калмыцких коннозаводчиков Э. Тепкина и Алексеева [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 6–8]. Сам Церен-Дорджи (тогда — Буур) также работал, одновременно обучаясь в Пандинском приходском училище и затем в училище в станице Великокняжеской, о чем он писал в автобиографии: «В 1909 г. я поступил учиться в Пандинское приходское училище и окончил его в 1912 г. С 1910 г. в свободное время от учебы, в первые два года летом, а затем и зимою и летом до 1918 г. начал работать по найму у богатых калмыков, с некоторым перерывом учебы в ст. Великокняжеской на народного учителя» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 6].

Об этом периоде в семейных рассказах сохранились сведения, что молодому парню, который проявлял способности и являлся представителем «кости» (субэтнической группы) «цорос», оказывали содействие нойоны Тундутовы, которые являлись лидерами дербетского клана и представителями цоросов [ПИМА: 1, 2; Алексеева 1997: 50].

Таким образом, получению образования и становлению исследовательского интереса у Ц.-Д. Номинханова (тогда — Б. Юнзукова) способствовало пребывание в имении И. И. Попова, который собирал калмыцкий фольклор, опрашивал информантов, проводил исследования и готовил публикации [Номинханов 1967: 151–154]. Немаловажное значение имела и финансовая поддержка, которую оказали будущему ученому как представителю одной «кости» (цорос) с нойонами Тундутовыми представители этого клана. Об этом факте сохранилась память среди потомков младшего брата Церен-Дорджи — Бадмы Юнзукова.

4. Служба в период Гражданской войны и командировка в Монголию

Ц.-Д. Номинханов в истории монгольских народов прославился как ученый и как участник революционных событий в Монголии, военный комендант столицы этого государства — г. Урги, руководитель Комиссии по сбору средств голодающим Поволжья в Монголии, один из организаторов монгольского Ученого комитета (будущей Академии наук) [Наранжаргал 2014: 51; Орлова 2020: 553]. Менее известны сведения о назначении его хуторским комиссаром Совета депутатов в марте – августе 1918 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3], а затем последовавшей по мобилизации службе переписчиком и конюхом в 3-м Калмыцком казачьем полку в сентябре 1918 – марте 1920 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3; НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 3].

В очерке, посвященном Ц.-Д. Номинханову, который опубликован в книге о станице Граббевской, П. Э. Алексеева кратко упоминает, что он служил в 3-м Калмыцком казачьем полку, а затем во 2-м Калмыцком кавалерийском красноармейском полку: «В 1918 г. в ст-це Граббевской установилась совет-

ская власть, Ц.-Д. Номинханов стал хуторским комиссаром. В годы гражданской войны, когда ст-ца Граббевская переходила во власть белых и красных, Ц.-Д. Номинханов служил в 3-м калмыцком казачьем полку, затем стал бойцом 2-го калмыцкого кавполка Красной Армии на Северном Кавказе, а его младший брат Бадма (Пока) Юнзуков (?–1978) попал с беженцами в эмиграцию» [Алексеева 1997: 50]. Автор приводит объективные данные, но излагает их весьма кратко. Не акцентируя, П. Э. Алексеева упоминает факт: Ц.-Д. Номинханову пришлось в 1919 г. служить в белоармейском полку, образованном из сальских калмыков. Подобные сведения в советский период обычно широко не освещались, и краткое упоминание об его службе 3-м Калмыцком полку было опубликовано только в постперестроечный период [Алексеева 1997]. Но в автобиографии, составленной в период нахождения в депортации — в документе, в котором требовалось изложить все сведения о себе, Ц.-Д. Номинханов писал и об этом эпизоде своей жизни: «В 1918 г. вся территория Сальского округа, в том числе хутор Пандя, была занята войсками белых, и осенью 1918 г. ими была проведена мобилизация военнообязанных граждан 1897 и 1898 г. По этом призыву нас мобилизовали и доставили в станицу Великокняжескую, ныне Пролетарская, где я прошел медосмотр и был признан годным к военной службе. На военной службе зачислили меня в 3-й Калмыцкий полк, в его нестроевую часть сперва переписчиком войсковой канцелярии, а потом конюхом хозяйственной команды полка. В марте 1920 г. во время отступления полка на Кавказ я вступил в ряды Красной Армии: служил в 2-м Калмыцком полку сперва в качестве писаря полка, затем адъютантом полка» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 6].

В 2014 г. эти сведения были включены Н. А. Данькиной в статью, посвященную биографиям ученых секретарей Хакаского научно-исследовательского института языка, литературы и истории [Данькина 2014: 79]. Эти же данные из автобиографии цитирует Н. Я. Артамонова, отмечая: «Этот эпизод из жизни Церен-Дорджи Номинханова будет стоять ему партвзыскания. Комиссией по чистке в марте 1933 г. он был исключен из рядов ВКП(б), но вскоре восстановлен в партии. В 1920 г. Номинханову удалось перейти в ряды Красной армии, где он служил во 2-м калмыцком полку писарем, затем адъютантом полка» [Артамонова 2019: 47]. Об этом эпизоде упоминал в статье также В. А. Кышпанов [Кышпанов 2020: 111]. Важно отметить, что позиция Б. Юнзукова по отношению к революционным событиям проявилась еще в 1918 г., когда он был избран хуторским комиссаром Совета депутатов [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 1] и являлся им в хуторе Пандя Граббевской станицы с марта по август указанного года.

В феврале 1918 г. красноармейцы заняли административный центр Сальского округа. 23 марта 1918 г. было объявлено о создании Донской советской республики [Очиров 2006: 224]. Прошедший после этого «окружной съезд советов провозгласил установление советской власти в лице советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, сформировал исполнительный орган ... Во многих станицах Дона, в том числе и калмыцких, власть переходила к создаваемым советам казачьих и крестьянских депутатов» [Максимов 2016: 425]. В этот период Б. Юнзуков, происходивший из бедноты, а также получивший образование и выделявшийся уже этим среди своих станичников, был избран хуторским комиссаром.

Летом 1918 г. советские отряды были вынуждены оставить Сальский округ под напором белогвардейцев Краснова с запада и Деникина с юга [Очиров 2006: 225], и к осени округ полностью перешел под контроль белоказачьих отрядов [Очиров 2006: 260]. С переходом станицы Граббевской к белой армии началась страница личной истории Б. Юнзукова, связанная с мобилизацией и службой в 3-м Калмыцком полку белой армии на Дону [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 1].

Судьба донских калмыков, мобилизованных в армию в период занятия сальских степей белыми и попавших в сформированный в 1918 г. 3-й калмыцкий полк из «молодых казаков, призванных из калмыцких станиц..., которые контролировались Донской армией к середине 1918 г.» [Очиров 2006: 258], была незавидной. Если Зюнгарскому калмыцкому (80-му конному) полку удалось без особых потерь дойти до Крыма [Очиров 2006: 360], то «судьба 3-го Калмыцкого полка, причисленного к 1-й Донской гвардейской дивизии (командир — генерал-майор В. А. Дьяков), оказалась более трагической. Для погрузки дивизии В. Дьякова в Новороссийске не хватило транспортных судов. Командир 3-го Калмыцкого полка полковник Н. П. Слюсарев, забрав знамя полка, оставил его личный состав на произвол судьбы в порту Новороссийска и с другими офицерами бежал в Крым на французском миноносце. Оставшиеся без старших офицеров ... мелкими группами стали пробираться на пароходы, а некоторые — в горы. Основная часть 3-го Калмыцкого полка (до 300 человек) с большой группой беженцев из калмыцких станиц, по свидетельствам П. Джевзинова и С. Б. Балыкова, вынуждена была недалеко от Новороссийска сдаться красным. Все они были включены в соединения Красной Армии, воюющие с войсками Польши» [Максимов 2016: 441].

Судьба разделила братьев Юнзуковых. Младший брат Буур Юнзукова, Бадма Очирович Юнзуков, оказался среди той части казаков, которые попали в эмиграцию. Считалось, что он попал в Турцию с гражданскими беженцами, поскольку был еще в юном возрасте. Но, по некоторым сведениям, к 1920 г. его уже зачислили в состав 3-го «молодого» калмыцкого полка. Возможно, именно в силу его очень молодого возраста он попал на пароход, ведь известно, что большая часть полка осталась на берегу в Новороссийске. Встречаются сведения и о другом Юнзукове — уроженце Граббевской станицы: из воспоминаний С. Балыкова узнаем, что Юнзуков¹ служил и в Зюнгарском калмыцком (80-м конном казачьем) полку, погиб в 1919 г. [Балыков 1927: 32]² — но неизвестно, кем он приходился братьям Юнзуковым. М. Н. Юнзуков упоминается также в составе Зюнгарского полка в книге К. Н. Максимова [Максимов 2016: 430].

Буур (Борис) Юнзуков в марте 1920 г. во время отступления на Кавказ перешел в ряды Красной армии и продолжил военную службу во 2-м Калмыцком кавалерийском полку, где являлся писарем, затем адъютантом полка, через год был принят в ряды ВКП(б) (партибилет № 1377952 (1946 г.) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 2], № 10750784 (1965 г.) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 2об.]).

В марте 1920 г. «красное» командование предложило казакам 3-го Калмыцкого полка и 80-го конного (Зюнгарского) полка капитуляцию, которую полки

¹ С. Балыков не упоминает имя Юнзукова.

² Необходимо отметить, что при повторной публикации этого текста в 2005 г. в соответствующем предложении были пропущены сведения о Юнзукове из станицы Граббевской [Балыков 2005].

не приняли и продолжили прикрывать отход белых к Новороссийску [Очиров 2006: 359]. Для Б. Юнзукова же март 1920 г. стал поворотным, он перешел на сторону красных частей и стал бойцом 2-го Калмыцкого кавалерийского красноармейского полка [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 22. Л. 3].

В этот поворотный момент в судьбе молодого калмыка, как свидетельствует один из устных источников, имела место личная трагедия.

Известно, что в обозе 3-го Калмыцкого полка следовали гражданские беженцы, члены семей калмыков-казаков. Они подчинялись приказу окружного атамана, который, по воспоминаниям казаков, в декабре 1919 г. приказал всем эвакуироваться, что привело к гибели многих гражданских лиц [Очиров 2006: 356–357; Дронов 2019: 146–148].

По данным интервью, к этому периоду у Буур Юнзукова уже имелась семья: жена и дочь. Об этой истории рассказывала одному из авторов статьи П. Э. Алексеева [ПМА: 3], уроженка станицы Граббевской и автор книги об этой станице. Согласно ее данным, полученным от Полины Ивановны Цондиновой (в девичестве Абушиновой, 1919 г. р.), у Буур Юнзукова в период Гражданской войны уже была семья: отец Полины, Иван Абушинов, и Буур Юнзуков были женаты на двух сестрах (одну из них звали Конкр). Около 1918–1919 гг. у Юнзуковых родилась дочь¹. Но вскоре и жена, и дочь Юнзукова умерли, по предположению П. Э. Алексеевой, они могли попасть вместе с другими гражданскими лицами-калмыками по приказу атамана в обоз полка, где, вероятно, и погибли — от инфекции или другой причины. В этот период резко изменилась жизнь Буур Юнзукова, который остался без семьи и смог быть свободным в своем выборе: ведь факт следования в обозе семей казаков вынуждал их идти до конца со своей воинской частью.

По данным П. Э. Алексеевой², когда Ц.-Д. Номинханов побывал в пос. Шуста (Цевднякин)³ в Западном улусе Калмыцкой автономной области, где жили бывшие жители станицы Граббевской, переселенные из Ростовской области из своих хуторов, то приходил к тестю Ивана Абушинова, по воспоминаниям последнего, привез из Монголии сапоги и другие подарки своему бывшему тестю, справлялся о здоровье. Уже в 1960-х гг. он встретил Полину Абушинову и, узнав ее, посетовал, что если бы его дочь (двоюродная сестра П. И. Абушиновой), умершая в раннем детском возрасте, осталась в живых, то была бы такого же возраста [ПМА: 3].

В официальных документах сведения о первой семье Ц.-Д. Номинханова не встречаются. Данные, зафиксированные П. Э. Алексеевой от П. И. Цондиновой, имеют важное значение как в целом для уточнения биографии ученого, так и в плане понимания ситуации, которая сложилась в конце 1919 г. – начале 1920 гг., когда Буур Юнзуков перешел в ряды Красной армии, где вскоре уже служил адъютантом полка, который являлся начальником штаба [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3], и был принят в ряды партии. Знако-

¹ На сведения, записанные у П. И. Цондиновой, неоднократно ссылается П. Э. Алексеева в своей книге о станице Граббевской и ее жителях [Алексеева 1997: 18, 23, 38, 111, 125].

² П. Э. Алексеева об этом рассказала Э. П. Бакаевой в 2005 г.

³ В 1927 г. Ц.-Д. Номинханов проводил отпуск среди своих земляков, уроженцев станицы Граббевской, и записывал образцы фольклора [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–21, 57–70].

вым является «взлет» по службе в этом полку бойца, который уже в 1918 г. был избран хуторским комиссаром, а во время службы по мобилизации проходил службу в нестроевой части.

В январе 1921 г. ряд калмыцких командиров был вызван в Москву в распоряжение Реввоенсовета, среди них был и Буур Юнзуков. Они прошли инструктаж в штабе 5-й Краснознаменной армии и в мае того же года уже прибыли в Монголию [Оглаев 1981: 33]: по воспоминаниям Ц.-Д. Номинханова, 4 июня 1921 г. они уже прибыли в пограничный город Маймачен [Номинханов 1970: 66–93], где тогда располагалось временное правительство и на который в те же дни началось наступление войска барона Унгерна, в боях с ним приняли участие калмыцкие военные [Оглаев 1981: 34]. Группу из 20 калмыцких военных возглавил Х. Б. Кануков, в нее вошли командир 108 кавалерийского полка В. А. Хомутников, командиры эскадронов А. Дрючков и Ц.-М. Очиров, помощник командира эскадрона А. А. Ханхалжинов, адъютант полка Т. Б. Шивидов, его помощник Б. О. Юнзуков, командиры взводов К. И. Лиджиев, Н. Т. Манджиев, Д. М. Мартышкин, Д. Дарминов, Б. Ш. Шургучинов, Б. О. Манжиков, Д. Э. Шапшуков и др. [Оглаев 1981: 33]. Отметим, что Т. Б. Шивидов являлся адъютантом 1-го Калмыцкого кавалерийского полка, при формировании которого в 1919 г. В. А. Хомутников был назначен командиром. Б. Юнзуков же — адъютантом 2-го Калмыцкого кавалерийского полка, который при его формировании осенью 1919 г. предполагалось включить в кавбригаду под руководством Х. Б. Канукова [Очиров 2017: 431–432]. В новом составе старший по возрасту и имевший партийный стаж с 1918 г. Т. Б. Шивидов был назначен адъютантом, а Б. Юнзуков — его помощником [С интернациональной миссией 1970; Оглаев 1981: 33; Наранжаргал 2021: 22–23]. Впоследствии Т. Б. Шиви-

дов стал помощником начальника штаба полка [Шивидов], а Б. Юнзуков (Ц.-Д. Номинханов) — военным комендантом Урги [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 4] (см. фото 1, 2, 3).

В отдельных статьях, распространяемых в интернет-ресурсах, встречается ошибочное мнение, что Б. Юнзуков был включен в группу, возглавлявшуюся Монтошем Лиджиевым¹.

Но согласно архивным данным [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–8], он прибыл в монгольскую командировку гораздо раньше, в отряде под руководством Х. Б. Канукова. С начала 1921 г. группа находилась в Москве при Реввоенсовете, затем в г. Омске — там проводились «политзанятия по Азбуке коммунизма и текущей политике» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л.

Фото 1. Церен-Дорджи Номинханов. Личный архив Ц.-Д. Номинханова

Photo 1. Tseren-Dorji Nominkhanov.

Ts.-D. Nominkhanov's personal archive

¹ Например: https://ru.wikipedia.org/wiki/Номинханов,_Церен-Дорджи

Фото 2. Интернациональная бригада. Среди сидящих третий слева командующий Д. Сухэ-Батор, четвертый — начальник штаба Литвинов. Ц.-Д. Номинханов стоит слева седьмой. Личный архив Ц.-Д. Номинханова

Photo 2. International Brigade. Among those sitting, the third from the left is the commander D. Sukhbaatar, fourth — Chief of Staff Litvinov Ts.-D. Nominkhanov stands seventh from the left. Ts.-D. Nominkhanov's personal archive

Фото 3. Калмыцкие командиры с монгольским великаном Ондор Гонгором. Слева направо: Х. Б. Кануков (И. Вокунаев), В. А. Хомутников (С. Кекеев), Гонгор, Т. Б. Шивидов (К. Гюмбеев), А. Д. Дрючков (Бен-Али) (фамилии приведены по: [НА РК. Р-137. Оп. 1. Д. 8. Л. 30]). Фото из открытых источников
Photo 3. Kalmyk commanders with the Mongolian giant Ondor Gongor. From left to right: Kh. B. Kanukov (I. Vokunaev), V. A. Khomutnikov (S. Kekeev), Gongor, T. B. Shividov (K. Yumbeev), A. D. Dryuchkov (Ben-Ali) (surnames given from: [НА РК. Р-137. Оп. 1. Д. 8. Л. 30]). Photos from open sources

был наш öвгөн¹», — писал Ц.-Д. Номинханов о Х. Б. Канукове [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 3].

Группа М. Лиджиева же в августе 1921 г. была направлена на обучение в Самару и только позже отправилась в Монголию; указанная группа явилась первой во втором потоке калмыцких инструкторов, направленных в эту страну [Наранжаргал 2021: 26–28], в сентябре 1921 г. Калмыцкий областной военкомат начал формировать вторую группу во главе с Максимом Шапшуковым; когда эта группа прибыла в Самару, они не застали группу М. Лиджиева, отбывшую в Монголию [Харагуяров 1981: 47–48].

В Монголии Буур Юнзуков, как и другие калмыки, получил в конспиративных целях новое имя.

5. Учеба в Ленинградском институте живых восточных языков и новые командировки в Монголию

В 1923 г. из Монголии в СССР для учебы вернулся уже не Буур (Борис) Юнзуков, а Церен-Дорджи Номинханов. В Ленинграде он поступил в Институт

¹ Калм. *өвгн* ‘старик’. Так называли, согласно воспоминаниям Ц.-Д. Номинханова, калмыцкие военные своего командира, Х. Б. Канукова [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 2].

живых восточных языков (ЛИЖВЯ), а в 1924 г. Ц.-Д. Номинханов был направлен в Монголию в командировку для проведения экспедиции и сбора этнографических и фольклорных материалов, где пробыл не год, как ожидалось, а два года, а затем вернулся в СССР для продолжения учебы и вновь в 1928–1929 гг. провел полевой сезон в Монголии.

Успешная работа в Монголии позволила зафиксировать уникальные материалы об этническом составе, культуре, быте ойратов. Ц.-Д. Номинханов получил опыт работы в Ученом комитете.

Д. А. Носов, касаясь вопроса о направлении в командировку Ц.-Д. Номинханова, предполагает, что, будучи студентом ЛИЖВЯ, «за год учебы Номинханов проявил такие знания в области языка и культуры ойратов, которые оказались профессорам Института достаточными для того, чтобы разрешить ему командировку в Монголию. При этом он получил задание от одного из своих учителей — выдающегося монголоведа Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931) — собрать материалы по этнографии и фольклору дербетов, проживавших в Западной Монголии» [Носов 2021: 131]. Однако автор не учитывает тот факт, что для Ц.-Д. Номинханова изучение монгольского языка не представляло сложности. Во-первых, он сам был носителем одного из монгольских языков (калмыцкого), причем происходил из «кости» (*ясн*) цорос, относящейся к дербетам, что еще более облегчало общение с дербетами Монголии [ПМА: 1; ПМА: 2; ПМА: 3]. Во-вторых, с 1921 г. до лета 1923 г. Ц.-Д. Номинханов находился на службе в Монголии, работал в должности коменданта г. Урги (лето 1921 г.), затем инструктором при начальнике штаба 1-й монгольской кавалерийской бригады на правах начальника штаба бригады [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 7]. В-третьих, как писал сам Ц.-Д. Номинханов, «в 1924 г. ленинградский Восточный институт командировал меня в Монголию на производственную практику, где я стал работать в Ученом Комитете МНР в секторе языка» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 7]. Наконец, и это в-четвертых, в г. Улан-Баторе находилась его семья. В Монголии Ц.-Д. Номинханов обрел новую семью: его супругой стала Татьяна Иннокентьевна Лазарева, вскоре родился сын Владимир (в 1922 г., а по документам из военкомата — в 1921¹ г. [На КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 1об.–2]. В январе 1924 г. в г. Улан-Баторе родился и второй сын Ц.-Д. Номинханова — Вил [Номинханов В. 1994: 89]. Имен-

¹ Владимир Номинханов родился, о данным военкомата, в 1921 г. (https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie8503463/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%9D%D0%BE%D0%B%D0%B8%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%26first_name%3D%26middle_name%3D%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Da2295113027f595330258e47d125cc57b3573f3600cdbc1aa8742bd494516397v21%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=smperson_rvk1070038940). По другим данным — в 1922 г. р. [Алексеева 1997: 159, ссылка на сообщение родственников и личное дело Ц.-Д. Номинханова].

но потому Церен-Дорджи так торопился в Монголию, что отражено в его отчете в ЛИЖВЯ: «я стал с 18-го июня хлопотать относительно заграничного паспорта, бывая чуть ли [не] ежедневно в Отделе Управл[ения] по выдаче заграничных паспортов», а не получив вовремя загранпаспорт, уехал в Верхнеудинск, где после долгих хождений по начальству вскоре получил документ и добрался 25 июля 1924 г. на пограничный пункт — Кяхту [Носов 2021: 106]. Далее Ц.-Д. Номинханов писал в отчете: «В 1925–26 учебный год в Институт учиться не поехал из-за трудности материального положения» [Носов 2021: 112], об этом факте упоминает Д. А. Носов в другой своей работе: «... в Институте языка и литературы АН Монголии хранятся выполненные Ц.-Д. Номинхановым записи устного народного творчества дербетов Западной Монголии. Их объем составляет 10 тетрадей Предположительно, все эти записи были выполнены во время нахождения Ц.-Д. Номинханова в учебной командировке в Монголии, которая продлилась два года без перерыва — с 1924 по 1926 г. „из-за трудности материального положения“ (ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 71). Основанием для данного предположения является документ, хранящийся в фонде ЛВИ в ЦГА СПб (Ф. Р-7222), — „Отчет о моей поездке в Монголию“ (Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 66–75)]» [Носов 2019: 132]. Но ситуация была более сложной. Трудности были не просто у студента Ц.-Д. Номинханова, а у его большой семьи: в 1926 г. в Улан-Баторе у Номинхановых родился третий сын — Денислав, и потому переезд в СССР, в г. Ленинград, где Церен-Дорджи являлся студентом, был сопряжен с большими расходами и хлопотами.

Вместе с тем, действительно, направление Ц.-Д. Номинханова на практику в Монголию в 1924 г. являлось свидетельством его успешной учебы, несмотря на то, что, как он отмечал в своей автобиографии, он учился и на монгольском отделении, и на подготовительном по общеобразовательным предметам: «Летом 1923 года я получил разрешение из штаба Монгольской Нар.-рев. армии выехать в СССР учиться. Осенью 1923 г. Наркоминдел (Москва) командировал меня в Ленинградский Восточный институт, куда я был зачислен студентом монгольского отделения и параллельно учиться на подготовительном отделении Ин-та по общеобразовательным предметам, т.к. у меня не было среднего образования» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 62. Л. 7]. Знаковым является и факт направления молодого образованного военного инструктора Народным комиссариатом иностранных дел, что свидетельствует о его неординарных способностях: ведь в институт он поступил, несмотря на отсутствие полного среднего образования.

Вернувшись в Ленинград в 1926 г. и прожив два года, в течение которых проходил обучение в Восточном институте, Ц.-Д. Номинханов вновь в 1928–1929 гг. пробыл в Монголии длительный срок, работая и одновременно собирая полевые материалы по заданию своих преподавателей по институту.

В 1930 г. он завершил учебу в Ленинградском Восточном университете.

6. 1920-е и 1930-е гг.: научная деятельность и круг общения Ц.-Д. Номинханова

В период учебы в Ленинграде Ц.-Д. Номинханов активно занимался научно-исследовательской деятельностью, встречался с учеными-востоковедами и учился у них, обогащая свои познания в области монголоведения под руководством известных ученых, прежде всего профессора Б. Я. Владимирцова.

Но, кроме основной деятельности, он имел возможность общения с представителями широких слоев интеллигенции, в том числе научной и творческой.

Так, с 1927 г. в Ленинграде уже проживал А. В. Бурдуков (1883–1943), известный монголовед, проживший много лет в Западной Монголии, в 1921 г. возглавлявший Прикосогольскую контору Центросоюза г. Хатхыле, где находилось пограничное управление [Российско-монгольское 2019: 237] и являвшийся позднее инструктором, на которого возлагалось руководство монгольской кооперацией [Российско-монгольское 2019: 247]. Ц.-Д. Номинханов встречался с ним как в Монголии, так и в Ленинграде, в том числе и в кругу знакомых калмыков.

Известно о встречах в доме Зулы Нохашкиева, с которым имел знакомство Ц.-Д. Номинханов [Бакаева 2014].

На фото, снятом в мае 1928 г., — встреча по поводу рождения сына Юрия в доме Зулы Нохашкиева (1900–1943) — первого калмыцкого киноактера¹, учившегося² с 1923 по 1930 гг. в Институте восточных языков и потому знакомого с ведущими монголоведами, а также обучавшегося в Землеустроительном техникуме (см. фото 4).

З. Нохашкиев был направлен в Монголию в 1924–1925 гг., где устроился на работу и являлся переводчиком в 4-й пограничном кавалерийском полку Монгольской Народной Армии. В 1926 г. он вновь возвратился в Монголию, где принимал участие в экспедиции [Иванов 2000].

¹ З. Нохашкиев снялся в ряде кинолент, в том числе в фильмах «Князь Церен» (1929), «Очир» (1932), «Семь барьеров», «Сын Монголии», «Семеро смелых» (1936) и др.

² З. Нохашкиев обучался сначала в буддийской школе, затем на курсах Калмыцкого педтехникума, был направлен в Коммунистический университет трудящихся Востока.

Фото 4. Встреча в доме З. Нохашкиева. За столом справа А. В. Бурдуков и его супруга А. И. Бурдукова. Стоят справа Ц.-Д. Номинханов, Т. И. Лазарева (Номинханова), супруга З. Нохашкиева — А. Зафран

Photo 4. Meeting in the house of Z. Nokhashkiev. At the table on the right is A. V. Burdukov and his wife A. I. Burdukova. Standing on the right are Ts.-D. Nominkhanov, T. I. Lazareva (Nominkhanova), wife of Z. Nokhashkiev — A. Zafran

Ц.-Д. Номинханов, поступивший также в 1923 г. в Институт восточных языков, в 1924–1926 г. занимался сбором материалов в Западной Монголии, затем возвращался к учебе, вновь проживал в Монголии в 1928–1929 гг. Несомненно, что оба уже тогда были знакомы с А. В. Бурдуковым, который являлся членом-корреспондентом Русского географического общества, имел тесные связи с Вл. Л. Котвичем, Б. Я. Владимирцовым и другими монголооведами, а после переезда в Ленинград в 1927 г. преподавал в Институте восточных языков [Кульганек 2013: 6–7].

Круг общения Ц.-Д. Номинханова был довольно широк, что подтверждают и другие сведения. Так малоизвестным является тот факт, что в 1928 г. (съёмочная группа прибыла в Верхнеудинск в марте 1928 г.) его младший сын Денислав, 1926 г. р., был задействован (см. фото 5, 6) в съёмках фильма «Потомок Чингисхана» (режиссер Всеволод Пудовкин). При этом можно утверждать, что родители юного актера находились рядом и общались как с режиссером и сценаристами фильма, так и с действующими лицами и артистами (см. фото 7).

Фактом, свидетельствующим о круге знакомств и общения Ц.-Д. Номинханова в этот период, является то, что в эпизодах фильма, связанных с героем, которого пришлось изображать юному Дениславу Номинханову, принимали участие в съёмках священнослужители Тамчинского дацана Бурятии во главе с XVI Пандито хамбо-ламой Данжой Мункожаповым (1925–1932).

Исследователи отмечают, что «в Забайкалье одним из самых примечательных событий в общественно-политической жизни стали съёмки в 1928 году легендарного фильма Всеволода Пудовкина „Потомок Чингисхана“¹. Один из эпизодов фильма был снят в Тамчинском дацане. Против съёмок возражали ламы дацана. Тогда по предложению режиссера правительство республики обратилось с просьбой о разрешении съёмок к Пандито Хамбо ламе, и Его Святейшество дал согласие. После этого дацан специально для съёмок перенес время проведения мистерии Цам, и этот эпизод впервые показал европейскому миру экранный образ бурятского буддизма» [Доржиев 2014]. Сличение фотографий Пандито хамбо-ламы (например, см. [Батоцыренов, Намжилова 2016: 43]) с кадрами фильма позволяет утверждать, что глава бурятских буддистов лично принимал участие в съёмках фильма.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в 1920-е гг., проживая в Ленинграде и Монголии, Ц.-Д. Номинханов активно работал и имел большой круг общения в среде научной и творческой интеллигенции. Можно утверждать, к примеру, что он был знаком не только с учеными-востоковедами, но и с представителями кино, в том числе с режиссером В. Пудовкиным. В Бурятии большую помощь съёмочной группе оказал заместитель председателя Бурятского ученого комитета А. И. Оширов. Конечно, и с ним был знаком Церен-Дорджи Номинханов — один из организаторов такого же комитета в Монголии.

Ц.-Д. Номинханов в период своей работы в Монголии, конечно, был знаком с монгольскими буддийскими священнослужителями, а в Ленинграде — с ламами дацана. Можно сделать и заключение, что он общался с ламами бурятского Тамчинского монастыря и, конечно, о личном знакомстве с хамбо-ламой Данжой Мункожаповым. В 1928–1929 гг. Ц.-Д. Номинханов находился в Монголии. Согласно интервью с его родственниками, после выхода фильма со стороны простого монгольского населения имели место попытки поклоняться ребенку

¹ Производство «Межрабкомфильм», 1928 г. Сценарий О. Брика по роману И. Новокшенова.

Фото 5–6. Кадры из фильма «Потомок Чингисхана» В роли перерожденца — младший сын Ц.-Д. Номинханова Денислав

Photos 5–6. Stills from the film “Descendant of Genghis Khan” In the role of a reincarnation — Denislav, youngest son of Ts.-D. Nominkhanov

как перерожденцу и даже была опасность, что его могут выкрасть. Немаловажную роль сыграло то, что в фильме ему поклонялись настоящие ламы, а съемки проходили в настоящем монастыре и включали буддийские обряды, в том числе такой сложный как грандиозная мистерия цам.

7. Заключение

Жизнь и деятельность Ц.-Д. Номинханова были наполнены событиями, кипучей работой. Большую часть жизни он прожил не в Калмыкии, но вся его

Фото 7. Хамбо-лама Д. Мункожапов в фильме «Потомок Чингисхана»
Photo 7. Hambo Lama D. Munkozhapov in the film "Descendant of Genghis Khan"

работа была связана с калмыцким народом, его историей, языком, культурой. Труды Ц.-Д. Номинханова охватывают широкий спектр проблем и обширный материал по разным культурам и языкам тюрко-монгольских народов. Столь активная деятельность его, сложная судьба человека XX в. обусловили наличие до настоящего времени «белых пятен» в биографии ученого, несмотря на публикацию ряда научных работ, посвященных его жизни и творчеству. Актуальной задачей до настоящего времени остается исследование неизвестных страниц биографии и не подвергавшихся анализу отдельных его трудов.

Несмотря на имеющуюся литературу, посвященную Ц.-Д. Номинханову, до настоящего времени остаются недостаточно исследованными его жизнь и деятельность. Предпринятый в настоящей статье анализ позволил установить малоизвестные и ранее не известные факты из жизни ученого. Периоды становления, военной деятельности и учебы в институте Ц.-Д. Номинханова были чрезвычайно наполненными событиями. В течение полутора десятилетия молодой человек, сумевший, несмотря на сложную судьбу сироты, выходца из бедной семьи, не отрываясь от повседневной работы, получить начальное образование, испытал на себе перипетии исторических событий, пронесшихся по калмыцкой степи. Гражданская война не сломала его, хотя столкнула молодого человека с личной трагедией: сделав выбор в 1918 г., Ц.-Д. Номинханов, несмотря на мобилизацию в белую армию и потерю только обретенной семьи, продолжил службу в Красной армии и уже через два года возглавил комендатуру революционной Урги, а затем благодаря личным качествам был направлен Наркоматом иностранных дел на учебу в высшее учебное заведение, хотя формально не имел законченного среднего образования. Десятилетие 1920-х гг. стало периодом становления ученого, активной его научной деятельности, наполненной общением с научной и творческой интеллигенцией молодой советской страны и революционной Монголии. В эти же годы Ц.-Д. Номинханов обрел свою семью, и знаком судьбы стало рождение троих сыновей молодого востоковеда в Монголии, с которой будет связана вся научная деятельность Ц.-Д. Номинханова.

Источники

Личный архив Ц.-Д. Номинханова.

Научный архив КалмНЦ РАН.

Sources

Personal archive of Ts.-D. Nominkhanov

Scientific archive of KalmSC RAS.

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА: 1 — Юнзуков Илья [Бадмаевич], 1923 г. р. Опрос 1990 г.

ПМА: 2 — Саранова (Юнзукова) Лиза, 1928 г. р. Опрос 1990 г.

ПМА: 3 — Алексеева П. Э., 1924–2020 гг. Опрос 2005 г.

Field materials of the author (PMA)

1. Yunzukov Ilya [Badmaevich], born in 1923, 1990 survey.

2. Lisa Saranova (Yunzukova), born in 1928, 1990 survey .

3. Alekseeva P. E., 1924-2020. The 2005 survey.

Литература

Алексеева 2010 — Алексеева П. Э. Иван Попов — собиратель калмыцкого фольклора // Алексеева П. Э. О людях и времени. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 77–79.

Алексеева 1997 — Алексеева П. Э. Станица Граббевская (XVII век – декабрь 1943 г.): Исторический очерк. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 191 с.

Артамонова 2002 — Артамонова Н. Я. Первые сотрудники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. 6. Абакан: Изд-во Хакасс. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. С. 224–229.

Артамонова 2019 — Артамонова Н. Я. Церен-Дорджи Номинханов — первый ученый секретарь Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Источник. Историк. Политика: Мате-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося российского историка-археографа Александра Петровича Чулошникова (г. Уфа, 5–7 июня 2019 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. С. 46–52.

Бакаева 2014 — Бакаева Э. П. Нег зургин туск (Нэгэн зургийн тухай) (= Об одной фотографии) // А. В. Бурдуков–130. Барун монголын түүх соёлын асуудлуд (= А. В. Бурдуков–130. Вопросы истории и культуры западных монголов). Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2014. С. 34–40.

Балыков 1927 — Балыков С. Воспоминания о Зюнгарском полку // Улан Залат. Прага: [б. и.], 1927. №1. С. 30–38.

Балыков 2005 — Балыков С. Воспоминания о Зюнгарском полку // Белая гвардия (альманах). № 8. Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005. С. 45–52.

Басангова 2023 — Басангова Т. Г. Калмыцкий фольклор в наследии проф. Ц.-Д. Номинханова // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21– 22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасс. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 198–201.

Батоцыренов, Намжилова 2016 — Батоцыренов Э. А., Намжилова Л. Г. Гусиноозерский дацан и хамбо-лама Данжа Мункожапов // Гусиноозерская экспедиция П. С. Михно 1927 г. (Динамика природных комплексов Гусиноозерской котловины и аспекты культурного наследия Селенгинского среднегорья) / под ред. Э. А. Батоцыренова. Улан-Удэ: ЭКОС, 2016. С. 42–48.

- Баянова 2008 — *Баянова А. Т.* Фонд Церен-Дорджи Номинханова в научной библиотеке КИГИ РАН // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 90–91.
- Горяева 2021 — *Горяева Б. Б.* Через границы языков и культур: сказки донских калмыков в записи И.И. Попова // Новый филологический вестник. 2021. № 1(56). С. 362–379.
- Горяева. Убушиева 2020 — *Горяева Б. Б., Убушиева Д. В.* Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 141–152. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-141-152
- Данькина 2014 — *Данькина Н. А.* Ученые секретари ХакНИИЯЛИ // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2014. № 1(7). С. 78–84.
- Доржиев 2014 — *Доржиев С.* Тернистый путь XVI Пандито Хамба ламы Данжа Мун-кожапова // Буряад үнэн. 14.07.2014.
- Дронов 2019 — *Дронов В. А.* Бузавы. Очерки истории донских калмыцких станиц. Дубовское: [б. и.], 2019. 240 с.
- Иванов 2000 — *Иванов А. А.* Киноартист Зула Нохашкиев: жизнь и творчество (1900–1943). Элиста: Джангар, 2000. 32 с..
- Илишкин 1973 — *Илишкин И. К.* О Церен-Дорджи Номинханове — ученом, друге, человеке // Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вести. № 4. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 5–7.
- Дарбакова 1973 — *Дарбакова В. П.* Этнографический аспект трудов доктора филологических наук Церен-Дорджи Номинханова // Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вести. № 4. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 49–54.
- Инедиты 2021 — Инедиты калмыцкого фольклора их архива И.И. Попова: сказочная проза и малые жанры. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 424 с.
- Куканова 2023 — *Куканова В. В.* Ц.-Д. Номинханов и его материалы к изучению истории развития монгольских и тюркских языков // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 15–19.
- Кульганек 2013 — *Кульганек И. В.* А. В. Бурдуков, монголовед трудной и интересной судьбы // Mongolica-XI. 2013. С.6–10.
- Кызласов 2023 — *Кызласов А. С.* Церен Доржи Номинханов — один из пионеров по изучению устной разговорной речи // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 201–203.
- Кышпанаков 2017 — *Кышпанаков В. А.* Калмыцкие спецпереселенцы в Хакасии // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35(3). С. 40–47.
- Кышпанаков 2020 — *Кышпанаков В. А.* Ц.-Д. Номинханов и И. К. Илишкин в Хакасии в годы депортации // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 104–126. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-104-126
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2016. 584 с.
- Манджикова, Манджиева 2023 — *Манджикова Л. Б., Манджиева Л. Б.* Обзор архивного фонда № 9 «Личный фонд Церен-Дорджи Номинханова» Научного архива КалмНЦ РАН // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 203–206
- Мирзаева 2020 — *Мирзаева С. В.* Рукопись И. И. Попова «Загадки донских калмыков»:

- предварительные замечания // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 399–411.
- Музраева, Ярмаркина 2023 — *Музраева Д. Н., Ярмаркина Г. М.* Церен-Дорджи Номинханов как исследователь истории старокалмыцкой письменности // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 206–210
- Муниев 1973 — *Муниев Б. Д.* Ученый и товарищ // Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вести. № 4. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 37–42.
- Наранжаргал 2014 — *Наранжаргал Н.* 1920-нод оны Ижил мөрний сав дагуух өлсгөлөн ба халимагуудыг Монгол Улсад нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и вопросе о переселении калмыков в Монголию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 50–56.
- Наранжаргал 2016 — *Наранжаргал Н.* Калмыцко-монгольские отношения (1925–1943 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 5. С. 40–44. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-27-5-40-44
- Наранжаргал 2021 — *Наранжаргал Н.* 1921 оны хувьсгалын үед монголд байсан халимагуудын нэр, тоог тодруулах нь (= Уточнение имен и численности калмыков, проживавших в Монголии во время революции 20 1921 года) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 19–41. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-19-41
- Номинханов В. 1994 — *Номинханов В. Б.* Дорога горькой судьбы // Широкий: Широкий: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р. В. Неяченко ; отв. ред. Ю. О. Оглаев ; ред. С. А. Гладкова; предисл. М. П. Иванова. Элиста: Джангар, 1994. С. 89–91 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2).
- Номинханов Владимир — Номинханов Владимир Церен-Доржинович [электронный ресурс] // <https://cdn.pamyat-naroda.ru/images3/Memorial/TV/005/058-0977521%D0%B0-0945/00000485.jpg> (дата обращения: 01.02.2023).
- Номинханов Д. 1967а — *Номинханов Д. Ц.-Д.* Культурное строительство в Советской Калмыкии (1917–1967 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967. 15 с.
- Номинханов Д. 1967б — *Номинханов Д. Ц.-Д.* Культурное строительство в Советской Калмыкии, 1917–1967 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967. 322 с.
- Номинханов Д. 1969 — *Номинханов Д. Ц.-Д.* Очерки истории культуры калмыцкого народа. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1969. 139 с.
- Номинханов 1966 — *Номинханов Ц.-Д.* Исследования по тюркским и монгольским языкам: Доклад об опубл. и выполн. работах по тюрк. и монгол. яз., представл. в качестве дисс. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата: [б. и.], 1966. 26 с.
- Номинханов 1967 — *Номинханов Ц.-Д.* Наследие калмыковеда И. И. Попова // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 5. Сер. филологии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 151–154.
- Номинханов 1970 — *Номинханов Ц.-Д.* В едином строю // С интернациональной миссией: Воспоминания участников Монгольской Народной революции / сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 66–94.
- Номинханов 1975 — *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 324 с.
- Номинханов 1976 — *Номинханов Ц.-Д.* Очерк истории калмыцкой письменности. М.: Наука, 1976.
- Номинханов 2001 — Номинханов Церен-Дорджи (08.09.1898–03.08.1967) // Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2001. С. 251–252.

- Номинханов 2008 — *Номинханов Ц.-Д.* Баруун монголын дөрвөдийн зан үйлийн аман зохиолоос (= Обычаи дербетов Западной Монголии по устным данным). I–III дэвтэр (= I–III тетради). I боть. Улаанбаатар: ШУА, Хэл зохиолын хүрээлэн (= Институт языка и литературы АН Монголии), 2008. 216 с.
- Номинханов 2008а — *Номинханов Ц.-Д.* Биобиблиографический указатель. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 32 с.
- Номинханов 2009а — *Номинханов Ц.-Д.* Бурхан ханы хөвүүн балчир бум-эрдэнэ (= Бум-Эрдэнэ, малолетний сын Бурхан хана). IV–V дэвтэр (= IV–V тетради). II боть. Улаанбаатар: ШУА, Хэл зохиолын хүрээлэн (= Институт языка и литературы АН Монголии), 2009а. 163 с.
- Номинханов 2009б — *Номинханов Ц.-Д.* Ойрад аман зохиолын сан хөмрөгөөс (Из устного наследия ойратов). VI–VIII дэвтэр (= VI–VIII тетради). III боть. Улаанбаатар: ШУА, Хэл зохиолын хүрээлэн (= Институт языка и литературы АН Монголии), 2009. 220 с.
- Номинхановын 2016а — *Ц.-Д. Номинхановын 1924–1925 онд Баруун Монголд хийсэн судалгаа* (= Исследования, проведенные Ц.-Д. Номинхановым в 1924–1925 гг. в Западной Монголии). I боть. LXI. Эрхлэн хэвлүүлсэн: На. Сүхбаатар, Гар бичмэлээс цахим бичвэрт бичиж, хөрвүүлэг, орчуулга хийсэн На. Сүхбаатар, Т. Ганцогт (= сост. На. Сүхбаатар, переложение с рукописного текста и перевод На. Сүхбаатара и Т. Ганцогта). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2016. 170 х.
- Номинхановын 2016б — *Ц.-Д. Номинхановын 1924–1925 онд Баруун Монголд хийсэн судалгаа* (Исследования, проведенные Ц.-Д. Номинхановым в 1924–1925 гг. в Западной Монголии). II боть. Эрхлэн хэвлүүлсэн: На. Сүхбаатар, Гар бичмэлээс цахим бичвэрт бичиж, хөрвүүлэг, орчуулга хийсэн На. Сүхбаатар, Т. Ганцогт (= сост. На. Сүхбаатар, переложение с рукописного текста и перевод На. Сүхбаатара и Т. Ганцогта). Bibliotheca oiratica LXII. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг ХХК, 2016. 210 х.
- Носов 2019 — *Носов Д. А.* Значение учебных командировок студентов ЛИЖВЯ для исследования фольклора монголов в 1920-е годы // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. С. Г. Кляшторного / отв. ред. и сост. Т. Д. Скрынникова. М., 2019. С. 128–137.
- Носов 2021 — *Носов Д. А.* Студент Ленинградского института живых восточных языков Ц.-Д. Номинханов в Монголии // Монголия — Россия: век независимости — век сотрудничества / сост., отв. ред И. В. Кульганек, Т. И. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2021. С. 100–118.
- Оглаев 1973 — *Оглаев Ю. О.* Двадцать семь месяцев в народной Монголии (май 1921 — август 1923 гг.) // Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вести. № 4. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 30–36.
- Оглаев 1981 — *Оглаев Ю. О.* На земле братской Монголии // В бою — в одном экипаже, в труде — в одной бригаде / сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 33–44.
- Орехов 1973 — *Орехов И. И.* Церен-Дорджи Номинханов — первый доктор филологии в Калмыкии // Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вести. № 4. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 21–29.
- Орлова 2020 — *Орлова К. В.* Сотрудничество Калмыкии и Монголии в 20-х годах XX в. // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 546–559. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-546-559
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: Джангар, 2006. 448 с.
- Очиров 2017 — *Очиров У. Б.* Калмыцкая кавалерийская дивизия РККА в 1919 г. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов (Ростов-на-Дону, 5-6 октября 2017 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2017. С. 424–432.
- Очирова 2008 — *Очирова Н. Г.* Церен-Дорджи Номинханов (1898–1967 гг.) — первый

- доктор филологических наук Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 83–86.
- Очирова 2023а — *Очирова Н. Г.* Вклад Ц.-Д. Номинханова в науку и образование регионов в годы депортации калмыцкого народа (1943–1957) // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н.С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 210–214.
- Очирова 2023б — *Очирова Н. Г.* Церен-Дорджи Номинханов (1898–1967 гг.): тернистый путь в науке (к 125-летию со дня рождения учёного) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4(77). С. 29–39.
- Российско-монгольское 2019 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов. Ч. 1. М.: Граница, 2019. 360 с.
- С интернациональной миссией 1970 — С интернациональной миссией: Воспоминания участников Монгольской Народной революции / сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 143 с.
- Санжеев 1973 — *Санжеев Г. Д.* Об исследованиях Ц. Номинханова по монгольским и тюркским языкам // Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вести. № 4. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 8–20.
- Субракова 2023 — *Субракова В. В.* Фонетическая система бельтирского говора сагайского диалекта хакасского языка (по материалам Ц.-Д. Номинханова) // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 214–217.
- Сусеева 2023 — *Сусеева Д. А.* Воспоминание о первом докторе филологических наук Калмыкии Церене Доржиевиче // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 217–218.
- Тугужекова 2008 — *Тугужекова В. Н.* Церен-Дорджи Номинханов и Хакасия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 86–89.
- Харагуюров 1981 — *Харагуюров Э.-Г.* С интернациональной миссией // В бою — в одном экипаже, в труде — в одной бригаде / сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 45–55.
- Убушаев 1973 — *Убушаев Н. Н.* Две работы Церен-Дорджи Номинханова по старокалмыцкой письменности // Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вести. № 4. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 43–48.
- Убушиева 2016 — *Убушиева Д. В.* Археографическое описание сказок донских калмыков, записанных собирателем И. И. Поповым // Известия Дагестанского педагогического университета: Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 130–134.
- Убушиева 2021 — *Убушиева Д. В.* Инеднты калмыцкого фольклора: коллекция И. И. Попова // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 153–160.
- Убушиева 2017 — *Убушиева Д. В.* Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Oriental Studies. 2017. Т. 10. № 3. С. 139–151. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-139-151
- Убушиева 2019 — *Убушиева Д. В.* Предания донских калмыков в фонде И. И. Попова // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 122–135.
- Филологические вести — Филологические вести. № 4. Церен-Дорджи Номинханов. Элиста. КНИИЯЛИ, 1973. 60 с.
- Чебочакова 2023 — *Чебочакова И. М.* О рукописи Ц.-Д. Номинханова «Хакасская то-

понимая как источник истории хакасского народа» // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 219–224.

Шараева 2022 — *Шараева Т. И.* Экспедиционные материалы Ц.-Д. Номинханова (1924–1925 гг.): сравнительно-сопоставительный анализ свадебной обрядности дербетов Западной Монголии и калмыков-дербетов России // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 732–746. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-732-746

Шивидов — Шивидов Тимофей Бадеевич [электронный ресурс] // URL: <https://centrasia.org/person.php?st=1402587006> (дата обращения: 01.03.2023).

References

- Alekseeva P. E. Ivan Popov — collector of Kalmyk folklore. In: Alekseeva P. E. About people and time. Elista: KIGI RAS, 2010. Pp. 77–79. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. Grabbevskaia Stanitsa (17th century – December 1943): Historical essay. Elista: Kalm. Publishing House, 1997. 191 p. (In Russ.)
- Artamonova N. Ya. The first employees of the Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Yearbook of the Institute of Sayano-Altai Turkology. Is. 6. Abakan: Publishing House of N.F. Katanov Khakassk State University, 2002. Pp. 224–229. (In Russ.)
- Artamonova N. Ya. Tseren-Dorji Nominkhanov — First Scientific Secretary of the Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History. In: Source. Historian. Politics: The materials of the International Scientific Conference, dedicated to the 125th anniversary of the birth of the outstanding Russian historian-archaeographer Alexander Petrovich Chuloshnikov (Ufa, June 5–7, 2019). Ufa: IIAL UFITs RAS, 2019. Pp. 46–52. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. About one photo. In: A. V. Burdukov–130. Barun mongolyn tukh soelyn asuudlud (= A. V. Burdukov–130. Questions of the history and culture of the Western Mongols). Ulaanbaatar, 2014. Pp. 34–40. (In Russ.)
- Balykov S. Memoirs of the Zyungarian Regiment. Ulan Zalat. Prague: [s. n.], 1927. No.1. Pp. 30–38. (In Russ.)
- Balykov S. Memoirs of the Zyungarian regiment. *Belaya gvardiya* (almanac). No. 8. The Cossacks of Russia in the White Movement. M., Posev, 2005. Pp. 45–52. (In Russ.)
- Basangova T. G. Kalmyk folklore in the Heritage of Prof. Ts.-D. Nominkhanov. In: Peoples and Cultures of the Sayano-Altai and Adjacent Territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated. To the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: Khakassk. V. M. Torosov Publishing House, 2023. Pp. 198–201. (In Russ.)
- Batotsyrenov E. A., Namzhilova L. G. Gusinozersky datsan and Khambo-Lama Danzha Munkozhapov. In: Gusinozersky expedition of P. S. Mikhno 1927 (Dynamics of the natural complexes of the Gusinozerskaya basin and aspects of the cultural heritage of the Selenginsky Srednegorye). Ulan-Ude: EKOS, 2016. Pp. 42–48. (In Russ.)
- Bayanova A. T. The Tseren-Dorji Nominkhanov Foundation in the Scientific Library of the KIGI RAS. *Bulletin of the Kalmyk Institute Humanitarian Studies of the RAS*. 2008. No. 2. Pp. 90–91. (In Russ.)
- Chebochakova I. M. On the Manuscript of Ts.-D. Nominkhanov “Khakass toponymy as a source of the history of the Khakass people”. Peoples and cultures of Sayano-Altai and adjacent territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: Khakas Publishing House named after V. M. Torosov, 2023. Pp. 219–224. (In Russ.)

- Dankina N. A. Scientific Secretaries of Hackney. Scientific review of the Sayano-Altai. 2014. No. 1(7). Pp. 78–84. (In Russ.)
- Darbakova V. P. The Ethnographic Aspect of the Works of Doctor of Philology Tseren-Dordzhi Nominkhanov. Tseren-Dorji Nominkhanov. In: Philological news. No. 4. Elista: KNIYALI 1973. Pp. 49–54. (In Russ.)
- Dorzhiev S. The Thorny Path of the 16th Pandito Khamba Lama Danja Munkozhapov. *Buryad unen*. 14. 07. 2014.
- Dronov V. A. Buzava. Essays on the History of the Don Kalmyk Villages. Dubovskoye: [s. n.], 2019. 240 p. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. Across the Borders of Languages and Cultures: Tales of the Don Kalmyks recorded by I. I. Popov. *New Philological Bulletin*. 2021. No. 1 (56). Pp.362–379. (In Russ.)
- Goryaeva B. B., Ubushieva D. V. Kalmyk Proverbs and Sayings recorded by I. I. Popov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 1. Pp.141–152. (In Russ.)
- Inedits of Kalmyk Folklore from their I. I. Popov Archive: non-fabulous prose and small genres. Elista: KalmSC RAS, 2021. 424 p. (In Russ.)
- Ilshkin I. K. About Tseren-Dorji Nominkhanov — scientist, friend, man. Tseren-Dorji Nominkhanov. In: Philological news. No. 4. Elista: KNIYALI, 1973. Pp. 5–7. (In Russ.)
- Ivanov A. A. Film Artist Zula Nokhashkiev: life and work (1900-1943). Elista: Dzhangar, 2000. 32 p. (In Russ.)
- Kharaguyurov E.-G. With an International Mission. In: In battle — in One Crew, in Labor — in One Brigade / comp. Yu. O. Oglaev. Elista: Kalm. Publishing House, 1981. Pp. 45–55. (In Russ.)
- Kukanova V. V. Ts.-D. Nominkhanov and his Materials for the Study of the History of the Development of Mongolian and Turkic Languages. In: Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: V. M. Torosov Khakas Publishing House, 2023. Pp. 15–19. (In Russ.)
- Kulganek I. V. A. V. Burdukov, a Mongol Scholar of a Difficult and Interesting fate. *Mongolica-XI*. 2013. Pp. 6–10. (In Russ.)
- Kyzlasov A. S. Tseren Dordzhi Nominkhanov — one of the Pioneers in the Study of Oral Colloquial Speech. In: Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: V. M. Torosov Khakas Publishing House, 2023. Pp. 201–203. (In Russ.)
- Kyshpanakov V. A. Kalmyk Special Settlers in Khakassia. *Bulletin of the Kalmyk University*. 2017. No. 35 (3). Pp. 40–47. (In Russ.)
- Kyshpanakov V. A. Ts.-D. Nominkhanov and I. K. Ilshkin in Khakassia during the Years of Deportation. *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. No. 1. Pp. 104–126. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-104-126 (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks as Part of the Don Cossacks (XVII – mid-XX century). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2016. 584 p. (In Russ.)
- Mandzhikova L. B., Mandzhieva L. B. Review of the Archival Fund No. 9 “Personal fund of Tseren-Dordzhi Nominkhanov” of the Scientific Archive of the KalmSC RAS. In: Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: V. M. Torosov Khakas Publishing House, 2023. Pp. 203–206. (In Russ.)
- Mirzayeva S. V. I. I. Popov's Manuscript “Riddles of the Don Kalmyks”: Preliminary Remarks. *New Philological Bulletin*. 2020. № 4(55). Pp. 399–411. (In Russ.)
- Muniey B. D. Scientist and Comrade. Tseren-Dordzhi Nominkhanov. In: Philological news. No. 4. Elista: KNIYALI, 1973. Pp. 37–42. (In Russ.)

- Muzraeva D. N., Yarmarkina G. M. Tseren-Dordzhi Nominkhanov as a researcher of the history of Old Kalmyk writing. In: Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21-22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: V. M. Torosov Khakas Publishing House, 2023. Pp. 206–210. (In Russ.)
- Narangargal N. 1920-nod ony Izhil murny sav daguukh olsgol ba halimaguudig Mongol Ulsad nuulgen shilzhuleh gesen asudlin tukhai (About the famine in the Volga region in the 1920s and the question of the resettlement of Kalmyks to Mongolia). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS*. 2014. No.3. Pp. 50–56. (In Russ.)
- Narangargal N. Kalmyk-Mongolian relations (1925-1943). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS*. 2016. No. 5. Pp. 40–44. DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-40-44 (In Russ.)
- Narangargal N. 1921 ony huvsgalyn ued mongold baysan halimaguudyn ner, toog todrulakh ny (= Clarification of the names and numbers of Kalmyks who lived in Mongolia during the revolution of 20 1921). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 2. Pp. 19–41. DOI: 10.22162/ 2587-6503-2021-2-18-19-41 (In Russ.)
- Nominkhanov V. B. The Road of Bitter Fate. Shirokstroy: Shiroklag: Collection of memoirs of Kalmyks warriors, participants in the construction of the Shirokovskaya HPP / comp. and introductory article by R. V. Neyachenko ; ed. by Yu. O. Oglaev ; ed. by S. A. Gladkov; preface by M. P. Ivanov. Elista: Dzhangar, 1994. Pp. 89–91 (Book of Memory of the Exile of the Kalmyk People. Vol. 3. Book 2). (In Russ.)
- Nominkhanov Vladimir Tseren-Dorzhinovich. Available at: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/images3/Memorial/TV/005/058-0977521%D0%B0-0945/00000485.jpg> (accessed: 01.02.2023). (In Russ.)
- Nominkhanov D. Ts.-D. Cultural Construction in Soviet Kalmykia (1917–1967): Cand. Sc. (History) thesis abstract. M.: Mysl, 1967a. 15 p. (In Russ.)
- Nominkhanov D. Ts.-D. Cultural Construction in Soviet Kalmykia, 1917–1967: Cand. Sc. (History) thesis. M., 1967b. 322 p. (In Russ.)
- Nominkhanov D. Ts.-D. Essays on the Cultural History of the Kalmyk People. Elista : Kalm. Publishing House, 1969. 139 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Research on Turkic and Mongolian Languages: A Report on the Publications and Performed Works on the Turk. and the Mongol. Languages., represented. as a Dissertation by Dr. Sc. (Philology). Alma-Ata, 1966. 26 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. The Legacy of the Kalmyk Scholar I. I. Popov. In: Scientific Notes of the Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Is. 5. Ser. Philology. Elista: KNIIYALI, 1967. Pp. 151–154. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. In a Single Formation. With an International Mission: Memoirs of the participants of the Mongolian People's Revolution / comp. Yu.O. Oglaev. Elista: Kalm. Publishing House, 1970. Pp. 66–94. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Materials for the Study of the History of the Kalmyk Language. M.: Nauka, 1975. 324 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. An Essay on the History of Kalmyk Writing. M., Nauka, 1976. (In Russ.)
- Nominkhanov Tseren-Dordzhi (09.08.1898 – 08.03.1967). Scientists of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the RAS. Elista: KIGI RAS, 2001. Pp. 251–252. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Baruun mongolyn dorvodiyn zan uiliyn aman zohioloo (= Customs of Derbets of Western Mongolia according to oral data). I–III notebook (= I–III notebooks). I bot. Ulaanbaatar: SHUA, Hal zohiolyn khureelen (= Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia), 2008. 216 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Biobibliographic index. Elista: KIGI RAS, 2008. 32 p. (In Russ.)
- Nominkhanov 2009a — Nominkhanov Ts.-D. Burkhan khany khovyun balchir boom-erdene (= Boom-Erdene, Burkhan Khan's young son). IV–V notebook (= IV–V notebooks). II bot.

- Ulaanbaatar: SHUA, Hal zohiolyn khureelen (= Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia), 2009a. 163 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Oirad aman zohiolyn san homrogoos (From the oral heritage of the Oirats). VI–VIII devter (=VI–VIII tetridi). III bot. Ulaanbaatar: SHUA, Hal zohiolyn khureelen (= Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia), 2009. 220 p. (In Russ.)
- Nosov D. A. The Importance of Study Trips of LIZHV Students for the Study of Mongol Folklore in the 1920s. In: The Turkic-Mongolian World: History and Culture. Materials of the International Scientific Conference, dedicated to the 90th anniversary of the birth of S. G. Klyashtorny / ed. and comp. T. D. Skrynnikova. M., 2019. Pp. 128–137. (In Russ.)
- Nosov D. A. Student of the Leningrad Institute of Living Oriental Languages Ts.-D. Nominkhanov in Mongolia. In: Mongolia — Russia: the Century of Independence is the Century of Cooperation / comp., ed. by I. V. Kulganek, T. I. Yusupova. Sain-Petersburg: Petropolis, 2021. Pp. 100–118. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. On the Land of Fraternal Mongolia. In: In Battle — in One Crew, in Labor — in One Brigade / comp. Yu. O. Oglaev. Elista: Kalm. Publishing House, 1981. Pp. 33–44. (In Russ.)
- Orlova K. V. Cooperation of Kalmykia and Mongolia in the 20s of the 20th century. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 546–559. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-546-559. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmykia during the Civil War (1917–1920). Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmyk Cavalry Division of the Red Army in 1919. South of Russia in conditions of Revolutionary Upheavals, armed conflicts and socio-political crises (Rostov-on Don, October 5–6, 2017). Rostov-on Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2017. Pp. 424–432. (In Russ.)
- Ochirova N. G. Tseren-Dordzhi Nominkhanov (1898–1967) — the first Doctor of Philological Sciences of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS*. 2008. No. 2. Pp. 83–86. (In Russ.)
- Ochirova N. G. Contribution of Ts.-D. Nominkhanov to Science and Education of the Regions during the Deportation of the Kalmyk People (1943–1957). In: Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: V. M. Torosov Khakas Publishing House, 2023. Pp. 210–214. (In Russ.)
- Ochirova N. G. Tseren-Dordzhi Nominkhanov (1898–1967): a Thorny Path in Science (to the 125th anniversary of the scientist's birth). *The Caspian region: politics, economics, culture*. 2023. No. 4(77). Pp. 29–39. (In Russ.)
- Orekhov I. I. Tseren-Dordzhi Nominkhanov — the First Doctor of Philology in Kalmykia. Tseren-Dordzhi Nominkhanov. In: Philological news. No. 4. Elista: KNIIYALI, 1973. Pp. 21–29. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. Twenty-Seven Months in the People's Mongolia (May 1921 – August 1923). Tseren-Dorji Nominkhanov. In: Philological news. No. 4. Elista: KNIYALI, 1973. Pp. 30–36. (In Russ.)
- Philological news. No. 4. Tseren-Dordzhi Nominkhanov. Elista. KNIIYALI, 1973. 60 p. (In Russ.)
- Russian-Mongolian Military Cooperation (1911–1946). In: Collection of Documents. Part 1. M.: Border, 2019. 360 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. On the Research of Ts. Nominkhanov on Mongolian and Turkic Languages. Tseren-Dordzhi Nominkhanov. In: Philological news. No. 4. Elista: KNIYALI, 1973. Pp. 8–20. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Expedition Materials of Ts.-D. Nominkhanov, 1924–1925: A Comparative

- Analysis of Wedding Rites Practiced by Dorbets of Western Mongolia and Those of Russia (Kalmykia). *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. No. 4. Pp. 732–746. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-732-746
- Shvidov Timofey Badeevich. Available at: <https://centrasia.org/person.php?st=1402587006> (accessed: 03 January 2023). Subrakova V. V. Phonetic System of the Beltir Dialect of the Sagai Dialect of the Khakass Language (based on the materials of Ts.-D. Nominkhanov). In: Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: V. M. Torosov Khakas Publishing House, 2023. Pp. 214–217. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Remembrance of the First Doctor of Philological Sciences of Kalmykia, Tseren Dorzhievich. In: Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories: materials of the IX International Scientific Conference, dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023) / ed. by N. S. Mainagashev. Abakan: V. M. Torosov Khakas Publishing House, 2023. Pp. 217–218. (In Russ.)
- Ts.-D. Nominkhanovyn 1924–1925 ond Baruun Mongold hiysen sudalgaa (= Research conducted by Ts.-D. Nominkhanov in 1924–1925 in Western Mongolia). I vol. / comp. Na. Sukhebaatar, transcription from the handwritten text and translation Na. Sukhebaatar and T. Ganzogt. Bibliotheca Oiratica. LXI. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2016. 170 p. (In Mong.)
- Ts.-D. Nominkhanovyn 1924–1925 ond Baruun Mongold hiysen sudalgaa (= Research conducted by Ts.-D. Nominkhanov in 1924–1925 in Western Mongolia). II vol. / comp. Na. Sukhebaatar, transcription from a handwritten text and translation Na. Sukhebaatar and T. Ganzogt. Bibliotheca Oiratica. LXII. Ulaanbaatar: Soyembo Printing, 2016. 210 p. (In Mong.)
- Tuguzhekova V. N. Tseren-Dordzhi Nominkhanov and Khakassia. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS*. 2008. No. 2. Pp.86–89. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Two Works by Tseren-Dordzhi Nominkhanov on the Old Kalmyk script. Tseren-Dordzhi Nominkhanov. In: Philological news. No. 4. Elista: KNIYALI, 1973. Pp. 43–48. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. An archaeographic description of the tales of the Don Kalmyks Recorded by the Collector I. I. Popov. *Izvestiya of the Dagestan Pedagogical University: Social and Humanitarian Sciences*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 130–134. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Inedits of Kalmyk Folklore: I. I. Popov's Collection. *Traditional culture*. 2021. Vol. 22. No. 4. Pp. 153–160. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Cumulative Samples in the Collection of Fairy Tales by I. I. Popov. *Oriental Studies*. 2017. Vol. 10. No. 3. Pp. 139–151. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-139-151 (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Legends of the Don Kalmyks in the I. I. Popov Foundation. *Folklore: structure, typology, semiotics*. 2019. Vol. 2. No. 3. Pp. 122–135. (In Russ.)
- With an International Mission: Memoirs of the Participants of the Mongolian People's Revolution / comp. Yu. O. Oglaev. Elista: Kalm. Publishing House, 1970. 143 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 1, pp. 94–110, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-94-110

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC [94(57):322]: 327.7 «1950/1970»
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-94-110

К вопросу о внешнеполитической деятельности буддистов СССР в контексте вероисповедной политики советского государства (1950–1970-е гг.)

Алексей Владимирович Горбатов^{1, 2}

¹ Кемеровский государственный университет (д. 6, ул. Красная, 650000 Кемерово, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

² Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)

ведущий научный сотрудник

0000-0002-8493-6468. E-mail: [gorbn1965\[at\]yandex.ru](mailto:gorbn1965[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Горбатов А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В настоящее время, когда происходит интенсификация культурных обменов, политических и экономических контактов России со странами Азии, полезным может оказаться изучение опыта истории взаимоотношений буддийских организаций разных стран в международных неправительственных организациях в послевоенные десятилетия. *Цель* исследования — изучение некоторых деталей международной деятельности буддийского духовенства в 1950–1970-е гг., а именно: особенностей взаимодействия советских государственных органов и Центрального духовного управления буддистов, а также ряда аспектов истории участия советских буддистов в международных неправительственных организациях. *Материалы.* Основными источниками статьи послужили материалы из Государственного архива Российской Федерации, а также других архивохранилищ страны. Ряд архивных документов вводится в научный оборот впервые. *Выводы.* Институционализация буддизма осуществлялась под полным контролем советского государства, но в то же время она способствовала развитию и распространению вероучения, пусть и в лимитированной форме, в различных регионах страны. В условиях холодной войны непосредственная внешнеполитическая деятельность советских буддистов была подчинена установкам партии, министерства иностранных дел и соответствующих компетентных ведомств. Буддисты СССР являлись проводниками политики государства на международной арене на Востоке. С 1970 г. после образования по инициативе советского правительства международной организации «Азиатская буддийская конференция за мир» ключевым буддийским дипломатическим партнером СССР становится Монголия. В условиях формирова-

ния «нового мирового порядка» народная буддийская дипломатия и сегодня может стать одним из основных акторов международных отношений.

Ключевые слова: буддийская дипломатия, сангха в СССР, внешнеполитическая деятельность, международные конференции, вероисповедная политика

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№23-18-00117, <https://rscf.ru/project/23-18-00117/>).

Для цитирования: Горбатов А. В. К вопросу о внешнеполитической деятельности буддистов СССР в контексте вероисповедной политики советского государства (1950–1970-е гг.) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 94–110. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-94-110

On the Issue of Foreign Policy Activities of Buddhists of the USSR in the Context of the Religious Policy of the Soviet State (1950s–1970s)

Alexey V. Gorbatov^{1, 2}

¹ Kemerovo State University (6, Krasnaya St., 650000 Kemerovo, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

² Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)
Leading Research Associate

 0000-0002-8493-6468. E-mail: gorbn1965@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Gorbatov A. V., 2024

Abstract. *Introduction.* At present, when there is an intensification of cultural exchanges, political and economic contacts between Russia and Asian countries, it may be useful to study the experience of the history of relations between Buddhist organizations of different countries in international non-governmental organizations in the post-war decades. The *purpose* is to study some details of the international activities of the Buddhist clergy in the 1950s–1970s, namely: the features of interaction between Soviet state bodies and the Central Spiritual Administration of Buddhists and some aspects of the history of the participation of Soviet Buddhists in international non-governmental organizations. *Materials.* The main sources of the article were materials of the State Archive of the Russian Federation, as well as other archives of the country. A number of archival documents are being introduced into scientific circulation for the first time. *Conclusions.* The institutionalization of Buddhism was carried out under the full control of the Soviet state, but at the same time it contributed to its development and spread, albeit in a limited form in various regions of the country. The direct foreign policy activity of Soviet Buddhists, in the conditions of the Cold War, was subordinated to the guidelines of the party, the Ministry of Foreign Affairs and the relevant competent departments. The Buddhists of the USSR were the agents of state policy in the international arena in the East. Since 1970, after the formation, on the initiative of the Soviet government, of the international organization “Asian Buddhist Conference for Peace”, Mongolia has become a key Buddhist diplomatic partner of the USSR. In the context of the formation of a “new world order,” people’s Buddhist diplomacy today can become one of the main actors in international relations.

Keywords: Buddhist diplomacy, sangha in the USSR, foreign policy activities, international conferences, religious politics

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 23-18-00117 “The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia”.

For citation: Gorbatov A. V. On the Issue of Foreign Policy Activities of Buddhists of the USSR in the Context of the Religious Policy of the Soviet State (1950s–1970s). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 94–110. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-94-110

1. Введение

Сегодня, когда политические и экономические отношения со странами Азии становятся все более приоритетными для России, важным может послужить изучение опыта взаимодействия буддийских организаций разных стран в международных неправительственных организациях. В настоящее время изучаются механизмы взаимодействия азиатских религиозных институтов и государства как для выстраивания международных связей, так и для консолидации мирового буддийского сообщества в решении актуальных вопросов сегодняшнего дня. В задачи данной статьи входит изучение ряда аспектов миротворческой международной деятельности бурятского буддийского духовенства в 1950–1970-е гг., а именно: особенности взаимодействия советских государственных органов и Центрального духовного управления буддистов; некоторые детали истории участия советских буддистов в международных неправительственных организациях, основанные на материалах, главным образом, фондов Государственного архива РФ, а также работ отечественных и зарубежных исследователей — буддологов и историков. В историографии следует выделить исследования по послевоенной истории сангхи в СССР [Terentyev 1996; Ванчикова, Чимитдоржин 2006; Абаева 2015; Горбатов 2018; Батомункуева 2023], внешнеполитической [Abbott 1966; Sablin 2019; Абаева 2021] и миротворческой [Кириченко 2022; Нимбуев 2022] деятельности буддистов. Информативны работы, касающиеся проблем международных отношений азиатского региона [Welch 1972; Корнев 1987; Андреев 2006; Кузнецова 2015].

2. Сангха в СССР в послевоенные годы

К началу 1940-х гг. сангха в СССР как религиозный институт перестала существовать вследствие репрессивных и административных усилий государства. Советский буддолог А. Н. Кочетов, в рамках атеистической парадигмы, в свою очередь, объяснял полный упадок ламства в Бурятии успехами развернутого строительства социализма, в результате которого произошел массовый отход населения от религии, отмечая, что «то же самое можно в общих чертах сказать о судьбах ламаизма в Калмыкии и Туве (по вхождению ее в состав Советского Союза)» [Кочетов 1973: 178]. В то же время общеизвестно, что данные всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. показывали, что религиозность оставалась высокой. Так, из общего числа калмыков и бурят (340 448 чел.) 59,9 %, т. е. более половины взрослого населения, признавали себя верующими [Бадмаева 2009: 113]. Как считает известный специалист по исторической демографии

В. Б. Жиромская, «верующих безусловно было больше, чем показали данные» [Жиромская 2000: 329], так как некоторые из опасений могли скрывать свои убеждения. Несмотря на преследования, в 1940-е гг. ламы на «буддийских территориях» продолжали практиковать культ уже на нелегальном положении, они совершали массовые религиозные церемонии, коллективные молебствия под открытым небом, исполняли священнодействия и молитвословия в домах верующих (похоронные обряды, молебны, различные заклинания) [Из истории 2001: 145–146]. Устойчивый авторитет ламства среди населения, помимо культовых практик, базировался также на вековых традициях системы воспитания и образования, пророчеств, врачевания с помощью методов тибетской медицины.

После окончания Великой Отечественной войны политическое руководство СССР частично снимает запретительные меры в деятельности буддистов. Совет по делам религиозных культов (СДРК) при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР в координации с Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) 10.10.1945 поднял вопрос перед правительством о разрешении созыва совещания ламаистских деятелей Бурят-Монголии, Тувинской, Ойротской, Иркутской и Читинской областей с целью образования временного буддийского религиозного центра с местопребыванием в г. Улан-Удэ. «На предположенный центр должны быть возложены задачи организационного упорядочения ритуальной деятельности ламства, ведущейся до сих пор в широких размерах, многочисленными бродячими ламами нелегально» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 313. Л. 184].

К сообщению в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) о предпринимаемой инициативе прилагалось (для проверки партийными органами) планируемое специальное обращение ламаистских деятелей, переведенное с монгольского языка. Приведем, на наш взгляд, наиболее показательные отрывки, касающиеся предмета исследования.

«Ом, да воцарится мир и спокойствие на земле!

Мы, последователи учения великого бурхана¹ Будды,

Полные счастья и добродетей, верующие и последователи высшего учения ламы-хувараки², принявшие блаженные обеты.

Преклоняясь с полным счастьем, подобно солнцу, великому учителю Сталину, воплотившему в себе разум, мудрость и действия всевышнего, ставшего символом блага человечества,

В прах разбив черных и желтых дьяволов-фашистов и расставшись с горькими мучениями, укрепляем и наслаждаемся счастливой жизнью — высшей ступенью развития человечества...

Мы, родившиеся в этот развивающийся, как цветок лотоса, мирный и исторический период, верим, этому мы обязаны своим благодеяниям, достигнутым в давнюю пору, в результате соблюдения учения своего учителя бурхана-бод(х)исатвы³.

¹ В тюркских и монгольских языках вариантам перевода слова бурхан являются «титул правителя», «Будда», «Бог» [Индо-тибетский буддизм 2011: 165].

² Хувараки — монахи-послушники, ученики.

³ Бодхисаттва — существо (или человек), полное сострадания, принявшее решение стать Буддой (просветленным) для помощи всем живым существам. В буддизме махаяне — существо, достигшее просветления и отказавшееся от нирваны для помощи

Старайтесь для помощи и счастья тех, кто отдал свою жизнь, остался калекой за благо человечества, и для их осиротевших детей, старух и стариков!

В нашей стране созданы все условия к тому, чтобы наши дети росли и воспитывались достойными гражданами своей великой Родины. Для этого посылайте своих детей в школы, техникумы, университеты, пусть они получают там знания во всех областях науки и техники, обогатят свой ум, станут проводниками культуры и просвещения и способствовать дальнейшему прогрессу нашего народа.

Мы правочерные верующие и блаженные ламы-хувараки, беззаветно трудитесь для святого дела — восстановления и стройки, разрушенных во время кровопролитной войны черными дьяволами-фашистами городов, деревень и предприятий!.. Все правочерные трудящиеся... увеличивайте производительность труда!» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 313. Л. 185–186].

В приведенных фрагментах обращения можно без усилий заметить политизированный контекст, акцентуацию на совершенство советского строя, сочетающееся с культом верховного правителя, призыв к труду и лояльности, но также и гуманистический пафос, свойственный буддийскому учению с его принципами милосердия и «ахимсы» — ненасилия. Вместе с тем при чтении его возникает вполне обоснованное предположение, что ряд абзацев с явными идеолого-социалистическими обертонами были добавлены не ламами-хувараками, а заинтересованными советскими органами, настолько они стилистически диссонируют с другими разделами.

СДРК удовлетворяет инспирированное сверху ходатайство верующих, происходит реинституализация буддизма. Центром буддийской сангхи в СССР становится Бурятская АССР. Резиденция располагается в «Хамбын сумэ» (Иволгинском дацане) в тридцати километрах от Улан-Удэ. Первым председателем верховного органа буддийской церкви — Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ) СССР был избран XVII Пандито Хамбо-лама¹ Лубсан-Нима Дармаев. Одновременно принимается решение о восстановлении деятельности в Агинском Бурят-Монгольском национальном округе (в составе Читинской области) Агинского дацана.

В 1946 г. Совещанием буддийских деятелей Бурят-Монгольской АССР были утверждены «Устав Духовного управления буддистов» и «Положение о буддийском духовенстве СССР». Указанные документы ограничивали деятельность лам и дацанов сугубо культовыми и вероисповедными видами деятельности. Состав лам в дацанах количественно ограничивался, настоятели монастырей назначались ЦДУБ по указанию хамбо-ламы. Ламам, согласно новым правилам, следовало проживать «за общей монастырской стеной без личных усадеб, а дома, в которых они проживали, считались собственностью монастыря» [Абаева 2015: 52–57]. Был запрещен институт хубилганов (перерожденцев), введен возрастной ценз для допуска к посвящению в хувараки (с 18 лет), ламам не позволялась практика тибетской медицины.

Во времена «хрущевских гонений» положение сангхи ухудшилось: в Туве была ликвидирована, якобы по требованию населения, моленная юрта

другим живым существам.

¹ Титул главы бурятской, тувинской региональных буддийских организаций, а также буддийской сангхи СССР.

[ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 769. Л. 22; ГА РБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 208. Л. 52]; свернута деятельность буддийских нелегальных общин и групп в Иркутской области, на которые власти предпочитали ранее не обращать внимание; с одобрения местных властей ограничивалось право зарегистрированных лам выезжать в аймаки [Горбатов 2018: 86]. Регистрация буддийских обществ более не возобновлялась, согласно проведенному учету в 1961 г. было зафиксировано 15 общин и групп, действующих нелегально [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 428. Л. 8].

В таких ограниченных условиях сангха была вынуждена существовать в СССР вплоть до начала перестройки. «Буддизм реанимируют с помощью немногих выживших в сталинских лагерях лам, — констатировал буддолог А. А. Терентьев, — и светоч Дхармы полвека тлеет в двух маленьких монастырях Бурятии» [Terentyev 1996: 64].

3. Советские буддисты¹ в международных неправительственных организациях

«Немаловажную роль в возрождении буддийских монастырей, — справедливо отмечает известный монголовед и религиовед Л. Л. Абаева, — сыграла высокая активность международного буддийского сообщества и буддийских организаций, будировавших в СМИ вопрос отсутствия буддийской теории и практики на территории СССР» [Абаева 2015: 52–53]. С 1950-х гг. властные структуры активно задействовали вновь воссозданный религиозный институт в интересах внешнеполитических целей государства на восточноазиатском и юго-восточном фронтире, а также для позиционирования СССР иностранным державам как страны, комфортной для буддистов. Для реализации этих задач ЦДУБ СССР в 1956 г. присоединился к Всемирному братству буддистов (ВББ).

Предложение о создании этой организации было выдвинуто еще в 1947 г. цейлонскими буддистами. В 1949 г. оно получило поддержку на конференции на Гавайских островах, а в 1950 г. был созван первый учредительный конгресс Международного братства буддистов, в котором участвовали 129 представителей от 29 стран и районов мира [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 127. Л. 134–135]. Последующие конференции проводились в Японии (1952 г.), Бирме (1954 г.), Непале (1956 г.) (см. фото 1), Таиланде (1958 г.), Камбодже (1961 г.) и Индии (1964 г.) [Abbott 1966: 101].

С 1950 г. по 1958 г. президентом Всемирного братства был инициатор его создания, дипломат и буддолог, а также посол Цейлона (совр. Шри-Ланка) в СССР Малаласекера Гунапала Пиясена (Gunapala Piyasena Malalasekera). Название для краткости могли сокращать до названия Братство или Организация, центр было решено дислоцировать там, где было сочтено подходящим Генеральным советом организации. Так, с 1950 г. по 1958 г. он был в Коломбо, с 1958 г. в Рангуне (бывшая Бирма), в настоящее время находится в Бангкоке.

Цели и задачи ВББ, согласно Устава братства, были таковыми:

- поддерживать и распространять среди членов строгое соблюдение и осуществление на практике учений Будды;

¹ Советские буддисты — устойчивое словосочетание, нередко присутствующее в делопроизводственных документах советских ведомств.

Фото 1. Королева Непала вручает подарок главе делегации буддистов из СССР Бандидо Хамбо-Ламе Е. Д. Шарапову, 20 ноября 1956 г.

[ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 454. Л. 7]

Photo 1. The Queen of Nepal presents a gift to the head of the Buddhist delegation from the USSR, Bandido Hambo Lama Sharapov E. D. November 20, 1956

- содействовать единению, солидарности и братству среди буддистов;
- проповедовать высшее учение Будды;
- организовывать и осуществлять на деле деятельность в областях социальной, просветительной, культурной и других видов человеческого служения;
- трудиться для обеспечения мира и гармонии людей и счастья для всех живых существ и сотрудничать с другими организациями, имеющими подобные цели [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 127. Л. 192–193].

Несмотря на исключительно благие намерения, задекларированные в уставе братства, уже со второй конференции в Японии дискуссионные площадки братства стали ареной борьбы противоборствующих стран и группировок. Сказалось нескрываемое стремление США использовать организацию для достижения своих политических целей, сосредоточить деятельность братства в направлении борьбы против социалистических стран и международного коммунистического движения. В составе американской делегации на второй Генеральной конференции (1952 г.) насчитывалось 16 человек, в то время как от других стран было по 1–2 представителя. От «чанкайшистской клики» присутствовало 6 монахов. Этот количественный перевес определил откровенно односторонний политический вектор конференции. Так, Корея (Южная) потребовала, чтобы были вызваны представители КНР и СССР на конгресс для дачи показания о положении буддистов в этих странах. Сам конгресс призвал освободить японских военных преступников, проявить к ним снисхождение и великодушие, отказаться от применения к ним смертной казни, а также возвратить в Японию военнопленных [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 127. Л. 137].

Рассуждая о проблемах и специфике деятельности ВББ в 1950–1960-е гг., Артур С. Эбботт отмечал, что возрождение буддизма в Азии после Второй мировой войны тесно связано с растущим духом национализма и сопутствующим стремлением к социально-экономическому и политическому развитию. «Эта тенденция... затмила негативизм традиционного буддизма, который хоть и поощряет зарабатывание заслуг через правильные мысли и поступки, подчеркивает преходящее и бессмысленность мирской деятельности, и желание достигнуть отстраненности в нирване» [Abbott 1966: 101]. Однако совместный поиск позитивного смысла в человеческом существовании и его достижениях на международных встречах не удалось по большому счету реализовать: сангха становится объектом политизации. Встречи буддистов на конференциях, которые проходили каждые два года, практически сразу превратились в политические форумы с диктуемой США международной повесткой. В ответ на навязываемую конфронтационную повестку западно-ориентированных буддийских представителей, формируется блок делегаций из «коммунистических стран» (СССР, КНР, Монголия, Северный Вьетнам и Северная Корея). Потенциал буддизма в качестве инструмента внешней политики стал активно использоваться Китаем, а затем Индией и СССР как средство «мягкой силы» (см. фото 2).

Для Мао не имело никакого значения использование буддизма внутри страны, считал синолог-религиовед Холмс Уэлч, но между 1952 и 1964 гг., религия им использовалась в международных отношениях [Welch 1972: 169]. Пекин посредством буддистской дипломатии стремился убедить весь мир в том, что в

Фото 2. На приеме у президента Индии Раджендра Прасат (в центре глава делегации МНР Гомбодо). Нью-Дели. 29 ноября 1956 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 454. Л. 14]

Photo 2. At a reception with the President of India Rajendra Prasad (in the center is the head of the MPR delegation Gombodo). New Delhi. November 29, 1956

коммунистическом Китае религии не подвергаются гонениям, требуя тем самым «соответствующим» образом относиться к тибетскому и тайваньскому вопросам. В 1956 г. на конференции в Непале (IV конгресс), где уже присутствовали делегации СССР и Северного Вьетнама, «прогрессивные силы» добились (ненадолго) успеха: при пересмотре устава организации единственным представителем буддийского движения была признана КНР, тем самым были ликвидированы предпосылки к «ситуации двух Китаев» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 191. Л. 1, 3–5]. В уставе братства были признаны 43 региональных центра, в том числе из социалистического лагеря: СССР, Монголия, Чехословакия, Китай, Северный Вьетнам, каждый из которых мог послать на конференцию до пяти делегатов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 191. Л. 1, 3–5].

Постепенное ухудшение советско-китайских отношений побудило Кремль скорректировать свою позицию по тибетскому вопросу. «После начала культурной революции в Китае (1966–1976), — отмечает А. И. Андреев, — во второй половине 1960-х гг. в СССР появился ряд публикаций, содержавших резкую критику национальной политики маоистского руководства Китая в районах, населенных не китайскими (неханскими) народами, прежде всего во Внутренней Монголии, Синьцзяне и Тибете» [Андреев 2006: 375]. Китай, таким образом, в 1960–1970-е гг., считают исследователи, столкнулся с интересами своих бывших союзников по ВББ¹, геополитическим альянсом — СССР и Индией, «которые были заинтересованы, чтобы Тибет был независимым и образовывал нейтральную буферную зону» [Андреев 2006: 380].

После смены геополитических приоритетов и наличия недружелюбной атмосферы на площадке ВББ, а также из-за непоследовательности организаторов (не всегда на очередной форум приглашали делегации из социалистического лагеря) назрел вопрос об организации новой буддийской международной организации. «Азиатская буддийская конференция за мир» (АБКМ) была учреждена последователями тибетского буддизма в 1970 г. при поддержке правительства СССР со штаб-квартирой в Улан-Баторе. Официально организация была учреждена «по инициативе лидера ЦДУБ СССР Хамбо ламы Ж. Гомбоева и Хамбо ламы Монголии С. Гомбожава при непосредственном участии Кушока Бакулы ринпоче (Индия). Сначала АБКМ объединяла 15 национальных центров из 12 стран Азии, включая влиятельных буддийских лидеров, общественных и политических деятелей» [Абаева 2021: 50–52]. Организация была создана как некий противовес ВББ, который периодически игнорировал буддистов из социалистического лагеря.

Задачи АБКМ («Азиатские буддисты за мир», по В. И. Корневу [Корнев 1987: 190–191]), были конкретизированы первым президентом организации Хамбо-ламой Монголии С. Гомбожавом в первом номере журнала «Буддисты за мир»:

1. «Обеспечить тесное сотрудничество буддистов всего мира для улучшения мира в Азии и во всем мире;
2. Пропагандировать и осуществлять идеи мира, справедливости и человеческого достоинства — суть учения Будды;
3. Защищать и поддерживать национальную независимость и противостоять империализму, колониализму и неоколониализму;

¹ Речь идет о Всемирном братстве буддистов.

4. Противостоять агрессивным военным блокам и их базам в Азии и бороться за мир и безопасность в Азии на основе принципов „Панчасила“¹;

5. а) Содействовать общему и полному разоружению и запрещению производства, испытаний, накопления и использования термоядерного оружия и других средств массового уничтожения; б) защищать права человека путем ликвидации голода, нищеты, невежества, расовой и социальной дискриминации, несправедливого экономического порядка и религиозной нетерпимости, и сегрегации; в) создавать новый экономический порядок, базирующийся на социальной справедливости, равенстве и гуманности;

6. Поддерживать сотрудничество с другими мирными движениями религиозных и нерелигиозных организаций, преследующих сходные цели» [цит. по: Корнев 1987: 190–191].

Отметим, что в приведенной декларации явственно преобладают миротворческий и антимилитаристский акценты с социалистическими оттенками и в меньшей степени присутствует религиозная лексика из буддийского словаря, что говорит об определенной политизации и элементах ангажированности неправительственной организации. В то же время она показала свою жизнеспособность в буддийском мире в Азии. С момента образования в 1970 г. АБКМ собиралась в разных странах, включая Шри-Ланку в 1972 г., Индию в 1974 г., Японию в 1976 г., Лаос в 1986 и 2003 гг., а также Монголию в 1979, 1982, 1990, 1998 и 2019 гг. Президент Монголии Халтмаагийн Баттулга, выступая с обращением на 11-й конференции в Улан-Баторе в 2019 г., напомнил, что эта декларация единого сострадания достигла аудитории всего мира и АБКМ — «одна из немногих зарегистрированных в ООН религиозных организаций, которым присвоен консультативный статус» [Remarks by President].

4. Буддисты СССР в дипломатии советского государства

Следует подчеркнуть, что непосредственная международная деятельность советских буддистов была подчинена установкам партии, министерству иностранных дел и соответствующим компетентным ведомствам. Показательный факт: председатель СДРК А. А. Пузин специальным письмом в ЦК КПСС просил санкционировать включение в делегацию для поездки на буддийскую конференцию некоего Ц. — «работника заинтересованной организации» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 127. Л. 51].

Дает основание для определенных выводов в этом смысле также документ от 1961 г., утвержденный Председателем СДРК А. А. Пузиным, с названием «Указания делегации буддистов Советского Союза, выезжающей в Камбоджу для участия в работе 6-го Всемирного конгресса буддистов сроком на 35 дней», который наглядно демонстрирует тотальный контроль государственных институтов в миротворческой международной деятельности «советской сангхи». В подготовке документа участвовали управление внешнеполитической информации МИД и инспекторы СДРК.

В самом начале инструкции прямо указывалось, что «советская делегация будет состоять из двух человек: Е. Д. Шарапов — хамбо-лама, председатель

¹ Панча шила — пять принципов, базовый кодекс буддийской этики: отказ от насилия, воровства, обмана, опьяняющих напитков, прелюбодеяствия.

ЦДУБ и С. Д. Дылыков — старший научный сотрудник Института народов Азии АН СССР, к.и.н., буддолог. Причем пандито-хамбо лама всюду представляется как глава буддистов СССР, фактически же руководителем делегации будет являться Дылыков, его указания, рекомендации и распоряжения обязательны для Шарапова» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 126. Л. 4]. О многом говорит и указание, что по прибытии делегация должна советоваться по всем вопросам у советского посольства и выполнять все его указания и рекомендации.

В другом сопроводительном документе, в разделе «Примерные ответы на некоторые „каверзные вопросы“», присутствуют следующие вопросы и образцы ответов для иностранных представителей и прессы. Приводим фрагменты в сокращенном виде:

Вопрос: Говорят, что в СССР уничтожены все буддийские храмы и расстреляны все ламы. Правда ли это?

Ответ: Неправда. В СССР есть буддийские храмы и ламы. В нашей стране существует подлинная свобода совести... Советское правительство никогда не преследовало и не преследует за религиозные убеждения. Правда, в нашей стране верующих становится все меньше, но существующие буддийские храмы содержатся в надлежащем порядке.

Вопрос: Сколько буддийских храмов и лам в СССР?

Ответ: В стране имеется столько буддийских храмов, сколько нужно для удовлетворения религиозных запросов верующих. Есть буддийские храмы: Иволгинский, Агинский, Гусинский, Ленинградский, Калмыцкий и множество субурганов (пагод) в различных районах Бурятии, Калмыкии и Тувы... Лам насчитывается около 200 штатных и нештатных.

Вопрос: Почему во время войны была ликвидирована Калмыцкая республика и за что была наказана Калмыкия?

Ответ: Калмыков никто не наказывал, и Калмыцкая республика никогда не была ликвидирована... Когда началась оккупация Калмыцкой АССР гитлеровскими войсками, Советское правительство также эвакуировало калмыцкое население в глубокий тыл страны, республика была временно расформирована...

Вопрос: Каково отношение советских буддистов к событиям в Тибете и к далай-ламе?

Ответ: Тибет является неотъемлемой частью Китая и, следовательно, разрешение этого вопроса представляет внутреннее (дело) КНР. В Тибете нет никакого преследования буддийской религии, о чем свидетельствуют неоднократные заявления духовного главы тибетцев — Панчен Эртни¹, принимающего ныне активное участие в строительстве... в Тибете [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 112. Л. 136–138].

Мы можем только предполагать, как воспользовалась делегация этой инструкцией и была ли она утверждена как руководство для действий, но очевидно, что большинство предлагаемых ответов совсем не соответствовали исторической действительности. Это касается репрессий духовенства и полной ликвидации буддизма в СССР как института в 1930-е гг., и фантастического существования

¹ Панчен-эртни (Панчен-лама) — титул «живого бога», земного воплощения (хубилгана) будды Амитабхи, второе по своему значению после Далай-ламы лицо иерархии ламства в Тибете.

давно закрывшихся / ликвидированных дацанов и недействующих субурганов, и депортации калмыцкого народа и ликвидации национальной автономии в 1943 г., и количества лам, и др. Правдоподобным выглядит этот документ как источник, когда мы знакомимся с последним ответом на «каверзный вопрос». Действительно, в это время Советский Союз безоговорочно поддерживал позицию Китая, несмотря на гонения верующих, по тибетскому вопросу и действительно председатель Мао рассчитывал в это время на Панчен-эртни Чокьи Гьялцен (Панчен-ламу X), очень молодого еще человека, который последовательно выступал как представитель прокитайской позиции [Кузнецова 2015: 359–366] (до его неожиданного демарша в 1962 г.).

Государство ответственно относилось к презентации буддистов на международных форумах. Так, для формирования позитивного имиджа СССР, как толерантной к буддизму страны, к предстоящему VI Всемирному конгрессу был снят документальный фильм «Буддизм в СССР», переведенный на французский и английский языки, а также издан фотоальбом со скромным тиражом в 100 экземпляров о «жизни советских буддистов» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 27. Л. 51], вероятно, для вручения отдельным важным персонам.

С образованием АБКМ еще более важным буддийским дипломатическим партнером СССР становится Монголия. После учреждения монастыря Гандантэгченлин (Гандан) в 1944 г. главой сангхи в МНР, структура которой не менялась и после 1990 г., фактически стал хамбо-лама (настоятель) этого монастыря, — отмечает Р. Т. Сабилов. Исследователь говорит о «формировании в МНР своего рода „социалистической модели буддизма“, которая пережила социализм» [Сабилов 2020: 91]. Добавим, что в послевоенное время идентичные процессы со схожей моделью происходили и в соседней стране — СССР. О тесноте контактов свидетельствует тот факт, что Хамбо-лама МНР С. Гомбожав приглашал отдохнуть в республику председателя ЦДУБ Ж.-Д. Гомбоева в удобное для него время с сопровождающими лицами, с целью ознакомления с достижениями своей страны, а также «дальнейшего укрепления всестороннего сотрудничества и братской дружбы монгольских и советских буддистов» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 127. Л. 1149. Л. 6]. Совет по делам религии (СДР) при Совете министров СССР в 1977 г. рекомендовал Ж.-Д. Гомбоеву принять приглашение и провести отдых в МНР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 127. Л. 1149. Л. 6].

К концу 1960-х гг. состав ЦДУБ представлял собой в целом группу лиц преклонного возраста, ряд избранных настоятелей дацанов и дацанских советов выбыл по естественным причинам [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 127. Л. 1149. Л. 18, 34]. Расширение зарубежных контактов буддийских организаций СССР и развертывание движения буддистов Азии за мир настоятельно диктовало необходимость иметь квалифицированные кадры буддийских деятелей, способных вести эту работу на должном уровне в интересах политики советского государства. Учитывая это, решением от 20.08.1969 СДР было разрешено организовать подготовку религиозных деятелей для заграничной работы. Согласно договоренности с правительством МНР был осуществлен дополнительный набор в Высшую буддийскую духовную школу в Улан-Баторе. Для учебы были отобраны семь кандидатов от 18 до 26 лет [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 127. Л. 1149. Л. 1–12, 19]. Как видно из документов, решение о наборе молодых людей было продиктовано

внешнеполитическими интересами, а не желанием СДР помочь развитию буддийской сангхи. На деле это не особо изменило общую негативную кадровую ситуацию. На седьмом съезде буддистов СССР из 87 делегатов в возрасте до сорока лет было 7 человек (шесть молодых лам, прибывшие в 1976 г. после обучения из МНР, и секретарь ЦДУБ), «от 40 до 50 лет — один человек, от 50 до 60 — 1, от 60 до 70 лет — 33, старше 70 лет — 42 человека» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1149. Л. 36].

Как и представители других ведущих легальных конфессий СССР, представители буддийского руководства активно участвовали в общественной жизни страны, выступая по текущей повестке с соответствующими заявлениями по просьбе кураторов из советских ведомств. Тексты выступлений религиозных лидеров были отредактированы, неоднократно поправлены ответственными лицами, в них присутствовала советско-партийная риторика. Из выступления хамбо-ламы: «Я, как и многие другие, внимательно следил за ходом работы недавно закончившегося XXII съезда КПСС» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 127. Л. 47]. Другой пример текста его выступления (1977 г.) по обсуждению проекта новой Конституции: «За четыре десятилетия со времени принятия ныне действующей Конституции в нашей стране построено зрелое, развитое социалистическое общество. Наше государство на протяжении всех этих лет неуклонно проводило и проводит политику дружбы многонационального советского народа и поднятия материального и культурного благосостояния всех...» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1149. Л. 23]. Эта, на первый взгляд, не свойственная для духовного лидера буддистов риторика не отличалась особо от риторики представителей других конфессий по таким актуальным политическим вопросам, как обсуждение проек-

Фото 3. Советская делегация буддистов у Субургана Буданат — одного из древнейших мест паломничества в Катманду, 17 ноября 1956 г.

[ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 454. Л. 4]

Photo 3. Soviet delegation of Buddhists at Suburgan Budanat — one of the oldest places of pilgrimage in Kathmandu. November 17, 1956

та Конституции (см., например: [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1195. Л. 14–18]), и была общей практикой в рамках выстраиваемой модели отношений религиозных организаций и советского государства.

Вместе с тем, несмотря на явную политизированность и ангажированность, советские буддисты смогли расширить свои дружеские внешнеполитические контакты (см. фото 3).

С 1956 г. по 1977 г. они побывали более чем в 13 странах Азии, буддийские регионы СССР (прежде всего Бурятию) посетили буддийские делегации 15 стран. Вместе с монгольскими буддистами проводилась активная совместная работа по консолидации усилий «прогрессивных буддистов Азии, направленных на обеспечение мира и безопасности» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1149. Л. 24].

5. Заключение

Буддийские дацаны, открытые в послевоенный период, по преимуществу играли «выставочную» роль в демонстрации реализации «свободы совести» в СССР, однако институционализация буддизма обеспечила его выживание и способствовала, пусть и в лимитированной форме, его развитию и распространению в других регионах.

Публичные выступления и инициативы глав ЦДУБ СССР на международных площадках были полной трансляцией установок ведомств, курирующих внешнеполитические вопросы. Неотъемлемым при этом элементом риторики ЦДУБ была декларация политической лояльности идеям социализма и СССР. Очевидно, что это были вынужденные действия буддийского духовенства, связанные с тотальным контролем советских ведомств.

Советский Союз в условиях холодной войны использовал международную миротворческую деятельность буддистов как один из инструментов «мягкой силы». Участие СССР в международных неправительственных организациях способствовало улучшению имиджа Советской России в Азии, а трансграничное взаимодействие позволяло буддистам СССР приобрести богатый духовный опыт, вступая в диалог с авторитетными учителями. Буддизм как первая мировая религия в глазах многих граждан мира ассоциировалась с миролюбием, милосердием, спокойствием и акцентом на благие деяния, что делало привлекательным образ СССР на международной арене. Сегодня через буддистские международные контакты, народную дипломатию у России есть хорошая возможность демонстрировать всему миру, что страна «открыта к диалогу» и готова выстраивать дипломатические отношения в миролюбивом, транспарентном, справедливом и созидательном форматах.

Сокращения

АБКМ — Азиатская буддийская конференция за мир.

ВББ — Всемирное братство буддистов.

СДРК — Совет по делам религиозных культов.

СДР — Совет по делам религии.

ЦДУБ — Центральное духовное управление буддистов СССР.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Из истории 2001 — Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. Сб. документов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. 260 с.

Индо-тибетский буддизм 2011 — Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь / сост. В. П. Андросов. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦАДПОО ЦГА РТ — Центр архивных документов партий и общественных организаций центрального государственного архива Республики Тыва.

Remarks by President — Remarks by President Khaltmaagiin Battulga at the 11th General Assembly of the asian buddhist conference for peace. Office of the President of Mongolia // <https://president.mn/en/2019/06/21/remarks-by-president-khaltmaagiin-battulga-at-the-11th-general-assembly-of-the-asian-buddhist-conference-for-peace> (дата обращения: 11.11.2023)

Sources

From the History of Religious Denominations in Buryatia. 20th century. Collection of Documents. Ulan-Ude: Republican Publishing House, 2001. 260 p.

The Center for Archival Documents of Parties and Public Organizations of the Central State Archive of the Republic of Tyva.

The State Archive of the Republic of Buryatia.

The State Archive of the Russian Federation.

The Russian State Archive of Socio-Political History.

Remarks by President Khaltmaagiin Battulga at the 11th General Assembly of the Asian Buddhist Conference for Peace. Office of the President of Mongolia // Available at: <https://president.mn/en/2019/06/21/remarks-by-president-khaltmaagiin-battulga-at-the-11th-general-assembly-of-the-asian-buddhist-conference-for-peace> (accessed: 11 November 2023).

Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic Dictionary / comp. V. P. Androsov. M.: Orientalia, 2011. 448 p.

Литература

Абаева 2015 — Абаева Л. Л. Восстановление буддийских монастырей этнической Бурятии в послевоенный период // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 3(19). С. 52–57.

Абаева 2021 — Абаева Л. Л. «Азиатская буддийская конференция за мир» в истории дипломатических взаимоотношений буддийского духовенства России (Бурятии) и Монголии // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. Сб. науч. ст. Улан-Удэ; Кяхта; Новосибирск: Сиб. отделение РАН, 2021. С. 50–52.

Андреев 2006 — Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПб. ун-т; Нартанг, 2006. 465 с.

Бадмаева 2009 — Бадмаева Е. Н. Религиозная политика советского государства в период НЭПа: на примере Калмыцкой автономной области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 1 (56). Т. 9. 2009. С. 107–113.

Батомункуева 2023 — Батомункуева С. Р. Диалог властей и верующих: предыстория основания Иволгинского дацана // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 1. С. 64–73.

Ванчикова, Чимитдоржин 2006 — Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 132 с.

Горбатов 2018 — Горбатов А. В. Буддисты и Советское государство в 1946–1960-е гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 77–88.

Жиромская 2000 — Жиромская В. Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 324–338.

- Корнев 1987 — *Корнев В. И.* Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, Вост. лит., 1987. 222 с.
- Кочетов 1973 — *Кочетов А. Н.* Ламаизм. М., Наука, 1973. 200 с.
- Кузнецова 2015 — *Кузнецова А. С.* Панчен-эртни Чоэки Гялцань (Панчен-лама X) и политика КПК в Тибете // Преподаватель. XXI век. 2015. № 3–2. С. 359–366.
- Кириченко 2022 — *Кириченко С. В.* Миротворческая деятельность буддийской конфессии СССР (1950–1980-е гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2022. Т. 42. С. 50–57.
- Нимбуев 2022 — *Нимбуев Г. Ч.* Международная деятельность Пандито хамбо-ламы Ж.-Д. Гомбоева как проявление народной дипломатии // Власть. 2022. Т. 30. № 6. С. 247–252.
- Сабиров 2020 — *Сабиров Р. Т.* Монгольский буддизм в XXI веке: в процессе конструирования // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1(38). С. 86–105.
- Abbott 1966 — *Abbott A. S.* World Buddhists Under Pressure. World Affairs. Vol. 129. 1966. No. 2 (July, August, September 1966). Pp. 101–108.
- Sablin 2019 — *Sablin I.* 2019. Soviet and Buddhist: Religious Diplomacy, Dissidence, and the Atheist State, 1945–1991 // The Journal of Religion. 2019. Vol. 99. No. 1. Pp. 37–58.
- Terentyev 1996 — *Terentyev A.* Tibetan Buddhism in Russia // The Tibet Journal. 1996. Vol. 21. No. 3. Russian–Tibetan Relations (Autumn 1996). Pp. 60–70.
- Welch 1972 — *Welch H.* Buddhism Under Mao. Cambridge: Harvard University Press. 1972. 666 p.

References

- Abaeva L. L. Restoration of Buddhist Monasteries of Ethnic Buryatia in the Post-War Period. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2015. No. 3 (19). Pp. 52–57. (In Russ.)
- Abaeva L. L. “Asian Buddhist Conference for Peace” in the History of Diplomatic Relations between the Buddhist Clergy of Russia (Buryatia) and Mongolia. In: Russia and Mongolia in the 20th–21st centuries: On the 100th Anniversary of Mongolian Revolution and the Establishment of Diplomatic Relations. Collection of Scientific Articles. Ulan-Ude; Kyakhta; Novosibirsk: Siberian Department of the RAS. 2021. Pp. 50–52. (In Russ.)
- Andreev A. I. Tibet in the Politics of Tsarist, Soviet and post-Soviet Russia. Saint-Petersburg: Publishing House “Nartang”. 2006. 465 p. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. Religious Policy of the Soviet State during the NEP Period: the Example of the Kalmyk Autonomous Region. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University*. No. 1 (56). Vol. 9. 2009. Pp. 107–113. (In Russ.)
- Batomunkueva S. R. Dialogue between Authorities and Believers: the Background to the Founding of the Ivolginsky Datsan. *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18. No. 1. Pp. 64–73. (In Russ.)
- Gorbatov A. V. Buddhists and the Soviet State in the 1946–1960s. *Russian History*. 2018. No. 5. Pp. 77–88. (In Russ.)
- Kornev V. I. Buddhism and Society in the Countries of South and Southeast Asia. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1987. 222 p. (In Russ.)
- Kochetov A. N. Lamaism. Moscow: Nauka. 1973. 200 p. (In Russ.)
- Kuznetsova A. S. Panchen-ertni Choeki Gyaltsan (X Panchen Lama) and the Politics of the CPC in Tibet. *Prepodavatel. XXI vek*. 2015. No. 3-2. Pp. 359–366. (In Russ.)
- Kirichenko S. V. Peacemaking Activities of the Buddhist Denomination of the USSR (1950–1980s). *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser: History*. 2022. Vol. 42. Pp. 50–57. (In Russ.)
- Nimbuев G. Ch. International Activities of Pandito Hambo Lama J.-D. Gomboeva as a Manifestation of Public Diplomacy. *Vlast*. 2022. Vol. 30. No. 6. Pp. 247–252. (In Russ.)
- Sabirov R. T. Mongolian Buddhism in the 21st Century: in the Process of Construction. *State,*

Religion and Church in Russia and Abroad. 2020. No. 1 (38). Pp. 86–105. (In Russ.)

Vanchikova T. P., Chimitdorzhin D. G. History of Buddhism in Buryatia: 1945–2000. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 2006. 132 p. (In Russ.)

Zhiromskaya V. B. Attitude of the Population to the Religion: based on the 1937 census. In: Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2000. No. 2. Pp. 324–338. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 1, pp. 111–125, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-111-125

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 930.27 (=512.36)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-111-125

Старомонгольская письменность в Байкальском регионе на современном этапе: курс на ревитализацию?

Иннокентий Галималаевич Актамов¹, Надежда Бадмажаповна
Бадмацыренова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат педагогических наук, PhD (история науки и техники), заведующий
 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13[at]gmail.com

² Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент, заведующий
 0000-0002-5723-8920. E-mail: nadya_dambayeva[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Актамов И. Г., Бадмацыренова Н. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу развития старомонгольской письменности в социокультурном пространстве Байкальского региона в современных условиях. *Цель* статьи — дать характеристику основным тенденциям в обществе с точки зрения социолингвистических процессов. *Материалы и методы.* Работа основана на анализе официальных данных Правительства Республики Бурятия, органов государственной власти Иркутской области и Забайкальского края, публикаций в СМИ, а также полевых материалов авторов в виде экспертного опроса руководителей образовательных центров и языковых активистов. При проведении исследования авторы опирались на системный подход, применялись общенаучные и специальные методы, в том числе сравнительно-исторический и статистический. *Результаты и выводы.* Выявлено, что старомонгольская письменность в современном обществе выполняет ряд функций социально-культурного характера. Во-первых, в Байкальском регионе монгольская письменность получила широкую популярность в виде каллиграфии. Во-вторых, монгольская письменность наполняется этнокультурным символизмом и используется в качестве особого источника и средства развития бурятского языка и культуры в целом. В перспективе научный интерес представляет анализ развития языковой ситуации в Монголии и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР с точки зрения реализации государственной языковой политики. Особое значение в этом плане имеют статус и функциональная роль старомонгольской письменности.

Ключевые слова: языковая политика, старописьменный монгольский язык, бурятский язык, образование, культура, история, Байкальский регион

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия» (№ 121031000302-9) и гранта Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова» в рамках проекта «Старописьменный монгольский язык в современном культурно-образовательном пространстве» (№ 23-03-0502).

Для цитирования: Актамов И. Г., Бадмацыренова Н. Б. Старомонгольская письменность в Байкальском регионе на современном этапе: курс на ревитализацию? // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 111–125. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-111-125

The Mongolian Script in the Baikal region at the Present Stage: a Course for Revitalization?

Innokenty G. Aktamov¹, Nadezhda B. Badmatsyrenova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova st., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (Pedagogy), PhD (History of Science and Technology), Head of Laboratory
 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13[at]gmail.com

² Banzarov Buryat State University (24a, Smolina st., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department
 0000-0002-5723-8920. E-mail: nadya_dambayeva[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Aktamov I. G., Badmatsyrenova N. B., 2024

Abstract. This paper aims to provide an analysis of the development of the Mongolian script in the sociocultural context of the Baikal region in modern times. The main *purpose* of this article is to characterize the key trends in society from the point of view of sociolinguistic processes. *Materials and methods.* The research is based on a thorough examination of official data from the Government of the Republic of Buryatia, government departments of the Irkutsk region and Transbaikial region, as well as publications in the media and field materials gathered through an expert survey of heads of educational centers and language activists. The authors have adopted a systematic approach and applied a range of general scientific and special methods, including comparative historical and statistical methods, to conduct this study. *Results and conclusions.* It has been revealed that the Mongolian script has significant role in performing various socio-cultural functions. Mongolian script has gained widespread popularity in the form of calligraphy in the Baikal region. Furthermore, the language is deeply embedded with ethno cultural symbolism, making it a valuable source for the development of the Buryat language and culture as a whole. There is a growing interest in analyzing the language situation in Mongolia and the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China, particularly in terms of the implementation of state language policy in perspective. The status and functional role of Mongolian script in these regions are of utmost importance in understanding its impact on the overall language landscape.

Keywords: language policy, Mongolian script, Buryat language, education, culture,

history, Baikal region

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 121031000302 “The Oriental Languages and Archival Documents of the Peoples of Russia and Inner Asia in the Context of Inter Civilization Interaction, 18th – Early 21st Centuries» and project of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Banzarov Buryat State University”, project no. 23-03-0502 “The Mongolian Script in the Modern Cultural and Educational Space”.

For citation: Aktamov I. G., Badmatsyrenova N. B. The Mongolian Script in the Baikal Region at the Present Stage: a Course for Revitalization? *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 111–125. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-111-125

1. Введение

Вопросы языковой политики в многонациональных государствах имеют принципиальное значение в плане сохранения культурного многообразия, развития гармоничных и созидательных отношений между народами. Язык является одним из величайших изобретений человеческой цивилизации, в нем отражаются этническая история народа, его духовные истоки. Не менее значимым являлось изобретение письменности, которая создала возможности передавать информацию как в пространстве, так и во времени. Это позволило накапливать социальный опыт, транслировать и развивать технологии. В этом плане язык представляет собой особую систему коммуникации, которая зависит от различных факторов, оказывающих влияние на его развитие, витальность, процессы дивергенции и конвергенции. В современном бурятском обществе сформировался социальный запрос на изучение и развитие традиционной культуры, родного языка. Популярность в этом плане обретает старописьменный монгольский язык (используются также термины *старомонгольская письменность* или *классическая монгольская письменность*), который воспринимается как один из основных источников развития бурятской культуры в целом и бурятского языка в частности.

Исторически старописьменный монгольский язык как наддиалектная письменная форма всех монгольских языков был уникальным объединяющим культурным инструментом. Как пишет К. Дэмбэрэл, «национальная монгольская письменность имеет специфические характеристики, отличается своеобразием и неповторимостью. Особенность монгольской письменности заключается в том, что она адаптирована к языку монголов, а также применима в равной степени ко всем диалектам монгольского языка» [Дэмбэрэл 2021: 110]. Г. А. Дырхеева и Г. Наранчимэг также считают: «древнейшая из собственно монгольских систем письма — старомонгольская письменность (классическое монгольское письмо) оказалась наиболее успешной из многочисленных вариантов систем письма» [Дырхеева, Гомбодоржийн 2019: 102]¹. Возникшее в XIII в. старомонгольское письмо прошло долгий и сложный путь и имеет разную судьбу на территории Монголии, Китая и России. Необходимо отметить, что в XVII в. ойратским и калмыцким просветителем, религиозным

¹ Необходимо отметить, что в XVII в. ойратским и калмыцким просветителем, религиозным и общественным деятелем Зая-пандитой Намкайджамцо была создана на основе старомонгольской письменности другая письменность, названная «ясным письмом» («тодо бичиг»). — *Ред.*

и общественным деятелем Зая-пандитой Намкайджамцо была создана на основе старомонгольской письменности другая письменность, названная «ясным письмом» («тодо бичиг»). В 1905 г. ученый, дипломат и священнослужитель Агван Доржиев предложил реформировать старомонгольскую графику для бурятского языка с учетом его фонетических особенностей. Письменность получила название «Вагиндра» или алфавит Агвана Доржиева.

Статья посвящена анализу развития старомонгольской письменности в социокультурном пространстве Байкальского региона в современных условиях. Цель статьи — дать характеристику основным тенденциям в обществе с точки зрения социолингвистических процессов.

2. Материалы и методы

Исследование было проведено на основе анализа официальных данных Правительства Республики Бурятия, органов власти Иркутской области и Забайкальского края в сфере развития бурятского языка, традиционной культуры, а также публикаций в СМИ, посвященных старомонгольской письменности и каллиграфии. Кроме того, была разработана специальная анкета, направленная на выявление особенностей развития старомонгольской письменности в Байкальском регионе. Респондентами выступили преподаватели курсов по старомонгольской письменности, учителя школ г. Улан-Удэ и преподаватели Бурятского государственного университета, занимающиеся преподаванием старомонгольской письменности. Были также проведены интервью с экспертами, занимающимися организацией данных курсов, мастерами каллиграфии, представителями «Центра бурятской культуры» г. Иркутска. Общее количество респондентов составило 27 человек. Социологический опрос проводился через заполнение онлайн-формы в системе Google, интервью с экспертами проводилось в режиме видеосвязи на платформе социальной сети ВКонтакте. Ряд экспертных интервью проводились в виде беседы на платформе Телеграм.

Материалами исследования послужили учебники и учебные пособия по старомонгольской письменности монгольских и российских авторов, в том числе разработанные языковыми активистами в виде самиздата.

3. Письменная культура монголоязычных народов

Существуют различные мнения относительно периода зарождения письменности у различных монгольских этнических групп. По мнению О. Ф. Золотоевой, «бурятский народ пользовался монгольской письменностью в течение более 300 лет, со времени распространения буддизма среди бурятских племен» [Золотоева 2007: 4]. И. де Рахевильц допускает вероятность того, что «некоторые монгольские племена пользовались монгольской письменностью еще до формирования монгольской империи, так как в „Сокровенном сказании монголов“ содержатся устоявшиеся лексические элементы, характерные для языка с развитой письменной культурой, например, *bičik* ‘письмо’, *debter* ‘тетрадь’, *ča'alsun* ‘бумага’» [Rachewiltz 1972: 116].

Монгольские народы, в том числе и буряты, использовали старомонгольское письмо для своих нужд и развития своей письменной культуры. Оно применялось в качестве официального письма делового документооборота,

использовалось для написания произведений исторической хроники, литературных произведений. Особой популярностью пользовались такие жанры, как мемуары, хождения, летописи, родословные. В современных архивах и библиотеках хранятся письменные памятники, относящиеся к разным сферам научного знания, прежде всего это сочинения по буддийской философии, тибетской медицине, астрологии, образцы переводной и оригинальной литературы. Большое хождение среди простого народа имели дидактические субхашиды (монг. *сан субашид*) — своеобразный свод этики поведения мирянина. На старомонгольской письменности записаны произведения переводной литературы, в том числе такие литературные и дидактические произведения — такие как «Алтан гэрэл», «Ульгэрэй далай», «Шэдитэ хүүр» и др. Многие произведения хранятся в личных архивах, они изданы ксилографическим способом либо представляют собой рукописи.

Старомонгольская письменность на территории этнической Бурятии получила свое развитие, начиная с XIII в. и заканчивая 30-ми гг. XX в. Как отмечает Л. Б. Бадмаева: «Старомонгольский язык использовался как в Бурятии, так и в Монголии в качестве языка средневековой науки» [Бадмаева 2020: 16]. Некоторые исследователи считают, что буддийские сочинения, заимствованные бурятами из Монголии, переписывались без изменений. Вместе с тем в произведениях светского характера наблюдались заметные отклонения от норм классического монгольского языка. Об этом писали А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе и В. А. Казакевич [Бадмаева 2010: 204]. Это обстоятельство дало основание Б. Я. Владимирцову, его ученикам и последователям Г. Д. Санжееву и Т. А. Бертагаеву выдвинуть положение о том, что в Бурятии постепенно стал образовываться особый бурятский литературный диалект старомонгольского языка, названный Б. Я. Владимирцовым одним из «диалектических монгольских письменностей» [Владимирцов 1929: 29].

Соблюдение норм письменного языка при передаче религиозных сочинений объясняется традицией буддийского ксилографического книгопечатания, которое требовало строгого соблюдения канонов. Культура бурятского книгопечатания исторически сложилась в буддийских храмах и монастырях. «В бурятских дацанах издавались переводные и оригинальные труды по философии и логике, по языкознанию и поэзии, по медицине и прикладным наукам, по астрономии и географии. Для перевода и написания научных сочинений в лексикографических трудах была разработана специальная терминология. Авторами таких сочинений, как правило, выступали ламы. В результате обучения бурятских мальчиков в дацанах и заграничных монастырях среди бурят появилась прослойка духовной интеллигенции» [Бадмаева 2018: 169–170].

Отклонения от классического монгольского письма в произведениях светского характера, популярных в среде бурятской аристократии и интеллигенции, в первую очередь, связаны с закономерным влиянием разговорного языка. Кроме того, отступления от канонов были возможны благодаря рукописной форме данных произведений. Например, Б. Я. Владимирцов в своем труде «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика» пишет об ассимиляции письменного языка разными наречиями и диалектами монгольских племен: «Влияние народной речи

стало обнаруживаться и на правописании, потому что оно стало отражать фонетические особенности диалектов, и на морфологии, тоже менявшейся под влиянием заимствований из народных говоров, и на словаре. Классические нормы, нашедшие отражение главным образом в печатных изданиях, ничего не могли поделать со стихийным движением: письменный язык, начав шире обслуживать жизненные потребности монголов, стал приближаться к живому народному языку» [Владимирцов 1929: 28]. Другими словами, старомонгольская письменность в условиях функционирования бурятских диалектов и говоров получила свое развитие в форме бурятского варианта письма.

В отечественном монголоведении существует ряд работ, посвященных бурятскому изводу старописьменного монгольского письма. Так, Д.-Н. Д. Доржиев в своем монографическом исследовании «Старобурятский язык» на основании специфики всех языковых ярусов от фонетики до синтаксиса придерживается мнения «об абсолютной самостоятельности письменно-литературного бурятского языка» [Доржиев 1992: 221]. По мнению Л. Б. Бадмаевой, «языковой фон бурятских старописьменных текстов представляет собой промежуточный письменный вариант между классическим монгольским письменным языком и разговорной формой бурятского языка. Данный письменный вариант можно определить как бурятский письменный идиом старописьменного монгольского языка. Некоторые лексемы языка бурятских старописьменных текстов нашли дальнейшее отражение в современном литературном бурятском языке, например, *surγuli* в м. стп.-монг. *surγaγuli* ‘школа’, ср. совр. лит. бур. *хургуули* id.; *lama* в м. стп.-монг. *blama* ‘лама, буддийский монах’ ср. совр. лит. бур. *лама* id.; *niṭuγ* в м. стп.-монг. *nutuγ* ‘родина, родное место, родной улус’ ср. совр. лит. бур. *нютaг* id.; *ṣed* в м. *ṣes* ‘медь, медный’ ср. совр. лит. бур. *зэд* id» [Бадмаева 2010: 204–205]. Кроме того, была создана целая школа лингвистического изучения источников, относящихся к бурятскому идиому, которую возглавил Л. Д. Шагдаров.

4. Языковые процессы в Бурятии в XX в.

На территории этнической Бурятии старописьменный монгольский язык использовался до 1931 г., когда был осуществлен переход на латинский алфавит. Старомонгольская письменность являлась транслятором монгольских и тибетских письменных и литературных традиций, выполняла прикладные функции. К 30-м гг. XX в. у бурят была сформирована богатая письменная культура, которая сложилась на основе переводных и оригинальных произведений религиозного, художественного, официально-делового характера не только на старописьменном монгольском языке, но и на бурятском идиоме данной письменности. Это говорит о его гибкости, высокой степени витальности и возможностях не просто передачи письменных и литературных традиций, но и способности производства и развития духовной культуры бурят.

С переходом бурят в 1931 г. на латиницу, а позже, в 1939 г. — на кириллицу, старомонгольское письмо было вытеснено из широкого применения. В 1990-х гг. в связи с социально-политическими изменениями в обществе возродился интерес к старописьменному монгольскому языку. Однако этот интерес был возвращением не к тому периоду расцвета бурятского идиома, а к периоду

классического письма.

Именно с этого времени в Республике Бурятия силами языковых активистов, учителей бурятского языка и литературы, энтузиастов, освоивших письменность самостоятельно, начинается преподавание письменности в школах и средних специальных учебных заведениях Бурятии (средние общеобразовательные школы Еравнинского, Закаменского, Хоринского районов, РБНЛ-И № 1, лицей № 7, бурятская гимназия № 29 и др.). Такие печатные средства массовой информации, как газета «Буряад Үнэн», инициируют на своих страницах обучение письму. Данное направление сталкивалось с закономерными трудностями организационного и методического характера: отсутствовала учебная и учебно-методическая литература, не было единой образовательной программы. «Ренессанс» монгольского письма был связан с желанием бурятской общественности вернуться к своим культурным истокам. Открывшийся в 1992 г. Бурятский филиал Новосибирского государственного университета начал реализацию программ по востоковедным профилям, в том числе по классическому монголоведению с изучением теории и практики старописьменного монгольского языка в традициях Восточного факультета Ленинградского государственного университета (ныне — Санкт-Петербургского государственного университета). К преподаванию монгольского письма были привлечены сотрудники Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН Х. Ж. Гармаева, Л. Д. Бадмаева, Д. В. Дашибалова. Выпускники кафедры языков Центральной и Восточной Азии, позже образованной кафедры филологии Центральной Азии Восточного факультета Бурятского государственного университета сформировали кадры, которые позволили создать условия для развития старомонгольской письменности в Байкальском регионе.

Если в 1990-х гг. интерес к возрождению письменности носил практико-ориентированный характер (письму обучались для ознакомления с родословными и архивными данными), то интерес к освоению письма в 2000-е гг. приобрел иные мотивы — старомонгольская письменность стала определенным элементом этнической культуры.

5. Эволюция эстетики письма

Эстетизация письменности характерна для китайской, корейской, японской культур. Монгольские исследователи, говоря о начале развития монгольской письменности как эстетического феномена, указывают в качестве начального периода XIII век. Например, Ч. Болортуяа пишет, что «монголы на протяжении всей своей истории не только пользовались несколькими разновидностями письма, но и имеют совершенную систему и традицию каллиграфии» [Болортуяа 2011]. В качестве подтверждения она приводит различные стили и шрифты монгольского письма, среди которых ранний, каллиграфический (четкий), протяжный и скорописный виды. Она отмечает, что «надписи на каменных памятниках, относящихся к древнемонгольскому периоду, а также письма монгольских ханов были каллиграфически написаны древним шрифтом с использованием плавного почерка с заостренными элементами» [Болортуяа 2011]. Однако, на наш взгляд, эстетизация является характерной чертой одного из периодов расцвета любой письменности, того периода, которому пред-

шествует длительный этап утилитарного использования письменности. Как пишет О. Н. Солодовникова: «... трудоемкость техники письма, требовавшей высокого мастерства владения кистью, привели к эстетизации письменности, осознанию самоценности ее графической основы... и появлению самостоятельного вида искусства — каллиграфии» [Солодовникова 2023: 10]. Истоки монгольской каллиграфии берут свое начало в Китае, который оказал мощное культурное влияние через язык и письмо на страны Восточной Азии, Корею, Японию и Монголию. Относительно китайского влияния Д. Кара отмечает, что «может быть, китайская орнаментальная каллиграфия влияла на монгольское письмо уже в средневековье, а возможно и то, что уйгурская графика, резко отличавшаяся от китайской, тогда еще не поддавалась такому влиянию. Во всяком случае, известные орнаментальные разновидности уйгуро-монгольского письма появились в маньчжурскую эпоху, в XVIII в., и, по всей вероятности, не под китайским, а под маньчжурским влиянием» [Кара 1972: 87]. В своей работе, посвященной истории монгольской каллиграфии, Д. Батбаяр подчеркивает, что «формы монгольских письмен-узоров (*монгол бичгийн эвхмэл хэлбэр*) и монгольских печатей (*монгол тамга*) являются частью монгольского искусства каллиграфии» [Батбаяр 2015: 17]. Кроме того, этот же автор пишет, что происхождение монгольской каллиграфии необходимо связывать с происхождением самого письма [Батбаяр 2015: 12]. Он также отмечает, что современная монгольская каллиграфия охватывает период с XVII по XX вв. [Батбаяр 2015: 13]. Таким образом, приблизительно пять веков развития в естественных условиях понадобилось для перехода монгольской письменности из разряда прикладного инструмента на уровень эстетического явления.

Расширение гуманитарного сотрудничества во Внутренней Азии между Российской Федерацией, Монголией и Китайской Народной Республикой позволило классической монгольской письменности обрести новое значение в межгосударственных отношениях. Правительство Китая в рамках Программы развития северо-западных регионов страны начало поэтапно реализовывать мероприятия по поддержке этих территорий, в том числе Автономного района Внутренняя Монголия (далее — АРВМ). Социально-экономическое развитие автономии имеет значение с точки зрения приграничного положения Внутренней Монголии и демонстрации ее темпов и качества развития в контексте межгосударственных отношений. Монгольская письменность избежала реформирования и использовалась во Внутренней Монголии в отличие от Бурят-Монгольской АССР и МНР, которые поэтапно перешли на латиницу и кириллицу. Согласно историческим документам, «монголы Внутренней Монголии в лице Народного комитета АРВМ высказались за сохранение использования старописьменного монгольского языка. Резонными являлись доводы в пользу необходимости сохранения и развития богатого культурного наследия, созданного на монгольской письменности, а также широкий характер распространения среди населения автономии. Имелись и политические причины, связанные с опасениями тесного сближения монгольских народов. Монгольская письменность получила поддержку со стороны китайского правительства и получила статус государственного языка в рамках АРВМ» [Актамов 2022: 698]. С начала 2000-х гг. Внутренняя Монголия стала позиционироваться как центр развития

монгольской письменности и каллиграфии, определяющий каллиграфические и лингвистические нормы книжной культуры. Высокий интерес к каллиграфии в Монголии и регионах России (в Байкальском регионе прежде всего в городах Улан-Удэ, Чита и Иркутск) со стороны населения позволил сформировать когорту своих специалистов, которые внесли свое творческое видение и самостоятельный стиль.

Что же касается развития классической монгольской письменности вне ее эстетического направления, то она приобретает актуальность в образовательной и научно-исследовательской работе. Исторические источники и письменные памятники на старомонгольской письменности представляют ценность как с точки зрения расширения исторических данных в целом, так и с точки зрения введения в оборот информации, хранящейся в государственных фондах и личных архивах, не ставших достоянием широкой общественности. Организация системного изучения старомонгольской письменности позволит не только соблюдать языковые нормы, применять письменность в практической деятельности, но и в определенной степени будет способствовать развитию бурятского языка.

Анализируя современное положение монгольского письма в Байкальском регионе, можно констатировать, что оно за последние тридцать лет прошло путь от «ренессанса» до эстетизации. Данный факт можно объяснить рядом причин. К основным факторам можно отнести социально-культурные процессы конца XX в., которые привели к изменениям в идеологии и языковой политике в нашей стране. Особую актуальность стали обретать вопросы этнической идентичности, которая в том числе связана с изучением истории и письменной культуры. В современных экономических реалиях существующий запрос общества на развитие традиционной культуры обусловил использование старомонгольской письменности в коммерческих целях. Такой подход представляет собой определенное противоречие относительно основной функции письменности, заключающейся в трансляции и сохранении культуры и истории бурятского народа. Однако вопрос коммерциализации письма не является уникальным феноменом. Например, вслед за китайскими каллиграфами монгольские мастера начали использовать свои работы в качестве товара. Аналогичная картина наблюдается в Узбекистане, где объекты арабской арт-каллиграфии прочно заняли место в нише туристического трейдинга. В этом отношении монетизация бурятской каллиграфии находится на начальном, но достаточно активном этапе. Интерес к классической монгольской письменности в ее символическом аспекте подтолкнул к созданию сувенирной продукции с различными надписями на картинах в виде благопожеланий, одежде, канцелярских принадлежностях и т. д. Процесс коммерциализации языка в своей работе «Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии» рассмотрели Э. В. Хилханова и В. В. Иванов. Положение о коммерческой ценности языка строится на понимании языка как символического капитала, имеющего возможность перехода в экономический капитал [Хилханова, Иванов 2023: 130]. Примечательно, что исследователи рассматривают вывески на монгольской письменности как обыденные для языкового ландшафта г. Улан-Батора. В г. Улан-Удэ же вывески на старомонгольском письме представлены не так

широко, и единичные случаи ее использования в вывесках вызывают интерес у потребителей, являясь символическим маркером, указывающим на уникальность продукта, его этническую привязку, и это способствует повышению его коммодификационной ценности.

6. Социолингвистические процессы в современных условиях

Особую роль в символизации монгольского письма играет так называемый нэйминг. Название (от англ. name 'имя') должно передавать некий эмоциональный образ, специфику, индивидуальность, возможную ориентированность компании на определенную сферу деятельности или круг потребителей. Подобное употребление латыни исследовала Ю. В. Евстропова: «Одним из интересных применений латинского языка в современном мире является нейминг. Нейминг является процессом разработки названия фирмы, бренда. Классическое наименование, говорящее о серьезности бизнеса, может нести в себе исчерпывающий смысл, указывая на профиль деятельности или на принципы ведения бизнеса» [Евстропова 2018: 206]. В этом отношении использование неймов на старомонгольской графике в г. Улан-Удэ находится еще на начальной стадии своего развития и насчитывает порядка десяти наименований. В точки зрения орфографии подавляющее большинство неймов написано согласно нормам старомонгольской письменности (название этномаркета Zam, часть названия арт-кафе Badmaqanda и т. д.). Однако орфографические ошибки в названии этно-комплекса Орда — Orda, вместо корректного Ordu, этно-кафе Сарюуна — Īariγun, вместо корректного Sariγun=a свидетельствуют о проблемах практического (методического) характера. В свою очередь само существование наименований объектов на старомонгольской письменности является специфической особенностью языкового ландшафта.

По инициативе Министерства туризма Республики Бурятия в 2023 г. были разработаны и размещены информационные указатели знаковых мест г. Улан-Удэ с общим слоганом mini Buriyad огул с орфографической ошибкой в первой лексеме. Приходится констатировать, что тот минимальный ярус языкового ландшафта, который занимает старомонгольское письмо, пока еще характеризуется нарушением орфографических норм.

Интерес к изучению старомонгольской письменности подтолкнул языковые центры, различные организации расширить свой спектр услуг и начать преподавание курсов по изучению старомонгольской письменности и каллиграфии. Тенденция, безусловно, позитивная, демонстрирующая развитие традиционных ценностей и этнической культуры народа в целом. Вместе с тем наблюдаются факты вольной трактовки правил орфографии и орфоэпии со стороны людей, преподающих язык в этих организациях. Это может негативно сказаться на усвоении норм старомонгольской письменности с точки зрения ее дальнейшего применения и распространения.

В связи с этим в марте-апреле 2023 г. был проведен экспертный опрос¹ с

¹ Экспертный опрос проведен в рамках реализации инициативного научного проекта Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова «Старописьменный монгольский язык в современном культурно-образовательном пространстве» (№ 23-03-0502). Респондентами явились руководители языковых центров, обучающих монгольскому письму в Республике Бурятия, Иркутской области, Забайкальском крае.

целью разработки системного подхода к образовательному процессу с учетом всех академических норм, а также методики преподавания. Для проведения социологического опроса был разработан инструментарий в виде анкеты, определена выборка. В анкетировании приняло участие 6 языковых центров (в том числе один из Иркутской области и один из Забайкальского края), реализующих разные по содержанию образовательные программы по старомонгольскому монгольскому языку.

Опрос состоял из 11 пунктов, которые включали вопросы, касающиеся сроков проведения курсов, среднего количества слушателей, наличия учебно-методического обеспечения, основных сложностей и перспектив и т. д.

Полученные результаты показали, что в среднем курсы по старомонгольскому письму являются краткосрочными и длятся 3 месяца. Для сравнения: вузовское обучение монгольской письменности занимает от 2 семестров (8 месяцев) до 4 лет [ПМА 2023].

Группы обучающихся представляют собой стандартные языковые группы численностью от 8 до 12 человек, среди которых 50 % обучающихся в возрасте 40–49 лет, по четверти обучающихся пришлось на 25–30 лет, 30–50 лет соответственно [ПМА 2023].

В качестве учебно-методического пособия преподавателями языковых центров чаще всего используется пособие Д. Б. Шойнжоновой «Монгол бэшэг» [Шойнжонова 2015], также единично были упомянуты пособия А. Ц. Гулгенова [Гулгенов 2019], Ч. П. Ширеторова [Ширеторов, Сотников 2013], Ш. Чоймаа [Чоймаа, Алтанцэцэг 1994], Ж. Д. Доржиевой [Доржиева 2008]. Особый интерес вызвал один языковой центр, который не пользуется методическими разработками специалистов [ПМА 2023].

Подавляющее большинство центров (75 %) проводят свои занятия в традиционной форме и лишь 25 % сочетают различные формы занятий [ПМА 2023].

Как показывают ответы респондентов, основной целью курсов является освоение письма (75%), лишь четверть осваивает и письмо, и искусство каллиграфии. При этом половина центров обучает только письму, другая часть предоставляет услуги по обучению мастерству кисти [ПМА 2023].

Что касается опыта преподавательской деятельности в данной сфере, то 50 % преподавателей имеет небольшой опыт (менее года), по четверти — находятся в профессии более трех и пяти лет соответственно [ПМА 2023].

Преподаватели в качестве причин популярности старомонгольской письменности определяют следующие: интерес к этнической истории (примерно половина респондентов), интересный вид досуга (ориентировочно четверть), интерес к письменной культуре народа, ее эстетическая привлекательность и желание изучать историю своего рода и семьи [ПМА 2023].

В качестве основных проблем, с которыми сталкиваются языковые центры в образовательном процессе, подавляющее большинство респондентов отметило отсутствие методического обеспечения, треть опрошенных отметила отсутствие специализированного помещения для проведения занятий, низкий уровень интереса молодежи, недостаточный уровень мотивации и успеваемо-

Анкета размещалась на платформе Google, рассылка формы велась непосредственно респондентам.

сти у слушателей курсов, а также высокую конкуренцию со стороны других языковых центров [ПМА 2023].

На вопрос «Что бы Вам хотелось изменить в организации образовательного процесса» примерно четверть респондентов выразила желание повышать свое мастерство, в том числе у коллег из Монголии и Внутренней Монголии КНР, чуть более половины респондентов указала, что нуждается в получении методической поддержки от старших коллег, оставшаяся часть хотела бы реализовать все вышеперечисленные пункты [ПМА 2023].

7. Заключение

Данные, полученные в ходе анализа источников, научных исследований, социологического опроса, свидетельствуют о том, что развитие старомонгольской письменности в Байкальском регионе имеет ряд характерных особенностей.

Во-первых, общественный запрос на возрождение и развитие этнической культуры, обусловленный социально-политическими процессами конца XX в. в нашей стране, способствовал созданию условий для повышения познавательного интереса к старомонгольской письменности.

Во-вторых, организация первого классического вуза в Бурятии, привлечение специалистов Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН к образовательной деятельности на кафедрах Бурятского государственного университета позволили сформировать кадровый потенциал не только для академической работы, но и преподавания монгольской письменности. Именно выпускники вуза совместно с языковыми активистами, получившими различное образование, реализуют большую работу по популяризации и распространению старописьменного монгольского языка. В последние годы проводятся тематические выставки по монгольской каллиграфии и фестивали в Улан-Удэ, Иркутске, Чите, Санкт-Петербурге, Москве. Знаковым событием в культурной жизни Улан-Удэ стал фестиваль графического дизайна «Типомания», который проводится на различных площадках, в том числе с участием студентов-востоковедов, изучающих монгольскую письменность [В Бурятии проходит 2021]. Активную общественную работу проводят Дарима Дамбаева («Тэнгэрийн бэшэг») [Тэнгэрийн бэшэг / Небесное письмо], Оксана Жербанова («Студия монгольской каллиграфии») [Студия Монгольской-Каллиграфии], Янжима Батуева [Батуева 2019] и другие.

Отдельно хотелось бы отметить использование старомонгольской письменности в образовательном процессе общеобразовательных учреждений Республики Бурятия. Отрадно, что наряду с традиционными школами с этнокультурной направленностью (БРЛИ № 1, Гимназия № 29 и др.) по инициативе активных учителей и администрации школ создается этнокультурный ландшафт в новых школах. Ярким примером служит МОУ «СОШ Поселья» Иволгинского района Республики Бурятия, в которой указатели кабинетов дублируются в том числе на старомонгольской письменности.

В-третьих, популяризация и развитие старомонгольской письменности в Байкальском регионе способствуют формированию особой этнокультурной среды, которая способствует повышению познавательного интереса молодежи

к традиционной культуре, а также способствует ревитализации литературного бурятского языка в современном обществе.

Полевые материалы авторов

ПМА 2023 — Анкетный опрос руководителей образовательных центров (2023 г.).

Authors' Field Data

Questionnaire survey among heads of educational centers (2023).

Источники

- Батуева 2019 — *Батуева Я.* Старомонгольская письменность — это культурное наследие // *Агинская правда*. 2019. 2 ноября [электронный ресурс] // URL: http://www.aginsk-pravda.ru/news/janzhima_batueva_staromongolskaja_pismennost_ehto_kulturnoe_nasledie/2019-11-02-7867 (дата обращения: 29.10.2023).
- Болортуяа 2011 — *Болортуяа Ч.* Монгол ёсон: Монгол уран бичлэгийн уламжлал (дата публикации: 30.08.2011) [электронный ресурс] // URL: <https://gogo.mn/r/92884> (дата обращения: 29.10.2023).
- В Бурятии проходит 2021 — В Бурятии проходит международный фестиваль «Типомания» (дата публикации: 26.09.2021) [электронный ресурс] // URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/422478/?ysclid=lrevpywfk586304699> (дата обращения: 29.10.2023).
- Студия Монгольской-Каллиграфии — Официальный аккаунт в социальной сети ВКонтакте Студия Монгольской-Каллиграфии [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/mongolian_calligraphy_russia (дата обращения: 29.10.2023).
- Тэнгэрийн бэшэг / Небесное письмо — Официальный аккаунт в социальной сети ВКонтакте: Тэнгэрийн бэшэг / Небесное письмо [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/nebesnoe_pismo (дата обращения: 29.10.2023).

Sources

- Batueva Ya. “Mongolian Script is a Cultural Heritage”. On: “Aginskaya Pravda” (aginsk-pravda.ru). Posted on 2 November 2019. Available at: http://www.aginsk-pravda.ru/news/janzhima_batueva_staromongolskaja_pismennost_ehto_kulturnoe_nasledie/2019-11-02-7867 (accessed: 29 October 2023). (In Russ.)
- Bolortuya Ch. Mongolian tradition: Mongolian calligraphy tradition. On: Gogo. Posted on 30 August 2011. Available at: <https://gogo.mn/r/92884> (accessed: 29 October 2023). (In Mong.)
- Mongolian-Calligraphy Studio (vk.com). Official account on the social network VKontakte Mongolian-Calligraphy Studio (vk.com) (accessed: 29 October 2023) (In Russ.)
- Tengeriin besheg / Heavenly letter (vk.com). Official account on the social network VKontakte: Tengeriin besheg / Heavenly letter (vk.com) (accessed: 29 October 2023) (In Russ.)
- The International Festival “Typomania” is taking place in Buryatia. On: Baikal-daily.ru. Posted on 26 September 2021. Available at: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/422478/?ysclid=lrevpywfk586304699> (accessed: 29 October 2023) (In Russ.)

Литература

- Актамов 2022 — *Актамов И. Г.* Историко-культурные и политические аспекты развития классической монгольской письменности во Внутренней Азии в XX – начале XXI вв. // *Мир Центральной Азии-V: Сб. науч. ст.* Улан-Удэ, Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 697–699.
- Бадмаева 2010 — *Бадмаева Л. Б.* Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык // *Гуманитарный вектор*. 2010. № 2(22). С. 202–207.
- Бадмаева 2018 — *Бадмаева Л. Б.* Функционирование старомонгольского вертикального письма в Бурятии // *Байкальские встречи-X: культурная память и культур-*

- ная идентичность в условиях глобализации: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: ВСГИК, 2018. С. 166–174.
- Бадмаева 2020 — *Бадмаева Л. Б.* Письменное наследие бурят на монгольском письме // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 3. С. 15–23.
- Батбаяр 2015 — *Батбаяр Д.* Монгол уран бичлэгийн түүх. Улаанбаатар: Соёмбо Пресс, 2015. 279 х.
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика. Л.: Ленингр. Гос. ун-т им. А. С. Енукидзе, 1929. 438 с.
- Гулгенов 2019 — *Гулгенов А. Ц.* Самоучитель монгольской письменности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2019. 48 с.
- Дырхеева, Гомбодоржийн 2019 — *Дырхеева Г. А., Гомбодоржийн Н.* Языковая политика Монголии: проблема возрождения старомонгольской письменности (монгольская письменность) // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 3. С. 98–104.
- Доржиев 1992 — *Доржиев Д.-Н. Д.* Старобурятский язык. Улан-Удэ: Бурятск. гос. пед. ин-т им. Доржи Банзарова, 1992. 244 с.
- Доржиева 2008 — *Доржиева Ж. Д.* Старописьменный монгольский язык: учебник. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. 383 с.
- Дэмбэрэл 2021 — *Дэмбэрэл К.* Государственная политика Монголии по отношению к монгольской письменности // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 108–119. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119
- Евстропова 2018 — *Евстропова Ю. В.* Использование латинского языка в названиях брендов // Актуальные проблемы теоретической, экспериментальной, клинической медицины и фармации. Тюмень: Айвекс, 2018. С. 206–207
- Золтеева 2007 — *Золтеева О. Ф.* Старописьменный монгольский язык: Учеб. пособие. Улан-Удэ: ВСГТУ, 2007. 142 с.
- Кара 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности) / отв. ред. С. Г. Кляшторный. М.: Наука, 1972. 228 с.
- Солодовникова 2023 — *Солодовникова О. Н.* Искусство Китая. М.: АСТ, 2023. 154 с.
- Хилханова, Иванов 2023 — *Хилханова Э. В., Иванов В. В.* Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии // Социоллингвистика. 2023. № 2(14). С. 2–106.
- Чоймаа, Алтанцэцэг 1994 — *Чоймаа Ш., Алтанцэцэг М.* Учебник старописьменного монгольского языка. Улан-Удэ: «Олзон» БНЦ СО РАН, 1994. 184 с.
- Ширеторов, Сотников 2013 — *Ширеторов Ч. П., Сотников И. В.* Сагаан толгой. Азбука. (Старомонгольская письменность): Учебное пособие. Улан-Удэ: [б. и.], 2013. 27 с.
- Шойнжонова 2015 — *Шойнжонова Д. Б.* Монгол бэшэг. Старомонгольская письменность: учебное пособие для учащихся 5-6 классов. Улан-Удэ: Бэлиг, 2015. 97 с.
- Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz De. I.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 343 p.

References

- Aktamov I. G. Historical, Cultural and Political Aspects of the Development of Classical Mongolian Script in Inner Asia in the 20th – early 21st centuries. In: Derevyanko A. P., Bazarov B. V. (sc. ed.). In: The World of Central Asia–V: collection of scholarly articles. Novosibirsk: SB RAS, 2022. Pp. 697–699. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. Functioning of Old Mongolian Script in Buryatia. In: Baikal Meetings–X: Cultural Memory and Cultural Identity in the Context of Globalization: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Ulan-Ude: VSGIK, 2018. Pp. 166–

174. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. Old Written Mongolian Language and Modern Buryat Language. *Humanitarian vector*. 2010. No. 2(22). Pp. 202–207. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. Written Heritage of the Buryats in the Mongolian Script. *Bulletin of the Buryat State University*. Language. Literature. Culture. 2020. No. 3. Pp. 15–23. (In Russ.)
- Batbayar D. History of Mongolian Calligraphy. Ulaanbaatar: Soyombo Press, 2015. 279 p. (In Mong.)
- Choimaa Sh., Altantsetseg M. Old Mongolian Language Textbook. Ulan-Ude: TOO «Olzon» BSC SB RAS, 1994. 184 p. (In Mong.)
- Demberel K. Classical Mongolian Script: State Policy Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1). Pp. 108–119. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119 (In Russ.)
- Dorzhiev D-N. D. Old Buryat Language. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State Pedagogical Institute. 1992. 244 p. (In Russ.)
- Dorzhieva Zh. D. Old Mongolian Language: textbook. Ulan-Ude: Buryat State University, 2008. 383 p. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A., Gombodorzhiin N. Language Policy in Mongolia: Problem of Revival of the Old Mongolian Script (the Mongolian Script). *Humanitarian vector*. 2019. Vol. 14. No. 3. Pp. 98–104. (In Russ.)
- Evstropova Yu. V. Use of Latin in Brand Names. In: Current problems of theoretical, experimental, clinical medicine and pharmacy. Tyumen: RIC «Ivex», 2018. Pp. 206–207. (In Russ.)
- Gulgenov A. Ts. Self-instruction textbook of Mongolian writing. Ulan-Ude: Buryat State University, 2019. 48 p. (In Russ.)
- Kara D. Books of Mongolian Nomads (seven centuries of Mongolian writing systems). Executive editor S. G. Klyashorny. M.: Nauka, 1972. 228 p. (In Russ.)
- Khilkhanova, E.V., Ivanov, V.V. The Commodification of Languages and Linguistic Landscape of the Capital of Mongolia. *Sociolinguistics*. 2023. No. 2(14). Pp. 129–153. Available at: <https://sociolinguistics.ru/index.php/sociolinguistics/issue/view/14/15> (accessed: 10 November, 2023). (In Russ.)
- Old Mongolian Script (the Mongolian Script). *Humanitarian vector*. 2019. Vol. 14. No. 3. Pp. 98–104. (In Russ.)
- Shiretorov Ch. P., Sotnikov I. V. Sagaan Tolgoi. Alphabet. (Old Mongolian Script): textbook. Ulan-Ude: [s. n.] 2013. 27 p.
- Shoinzhonova D. B. Mongol besheg. Old Mongolian Writing: 5-6 grade textbook. Ulan-Ude: Belig, 2015. 97 p. (In Russ.)
- Solodovnikova O. N. Art of China. M.: AST, 2023. 154 p. (In Russ.)
- Rachewiltz De. Igor. Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 343 p. (In Eng.)
- Vladimirtsov B. Ya. Comparative Grammar of the Mongolian Written Language and the Khalkha Dialect: Introduction and Phonetics. Leningrad, 1929. 438 p. (In Russ.)
- Zoltoeva O. F. Old Written Mongolian Language: Study Guide. Ulan-Ude: Publishing House VSGTU, 2007. 142 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies)
Vol. 16, Is. 1, pp. 126–141, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-126-141	ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕНИЕ

УДК / UDC 930.253

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-126-141

Краткая история формирования калмыцкого фонда
Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-
Петербургского университета

Владимир Леонидович Успенский¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Рос-
сийская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0009-0007-1539-6545. E-mail: [erdem108\[at\]gmail.com](mailto:erdem108[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Успенский В. Л., 2024

Аннотация. *Введение.* Коллекция рукописей и печатных книг на ойратском «ясном письме», хранящаяся в Санкт-Петербургском государственном университете, имеет большое значение для изучения истории и культуры ойратов, прежде всего калмыков. Хотя эта коллекция является одной из лучших в мире, история ее формирования и состав никогда не были предметом специального исследования. Между тем эту коллекцию собирали выдающиеся востоковеды XIX в., и, хотя происхождение некоторых рукописей не совсем ясно, этот факт не делает их менее ценными. Поэтому главной целью данной статьи было выяснить историю формирования коллекции и дать обзор содержащихся в ней материалов. *Результаты.* Эта коллекция сформировалась в XIX в. благодаря трудам таких выдающихся российских монголоведов, как А. В. Попов, В. П. Васильев, К. Ф. Голстунский и А. М. Позднеев. В основном в коллекции представлены книги буддийского содержания. Рукописи, собранные В. П. Васильевым, принадлежали семнадцатому сыну императора Канси (годы правления — 1661–1722) Юньли 允禮 (1697–1738) и в большинстве являются уникальными или очень редкими. В 1860 г. К. Ф. Голстунский передал в университетскую библиотеку рукопись «Биографии» Зая-пандиты (Calm C 20), написанную золотом на темной бумаге, ставшей своего рода «визитной карточкой» Калмыцкого фонда. Важное место в собрании составляют личные архивные материалы ученых Г. С. Лыткина и Н. А. Лебедева. Г. С. Лыткин находился в калмыцких кочевьях в 1859–1860 гг. и за это время собрал обширные материалы исторического и этнографического характера. Н. А. Лебедев был переводчиком Азиатского департамента Министерства иностранных дел и переводил на калмыцкий язык с русского медицинские сочинения, законы, просветительские книги. *Выводы.* Коллекция книг на «ясном письме», хранящаяся в Санкт-Петербургском государственном

университете, является собранием ценнейших источников для изучения истории калмыков и их духовной культуры. Буддийские сочинения составляют основную часть собрания. Многочисленные параллельные тексты на русском и калмыцком языках, а также русские тексты с калмыцкими переводами отдельных слов и выражений являются ценными источниками для изучения лексики калмыцкого языка. Многие тексты являются ценными юридическими документами, относящимися к первой половине XIX в.

Ключевые слова: калмыцкий фонд, рукописи, «ясное письмо», Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского университета

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Корпус старокалмыцких текстов на „ясном письме“ на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия» (№ 22-78-10152, <https://rscf.ru/project/22-78-10152/>).

Для цитирования: Успенский В. Л. Краткая история формирования калмыцкого фонда Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 126–141. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-126-141

A Brief History of Formation of the Kalmyk Collection in the Oriental Section of the Saint Petersburg University Scientific Library

Vladimir L. Uspensky¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0009-0007-1539-6545. E-mail: [erdem108\[at\]gmail.com](mailto:erdem108[at]gmail.com)

© KalmSC RAS, 2024

© Uspensky V. L., 2024

Abstract. Introduction. The collection of manuscripts and printed books in the Oirat Clear Script, stored at St. Petersburg State University, is of great importance for the study of the history and culture of the Oirats, especially the Kalmyks. Although the collection of books on “Clear Script”, stored at St. Petersburg State University, is one of the best in the world, the history of its formation and composition has never been the subject of special research. Meanwhile, this collection was collected by outstanding orientologists of the 19th century, and although the origin of some manuscripts is obscure, this fact does not make them less valuable. Therefore, the main *purpose* of this article was to find out the history of the formation of the collection to give an overview of the materials contained in it. **Results.** This collection brought together in the 19th century by the efforts of such outstanding Russian Mongolologists as A. V. Popov, V. P. Vasiliev, K. F. Golstunsky and A. M. Pozdnev. The collection mainly contains Buddhist books. The manuscripts collected by V. P. Vasiliev belonged to the seventeenth son of the Kangxi Emperor (reigned 1661–1722) Yunli (1697–1738) and are mostly unique or very rare. In 1860, K. F. Golstunsky handed over to the university library the manuscript of the “Biography” of Zaya Pandita (Calm C 20), written in gold on dark paper, which became a “calling card” of the Kalmyk Foundation. An important place in the collection is occupied by personal archival materials of scholars G. S. Lytkin and N. A. Lebedev.

G. S. Lytkin stayed in the Kalmyk Steppe in 1859–1860 and during this time collected extensive historical and ethnographic materials. N. A. Lebedev was a translator in the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs and translated medical writings into Kalmyk from Russian, as well as laws and educational books. *Conclusions.* The collection of books in Clear Script, kept at St. Petersburg State University, is a collection of the most valuable sources for studying the history of the Kalmyks and their spiritual culture. Buddhist writings make up the bulk of the collection. Russian and Kalmyk parallel texts, as well as Russian texts with Kalmyk translations of separate words and expressions, are valuable sources for studying the vocabulary of the Kalmyk language. Many texts are valuable legal documents date back to the first half of the 19th century.

Keywords: Kalmyk collection, manuscripts, Clear Script, Gorky Scientific Library of St. Petersburg University

Acknowledgements. The reported study was carried out within the framework of the project “Corpus of Old Kalmyk Texts in “Clear Script” on the Linguistic Platform Lingvodoc: New Approaches to the Digitalization of Written Heritage” (No. 22-78-10152) with the financial support of Russian Science Foundation. Available at: <https://rscf.ru/project/22-78-10152/>.

For citation: Uspensky V. L. A Brief History of Formation of the Kalmyk Collection in the Oriental Section of the Saint Petersburg University Scientific Library. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 126–141. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-126-141

1. Введение

В Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета (далее — НБ СПбГУ) хранится большая и ценная коллекция книг и рукописей на восточных языках. Собрание рукописей на ойратском «ясном письме» велико по объему и разнообразно по содержанию. Оно почти полностью сформировалось в XIX в., можно даже точно назвать даты: с 1838 г. (коллекция А. В. Попова) по 1875 г. (коллекция А. М. Позднеева). Хотя формирование фонда калмыцких книг шло в общем контексте развития монголоведения в Петербургском университете, книги на «ясном письме» всегда выделялись в отдельную группу. В инвентарной книге университетском собрании книг на восточных языках 1892 г., где были даны латинские названия отдельных коллекций по языкам, эти книги включены в раздел «Calmuccica». Общий состав этой коллекции стал известным широкому кругу специалистов лишь в последние десятилетия. Однако по-прежнему значительное количество материалов нуждается в научном описании и идентификации. Калмыцкая коллекция многосоставная, поскольку в нее входят не только рукописи традиционной формы и содержания, но и многочисленные официальные документы, документы на русском и калмыцком языках. Происхождение некоторых рукописей не выяснено до сих пор, хотя инвентаризация университетских книг на восточных языках проводилась в XIX в.

2. Коллекция А. В. Попова

Потребность в знатоках монгольских языков возникла в России в XVII в., когда, продвигаясь на Восток, Россия снова в своей истории встретила с монголами, кочевья которых простирались от предгорий Тянь-Шаня до Тихого океана. Часть ойратов, получивших название «калмыки»¹, прикочевали в низовья

¹ Слово «калмык» было общим названием для всякой немусульманской кочевой

Волги в начале XVII в. После того, как Петербург стал столицей Российской империи, в нем были созданы как коллегии и министерства, так и научные и учебные учреждения. Жившие в европейской части империи калмыки были активно вовлечены в политику и войны России. Поэтому переводчики с калмыцкого и на калмыцкий язык были необходимы в столичных учреждениях. Так, в 1730-е гг. в Петербурге служил переводчик с калмыцкого языка Петр Смирнов [Веселовский 1879–1880: 101–102].

Первая в России и Европе кафедра монгольской словесности была открыта в Казанском университете в 1833 г. Для изучения монгольского языка О. М. Ковалевский и А. В. Попов в течение пяти лет находились в Восточной Сибири, где общались с бурятами. Потребность в изучении и преподавании калмыцкого языка, который эти два профессора не изучали в рамках подготовки к открытию монгольской кафедры, обнаружилась уже в Казани. Казань была расположена сравнительно недалеко от калмыцких кочевий. Кроме того, в Казани существовала Духовная академия, которая готовила православных миссионеров, в том числе и для монгольских народов. В 1838 г. А. В. Попов был командирован в калмыцкие степи Саратовской и Астраханской губерний для того, чтобы исследовать различия, существующие между двумя родственными языками — монгольским и калмыцким [Попов 1847: 9]. Результатом этой поездки стал труд «Грамматика калмыцкого языка» [Попов 1847]. Кроме того, познакомившись с калмыцким языком и собрав коллекцию книг на «ясном письме», А. В. Попов стал преподавать в Казанской духовной академии с 1845 г. [Веселовский 1879–1880: 141, 189]. Его выдающимся учеником стал А. А. Бобровников, который, будучи еще студентом, получил от ректора академии предложение составить грамматику калмыцкого языка. Для этого в 1846 г. он был командирован в калмыцкие степи. А. А. Бобровников создал классический труд — «Граматику монгольско-калмыцкого языка» [Бобровников 1849], в которой он взглянул на эти языки как на самобытные организмы, вне обычных для того времени шаблонов греко-латинской грамматики [Баянова 2023].

Коллекция книг на «ясном письме», собранная А. В. Поповым в калмыцких степях, поступила в библиотеку Петербургского университета в 1866 г., вскоре после его кончины. Современное ему состояние калмыцкой книжной культуры А. В. Попов характеризовал так: многие из калмыков, увлеченные примером Зая-пандиты, ревностно занимались и переводами с языка тибетского и собственными сочинениями духовного содержания; но, к сожалению, большая часть лучших творений унесена торгутами во время откочевки в Центральную Азию и даже самые ученые гелюрги, постоянно находившиеся при особе хана, ушли вместе с прочими на свою родину. Эта важная утрата нанесла роковой удар духовной деятельности оставшихся в России калмыков, которые, лишившись образцовых своих произведений, совершенно потеряли интерес к литературным занятиям. «Теперь они довольствуются только тем, что случайно сохранилось у частных лиц или при хурулах владельцев, которые не хотели или не имели возможности следовать за Убаши-ханом в Чжунгария» [Попов 1839: 45]. Несмотря на столь мрачную оценку, поездка А. В. Попова к калмыкам способствовала подъему интеллектуальной деятельности среди ученых лам. В коллекции СПбГУ имеется большое сочинение «Зеркало разума» (ойр. *Uxāni toli kemēkü debter*), которое

орды. Основную массу перекочевавших на запад ойратов составляли торгуты.

является изложением буддийского учения. Эта рукопись была привезена в Петербург Г. С. Лыткиным и содержит подробную историю своего происхождения на титульном листе: «Настоящее сочинение составлено в 1839/40 год[у] Ламою Багацохуровским Чжинцзан-гелюном (умер в 1852 году), как видно из предисловия, по совету профессора Александра Васильевича Попова и неоднократно напоминанием переводчика Бага-Цохур[ского] Улусн[ого] Правлен[ия] Михайла Степан[овича] Горшкова. Г[осподину] Андрееву эта рукопись была доставлена в 1856 году матерью покойного Николая Никоновича Никонова, [неск. слов неразб.] делопроизводителем Ордынского отдела Астраханской Палаты Госуд[арственных] Имуш[еств], а раньше того переводчиком калмыцкого языка. Как досталась Никонову и от кого — неизвестно. Ю. Лыткин» [НБ СПбГУ. [Calm C 12](#)]. Сверху титульного листа надпись другим почерком: «Дар Библиотеке Петербургского Университета от переводчика Хошоутов[ского] Улусного Правления Александра Алексеевича Андреева. Сельцо Тюменевка. 24 янв[аря] 1860 года» [НБ СПбГУ. [Calm C 12](#)]. К сожалению, этот ценный памятник калмыцкой буддийской литературы до настоящего времени остается неизученным.

А. В. Попов представил свою «Калмыцкую грамматику» на соискание Демидовской премии, и рецензентом был назначен О. М. Ковалевский, который подверг книгу критике. По мнению О. М. Ковалевского, ойраты не играли сколько-нибудь значительной роли в монгольской истории, и, соответственно, ойратская литература не имела большого значения. По его словам, «смотря на массу книг, написанных по-калмыцки или переведенных на это наречие, мы думаем, что при одинаковых обстоятельствах, сопровождавших судьбу всех отраслей монголов, калмыки менее других воспользовались влиянием посторонних литератур и менее других оставили после себя письменных памятников» [Попов 1849: 9]. Возражая ему, А. В. Попов писал, что для того, чтобы «основательно судить об этом предмете, недостаточно только смотреть на массу книг, написанных по-калмыцки или переведенных на это наречие; надобно близко быть знакомым с литературой калмыков. Да я сомневаюсь, что г[осподин] рецензент видел массу калмыцких книг, потому что четыре или пять рукописей, хранящихся в библиотеке Казанского университета, еще не составляют массы книг, по которой г[осподин] рецензент имел бы право произнести такой решительный суд над целой литературой калмыков» [Попов 1849: 9–10].

Таким образом, А. В. Попов явился первым российским ученым-собирателем книг на ойратском «ясном письме». Его коллекция насчитывает 25 рукописей и является довольно репрезентативной [Успенский 2007: №№ 54–78, 85–86]. В ней представлены наиболее популярные канонические буддийские сочинения («Алмазная сутра», «Сутра золотого света», «Сутра о мудрости и глупости», «Субашида», «Сказание об Убаши-хунтайджи», «Мани гамбум» и др.).

3. Коллекция В. П. Васильева

В 1850 г. в библиотеку Казанского университета поступили три ценнейшие ойратские рукописи из Пекина. Туда в 1840 г. был командирован первый магистр монгольской словесности будущий академик В. П. Васильев, который должен был готовиться к тому, чтобы стать первым профессором планировавшейся к открытию кафедры тибетской словесности. Одной из основных целей в Пекине

В. П. Васильева было приобретение монгольских книг, которых не смог отыскать его учитель О. М. Ковалевский, находившийся в Пекине в 1830–1831 гг. По этой причине все монгольские рукописи из собрания В. П. Васильева — уникальные или очень редкие. Их большую часть составляют рукописи, которые принадлежали семнадцатому сыну императора Канси (годы правления — 1661–1722) Юньли 允禮 (1697–1738), который получил от брата-императора Юнчжэна титул Го-ван 果王 ('решительный князь'). В монгольских и тибетских письменных источниках он был известен именно под титулом «Кэнсэ-ван», который является маньчжурским эквивалентом титула Го-ван. Принц Юньли всерьез занимался тибетским буддизмом, был инициатором переводов на монгольский язык и ксилографических изданий большого количества буддийских книг.

Среди коллекций книг В. П. Васильева были три объемистые рукописи на «ясном письме», собранные им из личной библиотеки принца Юньли.

Первая из ойратских рукописей В. П. Васильева (Calm D 33) — «Панчакра», является популярным у буддистов сборником из пяти дхарани-сутр, посвященных пяти богиням-защитницам [Uspensky 1999: № 007, 11–12]. Данная рукопись является «парадной» и написана красивым почерком черной и красной тушью. Кроме того, она украшена цветными миниатюрами, что является достаточно редким явлением для ойратских рукописей.

Вторая рукопись (Calm E 12) является переводом с тибетского «Книги сына» (тиб. Bu chos) [Uspensky 1999: № 202, 261]. Это вторая часть большого сборника «Книга драгоценных наставлений» (тиб. bKa' gdams legs bam), посвященная знаменитому индийскому монаху и проповеднику Атише (982–1054). В Тибете главным учеником и «духовным сыном» Атиши был Дром-тонпа (тиб. 'Brom ston pa; 1004–1064). «Книга сына» включает двадцать рассказов о предыдущих жизнях Дром-тонпы, который был объявлен воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары — персонификации Будды милосердия. Соответственно, он считается одним из прошлых воплощений Далай-лам. Поэтому появление ойратского перевода этого сочинения было закономерным. К сожалению, эта рукопись неполная, а также нуждается в реставрации.

Третья рукопись (Calm E 12) является переводом автобиографии Первого (по другой нумерации — Четвертого) Панчен-ламы Лобсан Чокьи Гьялцена (тиб. Blo bzang chos kyi rgyal mtshan; 1570–1662) [Uspensky 1999: № 205, 262], который был наставником Пятого «великого» Далай-ламы. Создатель ойратской письменности Зая-пандита тоже был учеником этого Панчен-ламы.

Неизвестно, откуда принц Юньли получил эти три рукописи на «ясном письме». Вероятно, что они были переписаны не в Пекине, а в местах проживания ойратов, скорее всего в Джунгарии или Цинхае. Возможно, что ответить на данный вопрос могло бы помочь исследование бумаги. Из своих четырех тибетских печатей Юньли поставил на титульных листах большую печать, которую он обычно ставил на «окончательные» варианты рукописей, не нуждающиеся в дополнительном редактировании. Все три рукописи из коллекции В. П. Васильева являются уникальными и отсутствуют в других библиотеках России. Что касается ойратских переводов «Книги сына» и автобиографии Панчен-ламы, то они не упоминаются даже в каталоге монгольских книжных коллекций КНР.

4. Тексты, переданные из Казанского университета

В библиотеке СПбГУ сохранился «Список Китайских, Монгольских, Санскритских и Калмыцких печатных книг и рукописей, предназначенных к отправке в С-Петербургский Университет» [НБ СПбГУ. Без шифра]. В этом «Списке» упоминается еще несколько калмыцких рукописей (л. 226).

1. «Повесть о Дурсэни Наран» (старый шифр Хул. Q 105, современный [НБ СПбГУ. Calm E 8] [Uspensky 1999: № 402, 324]. Это перевод популярной тибетской пьесы о прекрасной девушке Дурсэни Наран (тиб. gzugs kyī nyī ma), которая жила в лесу. Она стала женой царя, и его другие жены прилагали всевозможные усилия, чтобы сжить ее со света. Им удалось изгнать ее из дворца, но справедливость в конце концов восторжествовала.

2. Биография Будды Шакьямуни (старый шифр Хул. Q 106, современный: [НБ СПбГУ. Calm E 1]) [Uspensky 1999: № 189, 257].

3. Собрание поучительных историй (старый шифр Хул. Q 107, современный: [НБ СПбГУ. Calm E 6]) [Uspensky 1999: № 427, 332].

4. «Ясное зеркало» (старый шифр Хул. Q 108, современный: [НБ СПбГУ. Calm E 7]) [Uspensky 1999: № 185, 254]. Это перевод тибетского исторического сочинения «Ясное зеркало царских родословных» (тиб. rgyal rabs gsal ba'i me long), которое датируется 1368 г. (последний год правления монгольской династии Юань 元 в Китае). Его автор — Содном-Гьялцэн (тиб. bsod nams rgyal mtshan; гг. жизни: 1312–1375) был в 1345–1347 гг. императорским наместником Тибета. Ойратское название этого перевода — Gegēn toli, переводчиком был Soqḡbun Sayin Erdeni. «Ясное зеркало» рассказывает об истории буддизма в Тибете, тибетских царях (цэнпо, тиб. btsan po) и более мелких правителях. Благодаря академику И. Я. Шмидту, этот ойратский перевод стал известен европейской науке гораздо раньше, чем тибетский оригинал. И. Я. Шмидт снабдил многочисленными отрывками из калмыцкого перевода «Ясного зеркала» свой собственный перевод на немецкий язык знаменитого сочинения «Эрдэнийн тобчи» («Драгоценный свод») Саган Эцэна [Востриков 1962: 58, 190–191]. Тибетский оригинал «Ясного зеркала» был приобретен в Пекине академиком В. П. Васильевым. Это был уникальный тибетский ксилограф, датированный 1478 г., который является самой старой печатной тибетской книгой в библиотеке СПбГУ (Т-138). Однако он долгое время оставался неизвестным европейским востоковедам, которые на протяжении всего XIX в. пользовались переводами И. Я. Шмидта с ойратского.

5. «Собрание древних законов» (старый шифр Хул. 324, современный: [НБ СПбГУ. Calm B 9]) [Uspensky 1999: № 902, 499]. Это сборник законов, известный как «Монгольско-ойратские законы 1640 года», который сохранился только на ойратском языке. Рукопись содержит пометки на русском языке и стала основой книги К. Ф. Голстунского «Монголо-ойратские законы 1860 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши» [Монголо-ойратские законы... 1880].

6. «Отрывок повествования о древнем состоянии ойратов» (старый шифр Хул. 325, современный: [НБ СПбГУ. Calm A 13]) [Uspensky 1999: № 168, 246]. Это известная история ойратов, написанная Гаван-Шарабом.

Таким образом, в Казанском университете имелось небольшое собрание книг на ойратском «ясном письме».

В 1854 г. было прекращено преподавание восточных языков в Казанском университете, и со следующего года центр монголоведения переместился в Санкт-Петербург на кафедру монгольского языка Факультета восточных языков. В Петербург были перевезены коллекции книг на восточных языках, переехали многие преподаватели.

Первоначально на факультете насчитывалось четыре разряда, в один из которых — монголо-калмыцко-маньчжурский — входила кафедра монгольского и калмыцкого языка. Первым заведующим кафедрой был именно А. В. Попов, бывший профессор кафедры калмыцкой словесности Казанского университета. В 1860 г. он уехал в Сибирь на должность главного инспектора училищ Западной Сибири.

Собранная А. В. Поповым коллекция книг на монгольском языке после его смерти в 1865 г. была приобретена Петербургским университетом. В библиотеке СПбГУ сохранился написанный рукой К. Ф. Голстунского список этой коллекции, озаглавленный «Опись книгам и рукописям на монгольском, монголо-тибетском и калмыцком языках из библиотеки бывшего главного инспектора учебных заведений Западной Сибири действительного статского советника А. В. Попова». Эта опись датирована 31 мая 1866 г. и имеет пометку: «Означенные книги и рукописи принял библиотекарь Университета М. Пахт 15 октября 1866 г.» [НБ СПбГУ. Без шифра].

5. Две коллекции К. Ф. Голстунского

Калмыцкое направление на восточном факультете еще более усилилось после переезда в Петербург в 1855 г. Преемником А. В. Попова стал К. Ф. Голстунский, который с 1860 г. возглавил кафедру монгольской и калмыцкой словесности Петербургского университета. С 1856 г. по 1883 г. он неоднократно выезжал в калмыцкие степи для исследования различных калмыцких диалектов, записи фольклорного материала и сбора рукописей.

Первое его собрание называется «Список калмыцким книгам и рукописям, привезенным г. Голстунским из калмыцких степей. 1857 год» и насчитывает 33 сочинения. Она содержит как буддийские сочинения, так и фрагменты эпосов «Джангар» и «Гэсэр», записи калмыцких песен, переводов тибетских пьес и т. п. [Успенский 2001: 18–19]. В 1860 г. К. Ф. Голстунский передал в университетскую библиотеку рукопись «Биографии» Зая-пандиты [НБ СПбГУ. Calm C 20], написанную золотом на темной бумаге. Эта красивая рукопись, как мы уже говорили, стала своего рода «визитной карточкой» Калмыцкого фонда.

Вторая коллекция К. Ф. Голстунского озаглавлена «Реестр рукописям, приобретенным в калмыцких степях. 1862 год» и насчитывает 16 сочинений. Среди них был список «Джангара» из Мало-Дербетовского улуса [НБ СПбГУ. Calm C 4] и популярные буддийские сочинения — комментарий к «Субашиде» [НБ СПбГУ. Calm E 13], «Сутра о мудрости и глупости» [НБ СПбГУ. Calm C 25], «Повесть о царевице Манибадре» [НБ СПбГУ. Calm A 17] и др.

К. Ф. Голстунский также опубликовал для учебных целей ряд текстов на «ясном письме» — отрывки из «Джангара», «Повесть об Убаши-хунтайджи», «Волшебный мертвец» [Успенский 2001: 19–20].

6. Коллекция А. М. Позднеева

В 1875 г. поступили восемь сочинений на калмыцком языке, собранные студентом А. М. Позднеевым во время пребывания в калмыцких степях Астраханской губернии и представленные на факультет к приобретению для библиотеки Университета [Успенский 2003: 19]. А. М. Позднеев в 1872–1876 гг. обучался на китайско-маньчжурско-монгольском разряде Факультета восточных языков Петербургского университета. Впоследствии он стал знаменитым монголоведом, который много сделал, в том числе для изучения калмыцкого языка и литературы. С калмыками были связаны его последние годы жизни.

Следует отметить, что А. М. Позднееву библиотека СПбГУ обязана приобретением двух ойратских ксилографов.

1. Ойратский перевод «Алмазной сутры» («Ваджраччхедика») [НБ СПбГУ. Calm B 3]; [Uspensky 1999: № 036, 25]. Хотя известно несколько изданий этой сутры на ойратском языке, университетский ксилограф отличается от всех остальных.

2. Ойратский перевод наставления по гуру-йоге [НБ СПбГУ. Calm E 5]; [Uspensky 1999: № 473, 343]. Этот ксилограф был напечатан в 1744 г. в Джунгарии по инициативе тогдашнего хана Галдан-Цэрина (гг. правл. 1727–1745).

7. Материалы Г. С. Лыткина

Значительную и важную часть университетской коллекции составляют материалы на калмыцком и русском языках разного происхождения. В 1863 г. в библиотеку поступило несколько ойратских рукописей и разрозненных материалов [Успенский 2001: 20]. Среди них были «История калмыцких ханов» [НБ СПбГУ. Calm A 18], сборник калмыцких песен, собранных Улзу-му Джамбоевой, женой зайсанга Мало-Дербетского улуса [НБ СПбГУ. Calm C 26], а также 16 подлинных писем калмыцких владельцев начала XVIII в. [НБ СПбГУ. Calm C 22] и «сверток разных бумаг, заключающих в себе калмыцкие песни, поговорки, сказки и выписки из дел Астраханской палаты государственных имуществ» (старый шифр Xyl. Q 553). По-видимому, эти и некоторые другие материалы связаны с деятельностью Г. С. Лыткина. В 1854–1858 гг. он учился на факультете восточных языков Петербургского университета, который закончил со степенью кандидата.

Г. С. Лыткин был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию. В 1859–1860 гг. он был отправлен в Калмыцкую степь, где провел около двух лет. Как следует из его записей, в основном он проживал в «сельце» Тюменевка Астраханской губернии, которое являлось главной ставкой Хошеутовского улуса. Г. С. Лыткин опубликовал несколько трудов по истории калмыков и, вернувшись в Петербург, отошел от монголоведения. Он сосредоточился на переводе христианской литературы на свой родной коми-зырянский язык и преподавал историю в 6-й Санкт-Петербургской гимназии.

Можно предположить, что поступившие в 1863 г. в библиотеку Петербургского университета материалы были именно материалами Г. С. Лыткина, собранными им во время командировки к калмыкам. Это подтверждается его многочисленными личными записками и пометками.

Даже поверхностное ознакомление с этими материалами показывает, что Г. С. Лыткин исключительно серьезно занимался исследованием языка, быта,

истории, этнографии калмыков. Возникает вопрос: почему после нескольких лет усердной работы по подготовке к занятию должности профессора калмыцкой словесности он резко оставил свои занятия и расстался со всеми научными материалами? Можно предположить, что это связано с какими-то политическими моментами. 1860–1861 гг. были беспокойными в России, когда имели место многочисленные крестьянские восстания и студенческие волнения. Отчасти в связи с этими событиями в 1860 г. О. М. Ковалевский был отстранен от должности ректора Казанского университета. О Г. С. Лыткине сообщается, что он участвовал в революционном движении, стал горячим поклонником Николая Чернышевского, вступил в общество «Земля и воля», на его квартире была устроена тайная типография¹.

«Сверток бумаг» был впоследствии расчленен на три части:

1) 40 документов, главным образом, лично Г. С. Лыткина. Старый шифр Хул. Q 553, инв. № 1877/1–40;

2) 176 различных документов. Старый шифр Хул. F 105, инв. № 1876/1–176, новый шифр: [НБ СПбГУ. *Calm. C 23*];

3) разрозненные материалы.

Эти материалы нуждаются в подробном изучении, так как содержат как копии старинных документов (возможно, не сохранившихся до наших дней), так и оригинальные калмыцкие документы с печатями зайсангов как на калмыцком, так и на русском языках. Например, копий писем на «ясном письме» калмыцких владельцев, отправленных русским властям с 1708 г. по 1719 г., насчитывается 224. Русских переводов² документов этого периода — 162 [Успенский, Яхонтова 2021: 269]. Г. С. Лыткин собрал обширные сведения о калмыцких обычаях, праздниках, народонаселении, имеется даже несколько рукописных карт местности.

Можно предположить, что Г. С. Лыткин собрал и большую коллекцию рукописей на «ясном письме», которая попала в составе коллекции А. М. Позднеева в Институт восточных рукописей РАН. История эта почти детективная. В связи с трудностями жизни в революционном Петрограде А. М. Позднеев в 1918 г. выехал вместе с семьей на юг России. Свою библиотеку, научные бумаги и коллекции он оставил в Петрограде. А. М. Позднеев умер 30 сентября 1920 г. в Ростове-на-Дону. Его вдова, Вера Николаевна Позднеева³, в 1925 г. продала Азиатскому Музею⁴ коллекцию монгольских рукописей А. М. Позднеева. Н. Н. Поппе (1897–1991) писал в своих «Воспоминаниях»: «когда я занимался каталогизацией этих материалов, мое внимание привлекла толстая рукопись, которая содержала восстановленный монгольский текст „Тайной истории монголов“. Знаменитый китаевед Палладий сделал транскрипцию монгольского текста <...> и добавил межстрочный русский перевод. Палладий отдал свою рукопись А. М. Позднееву для публикации, но А. М. Позднеев опубликовал

¹ Лыткин Георгий Степанович [электронный ресурс] // URL: <http://imena.nbrkomi.ru/person/id/73> (дата обращения: 10.12.2023 г.).

² Не только с калмыцкого языка, но некоторые документы — переводы с персидского и турецкого.

³ Это была его вторая жена. В 1881 г. он женился на дочери К. Ф. Голстунского Ольге Константиновне, с которой впоследствии он развелся.

⁴ В настоящее время — Институт восточных рукописей РАН.

только несколько отрывков и даже не упомянул тот факт, что Палладий передал ему полную рукопись» [Poppe 1982: 75–77]¹.

Н. Н. Поппе в своих «Воспоминаниях» утверждал, что А. М. Позднеев не всегда вел себя как порядочный ученый: присваивал чужие научные работы и даже пытался украсть серебряную статуэтку Будды у какого-то богатого калмыка [Poppe 1982: 76–77]². Несмотря на тот факт, что и сам Н. Н. Поппе являлся личностью далеко не самых высоких моральных качеств, рассказ о рукописи архимандрита Палладия соответствует действительности.

Среди материалов А. М. Позднеева, поступивших в Азиатский Музей, было много калмыцких рукописей (87 единиц хранения). А. Г. Сазыкин, который подготовил каталог этой коллекции, пишет, что значительное число ойратских рукописей, значащихся в коллекции А. М. Позднеева, в действительности было приобретено, судя по пометкам на них, Г. С. Лыткиным у калмыков Астраханской губернии в 1859–1861 гг. [Сазыкин 1988: 13]. Едва ли Г. С. Лыткин собирал калмыцкие рукописи для личной коллекции А. М. Позднеева, которому не было и 10 лет в ту пору, когда он жил среди калмыков. По-видимому, значительная часть материалов Г. С. Лыткина долгое время находилась в неупорядоченном виде. Инвентарные номера и печати на связке документов, ныне хранящихся под шифром Сalm С 23, были поставлены только в 1931 г. В результате калмыцкие рукописи, собранные Г. С. Лыткиным, попали не в университетскую библиотеку, а в личную коллекцию А. М. Позднеева. Можно только порадоваться, что они сохранились и доступны для изучения. Но до сих пор остается загадкой, почему Г. С. Лыткин столь легко расстался со своими записями и рукописями [Долеева 2023: 40–56].

8. Коллекция Степанова³

В том же 1863 г. в университетскую библиотеку также поступила небольшая коллекция калмыцких и монгольских рукописей, происхождение которых не ясно. В инвентарной книге эти рукописи обозначены так: «Реестр калмыцким рукописям, принадлежащим почетному гражданину Степанову» [НБ СПбГУ. Инв. книга 1892 г.]. Всего эта коллекция насчитывает 14 сочинений, из которых 12 — калмыцкие рукописи. Не удалось установить, кто был этот «почетный гражданин Степанов», хотя принадлежавшие ему рукописи имеют исключитель-

¹ Архимандрит Палладий (П. И. Кафаров) приобрел в Пекине рукопись «Сокровенного сказания» («Тайная история монголов», кит. Юань чао ми ши 元朝秘史). Текст на монгольском языке был затранскрибирован китайскими иероглифами и снабжен кратким китайским переводом. Палладий встретился с А. М. Позднеевым в Пекине в 1878 г. и передал ему как оригинал, так и свою транскрипцию. В том же году Палладий умер в Марселе на пути в Россию. А. М. Позднеев же передал рукопись «Сокровенного сказания» в библиотеку Петербургского университета в 1880 г., где она хранится в настоящее время (шифр Хул. 1264). Однако А. М. Позднеев ничего не сообщил о транскрипции Палладия, которую держал у себя и использовал в своих работах, посвященных «Сокровенному сказанию» [Poppe 1982: 75–77].

² Н. Н. Поппе пишет, что об этом случае ему рассказал ученик А. М. Позднеева академик С. А. Козин (1879–1956), который в течение трех лет нес службу в Калмыцкой степи в должности попечителя Яндыко-Мочажного, а затем Малодербетовского улуса [Лиджиева 2022: 36; Poppe 1982: 76–77].

³ Имя и отчество не известны.

ную ценность. Единственная монгольская рукопись — это параллельный текст «Субашида» на тибетском и монгольском языках, причем монгольский перевод является переводом XIV в. Соном Гары. Калмыцкие рукописи, главным образом, буддийского содержания. Среди них «Субашида», «Алмазная сутра», «Сутра о мудрости и глупости», «Джатака о царевиче Вишвантаре» и др. Есть и очень ценное и редкое изложение буддийского учения «Важная и полезная для чтения [книга]» (ойр. *Üzeqsēr tusatai čuxula kereqtü kemēkü*) [[НБ СПбГУ. Calm E 2](#)].

9. «Бумаги» Н. А. Лебедева

В Петербурге активно трудился переводчик Азиатского департамента МИД коллежский советник¹ Николай Алексеевич Лебедев. Он известен, главным образом, своим переводом на калмыцкий язык популярного медицинского сочинения «Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами» О. К. Каме-нецкого. Оно было напечатано в Петербурге типографским шрифтом в 1823 г. Но одной этой книгой издания переводов Н. А. Лебедева не исчерпываются.

Архив Н. А. Лебедева частично сохранился в библиотеке СПбГУ. Это большая стопка бумаг, содержащая, главным образом, тексты на русском и калмыцком языках. В ней содержатся черновые варианты переводов на калмыцкий язык текстов самого разнообразного содержания — христианских текстов, официальных документов, российских законов, медицинских инструкций и др. Назовем некоторые русские названия этих текстов: «Последние часы жизни императора Николая Первого», «Описание различных лекарств» (начато 12 августа 1848 г., окончено 25 августа 1848 г.; 68 л.), «О большом колоколе в Москве», «Положение о третейском суде», «Устав о векселях» и др. Медицинские тексты занимают значительное место среди этих бумаг. Имеются и бумаги личного содержания. Трафарет текста императорских пожалований достойным подданным за различные заслуги имеет такую приписку: «Сию грамоту перевел с русского на калмыцкий язык кол[лежский] сов[етник] Николай Алексеев Лебедев. Переписывала дочь его» [[НБ СПбГУ. Без шифра](#)]. Действительно, за строками на русском языке идут два столбца: один на красивом «ясном письме», другой на стандартном монгольском письме, написанный менее уверенно.

К сожалению, имя Н. А. Лебедева почти выпало из истории отечественного калмыковедения, неизвестны даже точные даты его жизни. Многочисленные параллельные тексты на русском и калмыцком языках, а также русские тексты с калмыцкими переводами отдельных слов и выражений являются ценными источниками для изучения лексики калмыцкого языка.

10. Разрозненные материалы

После того, как все ойраты вошли в состав империи Цин в середине XVIII в., ойратский язык на основе «ясного письма» стал одним из шести языков, употреблявшихся в официальном делопроизводстве. Остальные пять были: маньчжурский, китайский, монгольский, чагатайский и тибетский. В Пекине при Лифаньюане 理藩院 (Палата по делам зависимых территорий) было создано «Училище ясного [письма]» (монг. «*Todo surγayuli*»; кит. «Тотэсюе», 托忒學) [[Farquhar 1970: 127](#)].

В библиотеке СПбГУ хранится великолепный образец использования «яс-

¹Гражданский чин VI класса в Табели о рангах.

ного письма» в официальном делопроизводстве — указ императора Цяньлуна казахскому хану Абулаю (Мд. 250). Дата указа 1762 г.: «12-й день среднего месяца осени 27-го года правления императора Цяньлуна» (*tenggeri-yin tedküqsen-nü xorin doloduуar on namuriуin dundatu sarayin arban хойог*). Этим указом император определял, до какого предела простирались кочевья казахов после окончательного разгрома Джунгарского ханства. Указ написан на желтом («императорском») шелке на двух языках — маньчжурском и ойратском на «ясном письме». Ойратское название следующее: «*Tenggeriyin bosiq-iyar cāji ezeleqsen xuangdiуin zarliq: abulai-du buulуaba*» («Указ императора, правящего по мандату Неба. Дан Абулаю»). Текст помещен в орнаментальную рамку с изображениями пятипалых драконов [Uspensky 1999: № 950, 527].

В это же время был составлен и напечатан многотомный справочник географических названий «Западного края» на китайском, маньчжурском, чагатайском, ойратском, тибетском и монгольском языках (Мд. 70) [Uspensky 1999: № 258, 282]. Он имеет только китайское заглавие: «Высочайше утвержденный словарь названий Западного края» («Циндин сиюй тунвэнь чжи», 欽定西域同文志). Этот фундаментальный справочник давно привлекал внимание востоковедов. Университетский экземпляр привез из Пекина О. М. Ковалевский¹.

Университетская коллекция связана и с историей книгопечатания на калмыцком языке с применением европейского передвижного шрифта. Начало книгопечатания связано с деятельностью академика Я. И. Шмидта (1779–1847). Он родился в Амстердаме в семье коммерсанта, которая была разорена в результате наполеоновских войн. Братство гернгутеров (нем. *Herrnhuter Brüdergemeine*)² помогло Я. И. Шмидту переехать в Россию. В 1804–1806 гг. он жил в Сарепте по соседству с калмыцкими кочевьями и хорошо выучил калмыцкий язык.

В 1806 г. колония в Сарепте получила воззвание Британского библейского совета о распространении христианства среди калмыков и необходимости перевода книг Нового Завета на калмыцкий язык. Этим переводом и занялся Я. И. Шмидт, который уехал в Петербург для подготовки издания. В 1813 г. начало действовать Российское библейское общество, казначеем которого стал Я. И. Шмидт. В 1815 г. было напечатано Евангелие от Матфея на калмыцком языке. Изготовление шрифта было большой технической проблемой. Однако шрифт был изготовлен довольно быстро английским мастером Дж. Патерсоном и петербургским немцем-гравером Ф. Гассом. По отдельности печатали другие

¹ Еще одним образцом официального использования «ясного письма» являются хранящиеся в Государственном Эрмитаже две печати Илийского главнокомандующего, ставка которого находилась в городе Хуэйюаньчэн 惠寧城, на реке Или. Первая печать на маньчжурском, китайском и ойратском языках [ГЭ. Инв. № МР-412] датирована 1761 г. Ойратский текст гласит: «Печать главнокомандующего, управляющего делами Или и иных территорий» (ойр. *ili terigüüten yazariуin kerēgi šiyidkeqči sayidiуin tamaуa*). Вторая печать на маньчжурском, ойратском, чагатайском и китайском языках [ГЭ. Инв. № МР-413] датирована 1827 г. Ойратский текст выглядит несколько иначе, чем на первой печати: «Печать главнокомандующего, целиком управляющего Или и иными территориями» (ойр. *iliуin zergeуin yazari bügüderen zakiriqči zangzun-ni tamaуa*). Монгольское *sayid* ‘главнокомандующий; министр’ заменено на китайское *zangzun* (<將軍 цзянцзюнь) ‘главнокомандующий; генерал’.

² Известны также как «моравские» или «богемские» братья. Одна из протестантских сект.

Евангелия и Деяния апостолов. Вскоре был изготовлен также монголо-калмыцкий шрифт меньшего размера, и на нем был напечатан Новый Завет полностью в одной книге [Walravens 2015]. По-видимому, новозаветные книги были напечатаны на калмыцком языке большим тиражом, поскольку миссионеры стали сразу же стали распространять их среди калмыков [Uspensky 1999: № 955, 956, 957].

11. Заключение

В библиотеке СПбГУ хранятся самые разнообразные материалы, относящиеся к письменному наследию, истории и культуре ойратов, прежде всего калмыков. Значительную часть книг и рукописей на «ясном письме» составляют буддийские тексты, переведенные еще Зая-пандитой и являющиеся частью «общеойратского» наследия. С другой стороны, имеется много документов разного рода, относящихся к жизни калмыков в составе Российской империи до 60-х гг. XIX в. – от законодательных актов до писем и бумаг известных калмыцких деятелей. Их систематическое изучение находится на начальной стадии.

Источники

ГЭ — Государственный Эрмитаж.

НБ СПбГУ — Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Sources

St. Petersburg State University, Gorky Scientific Library.

The State Hermitage Museum.

Литература

Баянова 2023 — Баянова А. Т. «Его добросовестный труд должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии»: о «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 384–395. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-384-395

Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетск. тип., 1849. 410 с.

Веселовский 1879–1880 — Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. Т. 1. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1879–1880. С. 97–256.

Востриков 1962 — Востриков А. И. Тибетская историческая литература. М.: Вост. лит., 1962. 426 с.

Долеева 2023 — Долеева А. О. О «Каталоге книг рукописным, употребляемым правоверными ойратами» Г. С. Лыткина // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 40–56. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-40-56

Лиджиева 2022 — Лиджиева И. В. Попечительский корпус Калмыцкой степи второй половины XIX — начала XX в. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 30–40.

Монголо-ойратские законы... 1880 — Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / калм. текст с рус. пер. и примеч. К. Ф. Голстунского. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 144 с.

Попов 1839 — Попов А. В. Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. XXII. Отдел II. С. 17–46.

- Попов 1847 — *Попов А. В.* Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университетск. тип., 1847. 392 с.
- Попов 1849 — *Попов А. В.* Ответ на рецензию г. профессора Ковалевского, написанную им, по поручению Императорской Академии наук, на Грамматику калмыцкого языка профессора Попова // Журнал Министерства народного просвещения. 1849. Ч. 67. Отд. 6. С. 1–19.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 508 с.
- Успенский 2001 — *Успенский В. Л.* Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского // *Mongolica-V*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 18–20.
- Успенский 2003 — *Успенский В. Л.* Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева // *Mongolica-VI* / посвящ. 150-летию со дня рождения А. М. Позднеева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 19–23.
- Успенский 2007 — *Успенский В. Л.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. В. Попова // *Mongolica-VII*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С. 83–86.
- Успенский, Яхонтова 2021 — *Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // *Тибетология в Санкт-Петербурге: сб. ст. Вып. 2*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 267–292.
- Farquhar 1970 — *Farquhar D. M.* Some Technical Terms in Chi'ing Dynasty Chinese Documents Relating to the Mongols // *Mongolian Studies* / ed. by L. Ligeti. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. P. 119–127.
- Poppe 1982 — *Poppe N. N.* Reminiscences / ed. by H. G. Schwarz. Bellingham: Western Washington University, 1982. 331 p.
- Uspensky 1999 — *Uspensky V.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p.
- Walravens 2015 — *Walravens H.* The St. Petersburg Mongolian Type // *Rocznik orientalistyczny*. 2015. Vol. 68. No. 2. Pp. 213–224.

References

- Bayanova A. T. 'His Dedicated Work Be a Precious Gift to Oriental Linguistics': Revisiting the Grammar of Kalmyk Mongolian by Aleksey A. Bobrovnikov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023. Vol. 15. No. 3. Pp. 384–395. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-384-395
- Bobrovnikov A. A. Grammar of Mongolian-Kalmyk. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 410 p. (In Russ.)
- Doleeva A. O. Revisiting G. S. Lytkin's *Catalogue of Manuscripts Used by Faithful Oirats*. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 40–56. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-40-56
- Farquhar D. M. Some Technical Terms in Chi'ing Dynasty Chinese Documents Relating to the Mongols. In: *Mongolian Studies* / ed. by L. Ligeti. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. Pp. 119–127. (In Eng.)
- Lidzhieva I. V. The Trustee Corps of the Kalmyk Steppe of the Second Half of the 19th century – beginning of 20th century (based on the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2022. No. 77. Pp. 30–40. (In Russ.)
- Popov A. V. Brief Remarks about the Volga Kalmyks. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1839. Part XXII. Division II. Pp. 17–46. (In Russ.)
- Popov A. V. Grammar of Kalmyk. Kazan: Imperial Kazan University, 1847. 392 p. (In Russ.)

- Popov A. V. Response to the Review by Prof. Kovalevsky Composed on Behalf of the Imperial Academy of Sciences, on the Grammar of Kalmyk by Prof. Popov. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1849. Part 67. Dept. 6. Pp. 1–19. (In Russ.)
- Poppe N. N. Reminiscences / ed. by H. G. Schwarz. Bellingham: Western Washington University, 1982. 331 p. (In Eng.)
- Sazykin A. G. Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Vol. I. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. 508 p. (In Russ.)
- The 1640 Oirat-Mongolian Code Supplemented with Decrees of Galdan Khongtayiji and Laws for the Volga Kalmyks Compiled in the Reign of the Kalmyk Khan Donduk Dashi]. K. F. Golstunsky (text, transl., etc.). St. Petersburg: Imper. Acad. Sc., 1880. 144 p. (In Russ.)
- Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p. (In Eng.)
- Uspensky V. L. Mongolian Manuscripts and Woodcuts Received by St. Petersburg University from A. V. Popov. *Mongolica-VII*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2007. Pp. 83–86. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Mongolian, Oirat and Tibetan Manuscripts and Woodcuts Received by St. Petersburg University from A. M. Pozdnev. *Mongolica-VI* / dedicated to 150th anniversary of A. M. Pozdnev. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2003. Pp. 19–23. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Oirat Manuscripts Received by St. Petersburg University from K. F. Golstunsky. *Mongolica-V*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2001. Pp. 18–20. (In Russ.)
- Uspensky V. L., Yakhontova N. S. Eighteenth-Century Letters of Kalmyk Chieftains Kept at the Saint Petersburg University Library // *Tibetology in St. Petersburg: Collected papers*. Issue 2. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021. Pp. 267–292. (In Russ.)
- Veselovsky N. I. Official Data on Teaching of Oriental Languages in Russia. In: *Proceedings of the Third International Congress of Orientalists in St. Petersburg*. Vol. 1. St. Petersburg: Publ. House by Panteleev brothers, 1879–1880. Pp. 97–256. (In Russ.)
- Vostrikov A. I. Tibetan Historical Literature. M.: Vost. lit., 1962. 426 p. (In Russ.)
- Walravens H. The St. Petersburg Mongolian Type. *Rocznik orientalistyczny*. 2015. Vol. 68. No. 2. Pp. 213–224. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 1, pp. 142–152, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-142-152

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 294.321+930.253+821.51

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-142-152

Об ойратских текстах из рукописного сборника БМ-574 из коллекции П. Б. Балданжапова

Деяши Николаевна Музраева¹, Цымжигит Пурбуевна Ванчикова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Музраева Д. Н., Ванчикова Ц. П., 2024

Аннотация. *Введение.* В коллекции ойратских рукописей известного бурятского ученого П. Б. Балданжапова представлены образцы ойратских текстов, собранных им во время экспедиций в Монголию в 1960–1970-х гг. Среди этих текстов, наряду с гимнами, восхвалениями божеств буддийского пантеона, сутрами, гадательными книгами, описаниями обрядов воскурений, представлены тексты дхарани (тарни) и тексты против злословия. *Цель статьи* — представить описание рукописного сборника БМ 574 на ойратском языке из коллекции П. Б. Балданжапова, хранящейся в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. *Материалы.* Рассматриваемый сборник включает два текста: «Xutuqtu biligiγ in cāna kürüqsen tabün yoümiγ in xürängüγiγ in züreen kemēkü» («Святая [дхарани], именуемая „Сердце (сущность) собрания пяти матерей, достигших запредельной мудрости“») и «Xutuqtu xara ama kele amurlüülün üyiledüqçi kemēkü yeke külgüni sudur» («Святая сутра махаяны, именуемая „Умиротворяющая злословие“»). *Результаты.* На основе анализа текстов рассматриваемого сборника, их транслитерации и перевода на русский язык в сравнении с рядом опубликованных текстов, сходных по тематике, сделан вывод о том, что данные тексты являются свидетельством бытования буддийской традиции среди монгольских народов, позволяют составить представление о тематическом разнообразии текстов, имевших хождение в среде верующих. Рассмотренные тексты проливают свет на обрядовую сторону буддийской практики, направленной

на устранение разного рода бедствий, негативных явлений в повседневной жизни верующих.

Ключевые слова: буддизм, коллекция П. Б. Балданжапова, письменные памятники, «тодо бичиг» («ясное письмо»), дхарани, сутра, тексты против злословия, «Хара келе», перевод

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Корпус старокалмыцких текстов на „ясном письме“ на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия» (№ 22-78-10152, <https://rscf.ru/project/22-78-10152/>).

Для цитирования: Музраева Д. Н., Ванчикова Ц. П. Об ойратских текстах из рукописного сборника БМ-574 из коллекции П. Б. Балданжапова // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 142–152. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-142–152

About Oirat Texts from the Handwritten Collection BM-574 from the Collection of P. B. Baldanzhapov

Deliash N. Muzraeva¹, Tsymzhit P. Vanchikova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-8619-9369. E-mail: [deliash\[at\]mail.ru](mailto:deliash[at]mail.ru)

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (8A, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Chief Research Associate
 [0000-0002-1381-6186](https://orcid.org/0000-0002-1381-6186). E-mail: [vanchikova.ts\[at\]gmail.com](mailto:vanchikova.ts[at]gmail.com)

© KalmSC RAS, 2024

© Muzraeva D. N., Vanchikova Ts. P., 2024

Abstract. Introduction. The collection of Oirat manuscripts by the famous Buryat scientist P. B. Baldanzhapov presents samples of Oirat texts collected by him during expeditions to Mongolia in the 1960s–1970s. Among these texts, along with hymns, praises of the deities of the Buddhist pantheon, sutras, fortune-telling books, descriptions of incense rituals, dharani texts (tarni) and texts against slander are presented. The *purpose* of the article is to present a description of the handwritten collection BM 574 in the Oirat language from the collection of P. B. Baldanzhapov, stored in the collections of the Central Historical Research Center of the IMBT SB RAS. *Materials.* The collection in question includes two texts: Xutuqtu biligiγ in cāna kürüqsen tabūn yoūmiγ in xürāngγüγ in züreken kemēkü (“Holy [dharani], called ‘The Heart (Essence) of the Assembly of Five Mothers Who Have Achieved Transcendent Wisdom’”) and Xutuqtu xara ama kele amurli ülün üyiledüqçi kemēkü yeke külgüni sudur (“The Holy Mahayana Sutra, called ‘Pacifying Slander’”). *Results.* Based on the analysis of the texts of the collection under consideration, their transliteration and translation into Russian in comparison with a number of published texts similar in topic, it was concluded that these texts are evidence of the existence of the Buddhist tradition among the Mongolian peoples, allowing one to get an idea of the thematic diversity of texts that have been circulating among believers. The texts considered shed light on the ritual side of Buddhist practice, aimed at eliminating various types of disasters and negative phenomena in the daily life of believers.

Keywords: Buddhism, collection of P. B. Baldanzhapov, written monuments, “todo bičiq” (“Clear Script”), dharani, sutra, texts against slander, “Hara Kele”, translation

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-78-10152 ‘Corpus of Old Kalmyk Clear Script Texts on the Lingvodoc Linguistic Platform: New Approaches to the Digitization of Written Heritage’. Available at: <https://rscf.ru/project/22-78-10152/>.

For citation: Muzraeva D. N., Vanchikova Ts. P. About Oirat Texts from the Handwritten Collection BM-574 from the Collection of P. B. Baldanzhapov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16 (1): 142–152. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-142-152

1. Введение

Буддийские памятники, сохранившиеся у российских народов, традиционно исповедующих буддизм (калмыков, бурят и тувинцев), представляют большой научный интерес как с точки зрения составления представления о сочинениях, пользовавшихся популярностью среди верующих, так и в плане изучения, реконструкции малоизвестных страниц истории распространения буддизма среди этих народов. История комплектования коллекций буддийских письменных источников российских востоковедческих центров (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Калмыцкий научный центр РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Национальный музей Республики Тыва и др.) представляет большой интерес как в широком плане, так и в связи с тем, что определенная часть материалов, собранная во время экспедиций по Монголии, позволяет установить круг текстов, имевших хождение среди родственных монгольских народов, проживающих в пределах разных государств, а также проводить сравнительно-сопоставительные исследования их состава и содержания, выявить сходство и отличия. Такие образцы текстов представлены и в личном архиве известного востоковеда П. Б. Балданжапова (1921–1991). В настоящее время архив учебного хранится в Центре восточных рукописей и киелографов (далее — ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ИМБТ СО РАН).

2. Рукопись БМ 574 из коллекции П. Б. Балданжапова

В коллекции монгольских рукописей и киелографов П. Б. Балданжапова (шифр — БМ), придававшего особое значение сбору и выявлению письменных памятников, представлены образцы ойратских текстов, собранные им в ходе поездок в Монголию в 1960–1970-х гг. [Аюшеева 2021]. Среди этих текстов, наряду с гимнами, восхвалениями божеств буддийского пантеона, дхарани (тарни), сутрами, гадательными книгами, представлены тексты, относящиеся к обряду воскресения.

Целью данной статьи является описание рукописи под шифром БМ 574 из коллекции бурятского ученого, а также ее перевод. Предварительное знакомство с текстом рукописи показало, что она по сути является сборником, включающим два сочинения: 1) «Xutuqtu biligiin cāna kürüqsen tabūn yoūmiyin xūrāngyūyin zūreken kemēkü» («Святая [дхарани], именуемая „Сердце (сущность) собрания пяти матерей, достигших запредельной мудрости“») и 2) «Xutuqtu хара ама ке ле амурлиүлүн үйиледүгчи кемēkü yeke күлгүни судур» («Святая сутра махаяны, именуемая „Умиротворяющая злословие“») [БМ 574]. Первое сочинение относится к разряду дхарани (тарни), а второе имеет отношение к обряду, направленному против злословия, хорошо известному и практиковавшемуся в среде монгольских

народов. Более подробное знакомство с обоими текстами (ниже представлены их транслитерация и русский перевод) позволит объяснить причину такой подборки в одном сборнике.

В транслитерации цифры в круглых скобках указывают на номер строки, в круглых скобках приводятся варианты написания (транслитерирования) слов. В квадратных скобках со знаком равенства даны варианты более правильного написания слов, принятые в классическом «тодо бичиг» («ясном письме»). В квадратных скобках также показаны восстановленные графемы и знаки пунктуации. Одна косая черта ставится в месте переноса части слова с одной строки на другую, две косые черты ставятся на границе листов. В фигурные скобки заключены пропущенные фрагменты текста.

В переводе в круглых скобках приводятся эквиваленты перевода, в квадратных — дополнительно вводимые слова, поясняющие перевод.

3. 1-й текст. «Xutuqtu biligiyn cāna kürüqsen tabün yoümiyin xürāngyüin züreken kemëkü»

№ лл, строк	Транслитерация	Перевод
[1a:1–5]	enedkegiyin kelen-dü: ārya pañca pa ra mi dha lurya (2) pañca: na ma ārya dha ya dhā ra ni::	На санскрите ¹ : «Арья панча парамита дха лурья панча нама арья дхая дхарани».
	töbüdiyin (3) kelen-dü: xutuqtu biligiyn cāna kürüqsen tabün yoümiyin (4) xürāngyüin züreken kemëkü:	На тибетском языке: «[Дхарани] „Сердце (сущность) собрания пяти матерей, достигших запредельной мудрости”».
	ilayün tögüsün üleqsen bili/giyin cāna kürüqsen-dü mürgümüi:	Поклоняюсь Победоносно прошедшему (Бхагавану), достигшему запредельной мудрости.
[1a:5–2a:1]	om muni dharma sam // gi pryā ni pari či dharma sam mandha namo ba ra ra bidani (2) ye sō [=so] hā: om manhā pañca semri dhi bhya ša ča ye (3) sō hā: om da ra dha ra ni pañca pa ra mi da ye (4) sō hā: om na ma sa man dha birya so ha: om muni (5) muni ye so ha: om para para dhi dharma bima li ye // so hā:	Ом муні дхарма сам ги приа ни пари чи дхарма сам мандха намo ба ра ра бидани йе со ха. Ом манха панча семри дхи бхья ша ча йе со ха. Ом да ра дха ра ни панча па ра ми да йе со ха. Ом на ма са ман дха бирья со ха. Ом муні муні йе со ха. Ом пара пара дхи дхарма бима ли йе со ха.

¹ Здесь букв. «на языке Индии».

[2a:5– 2b:1]	ene sudur nigente ungšixulā dēdū nom (2) tebčiqsen kigēd: dayini daruqsani alaqsan ba: dgeslong/gi alaqsan kigēd: tōgū[n]čilen boluqsani beye- ēce cusu (4) γaγaqsan ba: očir baqši ečige ekeyigi moūdxād (5) nūūl keqsen ba: xudal öqšöün üyiledkü kigēd // sayin zarligiγin nom xudaldun ideqsen ba: süzüqteni (2) ed bulaqsan kigēd andayār keqsen ba: küseliγin būruū (3) üyile üyiledüqsen-noγoūd: mingyan burxani ömönö ese (4) namančilan ese ariluqsani ene suduri nigen-te ungšixulā (5) tede бүгүдe arilxū boluyu:.	Если эту сутру прочитать один раз, то [от того, что] отвергал возвышенное Учение, лишил жизни архата («подавившего врагов»), лишил жизни гелона (буддийского монаха), пустил кровь из тела Татхагаты, совершил грех, порицая ваджрного (несокрушимого) учителя и родителей, произносил ложь наперекор [всем] ¹ , а также продал праведное Учение и [вырученное] спустил ² , отнял вещи (имущество) верующих, но клянешься [в обратном], а также в силу желаний совершил несправедливые поступки, не возносил молитвы перед тысячью будд, не очистился, — если эту сутру прочитать один раз, то все они очистятся.
[2b:5– 3a:5]	suduriγin ayimaq öüni zayān/-noγoūd zoün jeva arbidxū boluyu:	Предопределения этого собрания сутры приумножатся в миллиард раз.
	süzüqlen bičikü/lē mingyan arbidxū boluyu: altan-yēr bičikülē gbum (=’bum) arbi/jixu:.	Если с верой записать, то приумножатся в тысячу раз. Если записать (переписать) золотом, то приумножатся в сто тысяч раз.
	joü Adiša arban xoyor jil boltolo sayin zarligiγin arban (4) xoyor gešöün-dü üjeji ese olöd xoyono olöd dotö-du (5) tuqdamdü zoköqson bui:.	Джоу (Джово) Атиша, пока не минуло двенадцать лет, созерцая (медитируя) ³ на двенадцати [составляющих] элементах (компонентах) благих наставлений, не мог обрести, но после обрел ⁴ [истину] и сочинил для внутренней медитации.
	yümiγin suduriγin ači tögüsbei:. ::	Завершилась заслуга сутры матерей.

Содержание представленного текста позволяет отметить, что это, скорее всего, краткий вариант (сжатый пересказ) текста из разряда хридая-дхарани, имеющий отношение к циклу текстов под названием «Панчаракша» (от санскр. pañcarakṣā ‘Пять защитниц (покровительниц)’). Сходные тексты на ойратском и монгольском языках представлены в ряде каталогов монгольских книг [Сазыкин 2001: 208, № 3305, 3306 (2); Сазыкин 2003: 34, № 4180].

Анализ титулов сочинений сходной тематики позволяет предположить, что данный текст является кратким выборочным изложением не одного, а двух сочинений — дхарани и сутры (в соответствии с тем, как в данной рукописи представляется жанровая принадлежность сочинения: в начале текста — дхарани, в конце текста — сутра, хотя мы допускаем, что данный текст относится к разряду сочинений, определяемых термином «хридая-сутра» (от санскр. hrdaya-sūtra).

¹ Здесь букв. ‘когда идут вверх по течению’.

² Букв. ‘проел’.

³ Букв. ‘видя, лицезрея’.

⁴ Букв. ‘нашел’.

Особого внимания заслуживают сведения об авторе-составителе данного сочинения — Джово Атише, знаменитом индийском проповеднике XI в.

4. 2-й текст. «Xutuqtu xara ama kele amurliülün üyiledüqçi kemëkü yeke külgüni sudur»

Второй текст представляет собой не меньший интерес. По содержанию это сочинение является переводом тибетской сутры, широко известной по сокращенному титулу «Камчу нагпо» (от крат. тиб. kham chu nag po). Известны также другие ее более пространные названия: «'phags pa kham chu nag po zhi bar byed ba'i zhes bya ba'i bzhugs so» или «'phags pa kham chu nag po zhi bar byed ba zhes bya ba theg pa chen po'i mdo bzhugs so» («Сутра махаяны, именуемая „Святая, умиротворяющая [воздействие] черного языка (т. е. злословия)“»). Эта сутра призвана устранять негативные последствия от злословия.

№ лл.	Транслитерация	Перевод
[1] Тит. л.	grags-pa' kamčü naq po zhes bya va bzhugs so:: ::	«Святая [сутра,] ² именуемая „Камчу нагпо“».
[2]	enedkegiyin kelen-dü: ārya gdugmi dam pa ye dra (2) na ma mahā ya na sūdra[:]	На санскрите: «Арья дугми дам па йе дра на ма маха яна сутра».
	töbödiyin kelen-dü: grags pa (3) kamčü naq po zhi var byed pa zhes bya va teq pa čen poi mdo:	На тибетском языке: «Паг па камчу нагпо жи вар бйед па жес бйа ва тег па чен пои мдо».
	(4) mongyoliyin kelen-dü: xutuqtu xara ama kele amurliülün üyile/ dūqçi kemëkü yeke külgüni sudur:	На монгольском языке: «Сутра махаяны, именуемая „Святая, умиротворяющая (успокаивающая) [воздействие] черного языка (т. е. злословия)“».
[2–3]	xamuq burxan bodhi sadv// -nar-tu mürgümüi:	Поклоняюсь всем буддам и бодхисаттвам.
	eyin kemën mini sonosuqsan nigen caq-tu ilayün (2) tögüsün üleqsen Kosala oron-du olon nöküdtü nom üzüül/bei:	Так, как однажды мною было услышано, Победоносно прошедший (Бхагван) в стране Косала давал наставления в Учении множеству сподвижников.
	tere caq-tu geriyein ezen Üzesküleng- tū kemëkü nöküdtü tede (4) iren: soüri- eçe bosči: ilayün tögüsüqsen-dü eyin kemën (5) ayiladxabai:	В то время явился домохозяин по имени Удзэскюленту ('Красивый') [и его] помощники; встав с места, [он] обратился к Бхагавану с такими словами:

¹ grags-pa — так передано на «тодо бичиг», тиб. 'phags-pa 'святий'.

² В титуле сочинения на ойратском языке не указывается его жанровая принадлежность, лишь упоминается его краткое тибетское название «Камчу-нагпо». Поскольку далее приводится санскритское название сочинения, где дается четкое указание на то, что это сутра, мы сочли возможным здесь, в русском переводе титула сочинения, обозначить его принадлежность к разряду сутр, но в квадратных скобках как восстановленное.

[3–4]	aya ilayün tögüsüqsen ene oron-du xüraqsan // bidan-du xāni zasagiyn ayoül kigēd busu oroni kümüni teme/cel olonki törölkitön gür [=uür] yobtaxui [=yubtuxu] kigēd ceriq teri/ güüten dayisun-noyoüdiyin ebderel temeceküin ayoül olon (4) amui:	— О, Бхагаван, для нас, собравшихся в этой стране, существует множество опасностей, таких как опасность [от] царского закона, а также [от] противостояния с людьми из других стран (мест), [от] гнева [и] наветов большинства живых существ, а также опасность от разрушений и противостояния (борьбы) с врагами во главе с войском.
	ilayün tögüsüqsen xamuq ayoül-ēce sakın soyirxo::	Бхагаван, соблюдаючи защитить от всех опасностей!
	ilayün (5) tögüsüqsen xamuq ayoül-ēce ibēn soyirxo::	Бхагаван, соблюдаючи оказать покровительство от всех опасностей!
[4–5]	ilayün tögüsüq/-sen zarliq bolboi:	Бхагаван изрек:
	geriyin ezen či ama keleni ayoül-ēce bui [=bu] (2) ayoü:	— Домовладелец, ты не бойся опасностей, которые исходят от деяний речи ¹ .
	xara ama kele amurlüülün üyiledüqçi kemēkü sudur bui: (3) bi töüni čimadu sayitur nomlon üyiledsü:	Существует «Сутра, умиротворяющая [воздействие] злословия ² ». Я постараюсь наилучшим образом преподать ее тебе.
	dēdū yurban erde/ni-dü mürgümüi:	Поклоняюсь Трем высшим драгоценностям.
	ilayün tögüsüqsen tabun izoür-tu burxan-du (5) mürgümüi:	Поклоняюсь буддам пяти семейств ³ .
[5–6]	om na mo bhayavade arahade samyaq sam buddha ya[:] // dadya tā: om muni muni mahā muni rakša[:] sarva pušda da ma (2) ma sarva rakša rakša sva hā: om ka du rakša: om ama kele (3) ecül dra rakša: om niva ra sa na rakša: ha ra ha ra (4) {rakša rakša sva ha:} ⁴	Ом намо бхагаваде архаве самъяксам буддая. Дадья та. Ом муні муні маха муні ракша. Сарва пушда да ма ма сарва ракша ракша сваха. Ом каду ракша. Ом ама келе эцүл дра ракша. Ом нивара сана ракша. хара хара {ракша ракша сваха.}
	geriyin ezen Üzeskülengthü či öüni barin üyiled ungšin (5) üyiled:	Домовладелец Удзэскуленту, ты эту [сутру] практикуй, начитывай.

¹ Согласно буддийской этике, среди десяти неблагоприятных поступков, наряду с недобродетелями, относящимися к действиям тела (лишение жизни живого существа, воровство, прелюбодеяние), к действиям ума или сознания (зависть, злоба, еретические воззрения), различают четыре деяния речи: ложь, злословие, грубость и пустословие.

² Букв. «негативного воздействия „черного“ языка и рта».

³ Здесь речь идет о пяти буддах (Дхьяни-Буддах или Дхьяни-Татхагатах), символизирующих в тибетском буддизме пять аспектов Высшей Мудрости изначального Будды — Адибудды. К пяти Буддам относятся Будды Вайрочана, Акшобхья, Ратна-самбхава, Ами табха, Амогхасиддхи.

⁴ Данный фрагмент вписан между строк, при этом пунктиром показано место пропуска.

[6–7]	xāni zasaq kigēd temecel keröül öür yubtuγui // terigüüten: buruü esergüceqçi xamuq urbaxü boluyu:	[И тогда] все опасности, такие как царский закон, борьба (противостояние), споры (ссоры), гнев (злоба), наветы устранятся.
	undüsün (2) tarni öüni ögüülen üyiled:	Эту коренную (сущностную) тарни повторяй вслух:
	dadya tā: om pazar pāni ma. (3) ma rakša: om jo: urba ama kele ma ra ya tusala: sa (4) ma ya du: xada. hūm hūm pad pad sva hā:	Дадья та. Ом pazar пани ма ма ракша. Ом джо урба ама келе марая тусала; са мая ду хада хум хум пад пад сваха.
[7–8]	bida nöküd (5) selte-dü dēreki šumnus küdölüqsen: doroki γai boluqsan // zabsariyin albin kilinleqsan ečige öböküyin akād čidküir (2) dayisun kigēd dayin: uruq saduni xariü toqtoqsan kigēd (3) moü jiliyin γai: moü sarayin γai {kigēd} moü xonogiyin γai: olo (4) zokilduxüyi xor-tu {šiltān} kigēd ölzöi ügei:	Для всех нас с [нашим] окружением, [в случае,] когда верхний злой дух придет в движение (проявит активность), когда разгневается злой дух промежуточной сферы, странный злой дух отца и предков (по отцу), враги и война, когда сложилось, то, что [должен] вернуть родственникам, а также несчастье неблагоприятного года, несчастье неблагоприятного месяца, {а также} несчастье неблагоприятного дня, вредные причины, во множестве допускаемые, а также отсутствие счастья,
[8–9]	törölkitöni (5) temecel kigēd: xāni zasaq öür γobtuxüi kigēd ama keleni // temecel moü sedkil-ten kigēd moü sedkiltēni nöküir xamuq moü (2) zöüdü ni urbulun üyiled:	состязание (противостояние) живых существ, а также царский закон, злоба [и] наветы, а также состязание в злословии ¹ , обладающие плохими мыслями и все друзья обладающих плохими мыслями, плохие сны пусть устранятся!
[9]	öštü dayisun-noγoüdi nomo/γodxon soyirxo: ama kele kigēd buruü tusxal nükeni bulaši (4) kigēd kijiγ ebečin moü iro kigēd ülü zokilduxüi xamuq (5) moü bügüde amurlin šanding gürü ye sva hā:	Соблаговоли усмирить мстительных врагов. Речи, а также неправильное нанесение удара, могильная яма, а также заразные болезни, плохие предзнаменования и противоречия — пусть все плохое умиротворится, шандинг гуру йе сваха.
[9–10]	izoürtani küböün // xara ama kele amurliülun üyiledüqçi toqtöl öüni: tögün/čilen boluqsan-noγoüd čü adistidlebei: bi čü sayitur nomlon (3) üyiledbei:	Сын благого рода, эту тарни, заставляющую умиротворить (усмирить) злословие, Татхагаты тоже благословили. Да и я преподавал наилучшим образом.
[10–11]	öüni sayitur toqtoji ürgüljide ungšin üyiled: xamuq ayoül arilxü boluyu: ama kele kigēd moü xamuq (5) urbaxü boluyu: ada ebečin kigēd bhüdi ² jiliyin γai bügüde // amurlixü boluyu:.	Ее хорошенько запомни и постоянно начитывай. Все опасности устранятся. Злословие, а также все плохое обратится вспять. Злые духи, болезни, а также несчастья благоприятного года, — все [это] умиротворится.

¹ Букв. ‘в речах’.

² bhüdi — это, скорее всего, производное от санскр. bhūti, одно из значений которого «успех, счастье» [Кочергина 1987: 483]. Здесь речь идет о счастливом, благоприятном

[11–12]	bodhi-sadv mañjušri soñri-ēce bos/či ilayün tögüsüsqsen-dü eyin kemēn ayiladxabai: ilayün tögüsüsqsen nomiyin züyl öüni nere yoün bui: basa moü iro бүгүдeйиги urbuülün üyiledüqçi toqtöl (2) tarni kemēn // barin üyiled::	Бодхисаттва Манджушри, встав с места, обратился к Бхагавану с такими словами: — О, Бхагаван, каково название этой разновидности учения? Также именуется «Тарни, устраняющая все плохие приметы (признаки)», прими и практикуй.
	tende mañjušri ayiladxabai: sayin sayin ila/γün tögüsüsqsen gün suduriyin ayimaq öüni bariqçi kigēd ungši/ji tere kümüni bi sakın üyiledümüi: ibēn nuün üyiledümüi: (5) ogüülekküi caqtu üge čidan üyiledümüi:	Затем¹ Манджушри произнес: «Хорошо, хорошо, того человека, который придерживается собрания глубокомысленной сутры, преисполненной победы, а также начитывающего [ее], я буду охранять, буду тайно покровительствовать [ему]. В момент, когда будет произносить, смогу исполнить слова (сказанное словами)».
[12–13]	ilayün tögüsüsqsен // zarliq bolboi: ali busud-luyā ebderen temeceküi caq-tu ene sudu/ri dolōn tö ungši/ji xutuq-tu mañjušri-yin sedkil-dü sedkin (3) odxūla činaduyin temecel kigēd moü osol бүгүдeй daruxu (4) öbörüyin üge zokistoi bolxū: ogüüleqseni biširekü boluyu:	Бхагаван изрек: В то время, когда будешь спорить, состязаться с кем-то еще, если прочитаешь эту сутру семь раз, будешь держать в уме Манджушри, подавишь все споры (противостояния), а также неблагоприятную небрежность (нерадение), сделаешь его собственные слова подходящими, заставишь уверовать в сказанное, —
[13–14]	(5) ilayün tögüsüsqsен eyin kemēn zarliq boluqsan-du: geriyyin ezen // üzesküleng-tü kemēkü nökküd bayasulcaji ilayün tögüsen (2) ülüqseni zarligi maqtabai::	когда Бхагван произнес это, домовладелец по имени Удзэскюленту и сподвижники возрадовались и стали возносить хвалу словам Бхагавана.
	xutuq-tu xara ama kele amurlüi/lün üyiledüqçi kemēkü sudur döisbai:: : : :	Завершилась Сутра, именуемая «Умиротворяющая „черный“ язык».

В представленном выше ойратском тексте мы наблюдаем некоторый отход от тибетского текста, который присутствует в тех его фрагментах, где приводятся тарни (мантры, «заклинания»). Оба текста, включенных в один сборник, отражают стремление и того, кто их воспроизводил, и того, кто ими владел, устранить негативные воздействия, исходящие извне, и в то же время уменьшить негативное следствие своих собственных ошибочных действий, которые иногда случаются, достичь позитивных результатов религиозной практики.

5. Выводы

Проведенный анализ текстов из состава рукописного сборника из коллекции П. Б. Балданжапова (шифр БМ 574) наглядно демонстрирует, как важны были для верующих обряды, направленные на устранение негативных последствий

годе.

¹ Здесь букв. 'там'.

неправедных и ошибочно исполненных действий, имевшие место в жизни верующих. Для исполнения подобных обрядов, а также для рецитации буддийскими священнослужителями использовались именно такого рода тексты как рассмотренные выше. Первый текст направлен на устранение последствий от недобродетельных поступков, второй — устраняет последствия от злословия. Сопоставление второго образца текста с текстами, популярными среди калмыцких верующих, образцы которых сохранились и в настоящее время представлены в частных и государственных коллекциях Калмыкии, позволяет отметить характерные отличия: в калмыцких коллекциях встречаются большей частью тексты описания обряда «хар келе утулган» («отрезание „черного“ языка») [Очиров 2002: 35–36; Бакаева 1994: 113; Басангова 2008: 62–68; Музраева 2018: 73–76; Музраева 2021: 64–67], ойратские переводы сутры против злословия, в отличие от тибетских вариантов, практически не встречаются.

Примечательно, что тексты из рукописного сборника на «тодо бичиг», представленного в коллекции П. Б. Балданжапова, являются образцами текстов, имевших хождение среди верующих Монголии. Большая заслуга бурятского исследователя, сумевшего не только познакомиться с живой буддийской традицией Монголии, но и собрать и сохранить бесценные образцы текстов. Данные тексты проливают свет на обрядовую сторону буддийской практики, направленной на устранение разного рода бедствий, негативных явлений, с которыми встречались в своей повседневной жизни буддисты. Описанные материалы позволяют исследователям проводить сопоставительный анализ состава религиозных текстов, имевших хождение и сохранившихся у калмыков, с текстами, известными верующим Монголии.

Источники

БМ 574 — Xutuqtu biligiin cāna kürüqsen tabūn yoūmiyin xūrāngyūyin zūreken kemēkü («Сущность сборника дхарани»). Рукописный сборник на «тодо бичиг» («ясном письме»). Коллекция П. Б. Балданжапова. 6,8x15,5 см. 10 л.

Sources

БМ 574 — Xutuqtu biligiin cāna kürüqsen tabūn yoūmiyin xūrāngyūyin zūreken kemēkü («Suschnost sbornika dharani»). Manuscript in “todo bičiq” (“Clear Script”). Collection of P. B. Baldanjavov. 6.8x15.5 cm. 10 fol. (In Oirat).

Литература

- Аюшеева 2021 — Аюшеева М. В. Экспедиционная деятельность П. Б. Балданжапова // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 661–671. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-661-671
- Бакаева 1994 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Басангова 2008 — Басангова Т. Г. К вопросу о бытовании у калмыков ритуальных текстов «Отрезание черного языка» // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: Памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 61–74.
- Кочергина 1987 — Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь / под ред. В. И. Калыанова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1987. 944 с.
- Музраева 2018 — Музраева Д. Н. Текст «Хара келе» из коллекции О. М. Дорджиева // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 2. С. 71–85. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85
- Музраева 2021 — Музраева Д. Н. О тексте против злословия из Научного архива КалмИЦ РАН (по материалам поступлений от Э. Б. Убушиева) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 62–71. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-62-71
- Очиров 2002 — Очиров Н. Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд «хара келе

утулган» у калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 33–36.

Сазыкин 2001 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. II. М.: Вост. лит., 2001. 415 с.

Сазыкин 2003 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. III. М.: Вост. лит., 2003. 280 с.

References

Ayusheeva M. V. Fieldwork Endeavors of Purbo B. Baldanzhapov. *Mongolian studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 661–671. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-661-671

Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia. Historical-Ethnographic Essays. Elista: Kalm. Publishing House, 1994. 128 p. (In Russ.).

Basangova T. G. On the Question of the Existence of Kalmyk Ritual Texts “Cutting off the Black Tongue”. Buddhist Tradition in Kalmykia in the 20th Century: in Memory of O. M. Dordzhiev (Tugmyud-Gavdzhi). 1887–1980. Elista: KIGI RAN Publ. House, 2008. Pp. 61–74. (In Russ.).

Kochergina V. A. Sanskrit-Russian Dictionary. Moscow: Rus. spring Publ. House. 1987. 944 p. (In Sanskrit and Russ.).

Muzraeva D. N. A Xara Kele Text from O. M. Dordzhiev’s Collection. *Mongolian studies*. 2018. Vol. 10. No. 2. Pp. 71–85. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85

Muzraeva D. N. Revisiting One Anti-Backbiting Text from Archives of Kalmyk Scientific Center (RAS): A Case Study of Materials Submitted by E. B. Ubushiev. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2021. No. 4. Pp. 62–71. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-62-71

Ochirov N. Yorels, Harals and Connected with the second Ritual “Hara Kele Utulgan” among the Kalmyks. In: Selected Works of Nomto Ochirov. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 33–36. (In Russ.).

Sazykin A. G. Catalogue of Mongolian Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Oriental Studies, RAS. Vol. 2. Moscow: Vost. Lit., 2001. 415 p. (In Mong. and Russ.).

Sazykin A. G. Catalogue of Mongolian Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Oriental Studies, RAS. Vol. 3. Moscow: Vost. Lit., 2003. 280 p. (In Mong. and Russ.).

УДК / UDC 81' 42:811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-153-164

Концепт «степь» в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»

Галина Борисовна Есенова¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. им. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий специалист

 0009-0004-3001-0100. E-mail: esenovagalina93[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Есенова Г. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена концепту «степь», имеющему важное значение для картины мира калмыков. Цель статьи — изучение реализации концепта «степь» в художественном тексте. Задачи: а) выделение и сравнение значений вербализаторов концепта «степь» в русском и калмыцком языках; б) анализ репрезентации концепта «степь» в тексте романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын». *Материал:* текст романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын», написанный на русском языке в 1925 г. *Методы исследования:* лексико-семантический и контекстуальный анализ языковых единиц, сравнительный анализ языковых данных. *Результаты.* Вербализаторами концепта «степь» в русском языке являются лексемы «степь» и «поле», в калмыцком — *тег, көдә, кеер*. Общими семами актуализаторов концепта «степь» в русском и калмыцком языках являются 'обширность', 'бескрайность', 'пустынность'. *Выводы.* В тексте романа-хроники используются разнообразные изобразительно-выразительные средства русского языка, раскрывающие характерные признаки концепта «степь». «Степь» описывается как тип местности, для которого характерны обширность, бескрайность, пустынность, однообразие. Безлюдное, огромное, необжитое степное пространство способствует образованию в сознании героя чувства одиночества, ненужности, заброшенности, влияет на его мироощущение. Это дает основание считать, что в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» «степь», осмысленная художественно, становится топосом, отражающим психологическое состояние героя.

Ключевые слова: калмыки, концепт «степь», роман-хроника А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»

Благодарность. Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Аксиологический аспект картины мира калмыков» (№ 23-28-00790, <https://rscf.ru/project/23-28-00790/>).

Для цитирования: Есенова Г. Б. Концепт «степь» в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 153–164. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-153-164

The Concept of “Steppe” in the Novel-Chronicle by A. M. Amur-Sanan “Mudreshka’s Son”

Galina B. Esenova¹

¹ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, A. S. Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist

 0009-0004-3001-0100. E-mail: esenovagalina93[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Esenova G. B., 2023

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the concept of “steppe”, which is important for the Kalmyks' worldview. The *purpose* of the article is to study the implementation of the concept of “steppe” in a literary text. *Tasks:* a) identification and comparison of the meanings of the verbalizers of the concept “steppe” in the Russian and Kalmyk languages; b) analysis of the representation of the concept «steppe» in the text of the novel-chronicle by A. M. Amur-Sanan “Mudreshka’s Son”. *Material:* the text of the novel-chronicle by A. M. Amur-Sanan “Mudreshka’s Son”, written in Russian in 1925. *Research methods:* lexical and semantic analysis of linguistic units, comparative analysis of the linguistic data obtained. *Results.* The verbalizers of the concept of “steppe” in Russian are the lexemes “steppe” and “field”, in Kalmyk — *teg, köödä, keer*. Common senses of the concept actualizers in the Russian and Kalmyk languages are ‘vastness’ and ‘desolation’. *Conclusions.* The text of the chronicle novel uses a variety of visual and expressive means of the Russian language, revealing the characteristic features of the concept “steppe”. “Steppe” is described as a type of terrain characterized by vastness, desolation and monotony. Such a deserted, boundless, uninhabited space contributes to the formation of a feeling of loneliness, uselessness, abandonment in the hero's mind, affects his psychological state. This gives reason to believe that in the chronicle novel by A. M. Amur-Sanan “Mudreshka’s Son”, “steppe”, artistically meaningful, becomes a topos that affects the psychological state of the hero.

Keywords: Kalmyks, the concept of “steppe”, the novel-chronicle of A. M. Amur-Sanan “Mudreshka’s son”

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00790 «Axiological aspect of the Kalmyks' worldview».

For citation: Esenova G. B. The Concept of “Steppe” in the Artistic Space of the Novel-Chronicle by A. M. Amur-Sanan “Mudreshka’s Son”. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16 (1): 153–164. (In Russ.). DOI: DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-153-164

1. Введение

Необходимость изучения концепта «степь» в творчестве основоположника современной калмыцкой литературы А. М. Амур-Санана обусловлена несколь-

кими причинами. Во-первых, степь, будучи местом проживания калмыков, занимает важное место в языковой картине мира калмыцкого народа. Именно поэтому к теме степи обращаются многие калмыцкие писатели. Так, степь осмысливается в культурно значимых текстах калмыцкой литературы: повести А. М. Амур-Санана «В степи» [Амур-Санан 1987а: 203–333], романе-хронике «Мудрешкин сын» [Амур-Санан 1987б: 15–203], романах А. Б. Бадмаева «Зултурган — трава степная» [Бадмаев 1987], А. Э. Тачиева «Мать солдата» [Тачиев 1981], К. Э. Эрендженева «Береги огонь» [Эрендженев 1986] и др., в стихотворениях Д. Н. Кугультинова «Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!» [Кугультинов 2002: 127], «Зов родного края» [Кугультинов 1997: 34], С. К. Каляева «Мое счастье» [Каляев 2009: 183], Д. Насунова¹ «Здесь ты не встретишь броской красоты» [Насунов 2017: 27], Б. Б. Сангаджиевой «Степь моя» [Сангаджиева 2009: 222], Х. Б. Сян-Белгина «Родная степь» [Сян-Белгин 2009: 191], М. . Хонинова «Им снилась степь в раздолье ковыля» [Хонинов 2010: 179], поэме А. И. Сусеева «Сын степей» [Сусеев 1962: 3–151] и др. Во-вторых, концепт «степь» влияет на формирование индивидуальной картины мира писателей, определяя художественное своеобразие их творчества, особенности психологического портрета персонажей, как, например, в рассказе О. Л. Манджиева «Скачки» [Есенова 2018: 143–159]. В-третьих, значительна роль степи в произведениях А. М. Амур-Санана: не случайно степь вынесена в заглавие его оставшейся незаконченной повести «В степи», которую писатель планировал развить в масштабный художественный роман о калмыках.

Сказанным объясняется наше обращение к исследованию концепта «степь» в знаковом для калмыцкой литературы и творчества А. М. Амур-Санана произведении — романе-хронике «Мудрешкин сын», посвященном жизни калмыков в исторически переломную эпоху (конец XIX – начало XX вв.), период ломки старого родового уклада и становления новой жизни.

2. Материал и методы исследования

Материал исследования — текст романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын», написанный на русском языке в 1925 г. Методы исследования: лексико-семантический и контекстуальный анализ языковых единиц, сравнительный анализ языковых данных.

3. Анализ средств объективации концепта «степь»

3.1. Вербализация концепта «степь» в русском языке

Роман-хроника «Мудрешкин сын» написан на русском языке, поэтому прежде всего необходимо изучить семантику вербализаторов концепта «степь» в русском языке. Мы исходим из результатов, которые были получены предшественниками в ходе лексико-семантического анализа актуализаторов концепта на базе имеющихся лексикографических источников русского языка. Было установлено, в частности, что концепт «степь» определяется как «обширная безлесная равнина, покрытая травянистой растительностью и характеризующаяся: 1) обширностью, горизонтальной протяженностью вдаль и вширь; 2) отсутствием границ, бескрайностью; 3) пустынностью, незагроможденностью пространства» [Маслакова 2009: 125–126].

¹ Джангар Насунов — литературный псевдоним В. И. Насунова.

3.2. Вербализация концепта «степь» в калмыцком языке

Вместе с тем необходимо учитывать то, что автором текста является калмык-билингв, для которого материнским языком был калмыцкий, а русский язык стал средством художественного творчества. В связи с этим нами были рассмотрены значения лексем, актуализирующих концепт «степь» в калмыцком языке.

По данным Словаря синонимов калмыцкого языка, синонимами слова *тег* являются *кеер*, *көдә* [ССКЯ 2002: 93]. К средствам объективации концепта «степь» Словарь языка ойратов Синьцзяна относит и лексему *тала* [СЯОС 2001: 310]. В родственных калмыцкому бурятском и монгольском языках в лексеме *тала* выделяются значения 'поле', 'степь', 'равнина', 'открытое пространство' [БРС 2010: 224; БАМРС 2001: 1234]. По данным словарей калмыцкого языка, в лексеме *тала* не регистрируется значение 'степь', а выделяются семы 'открытое пространство, поле', 'равнина' [КРС 1977: 473; ТСКЯ 2020: 284; ТСКЯ 2022: 134]. Основываясь на данных словарей калмыцкого языка, мы не относим к средствам объективации концепта «степь» лексему *тала*.

3.2.1. *Тег*

Лексикографические источники калмыцкого языка определяют значения лексемы *тег* следующим образом: 'степь', 'поле' [КРС 1977: 488]; 'широкая, ровная местность', 'пустынная местность' [ТСКЯ 2020: 294]; 'широкая, ровная местность', 'пустынная местность', 'степь', 'поле' [ТСКЯ 2022: 162]. В языке ойратов Синьцзяна слово *теег* имеет значения 'степь', 'поле' [СЯОС 2001: 321]. Этимологический словарь монгольских языков не дает соответствий слова *тег* в других монгольских языках, приводит лишь калмыцкое имя существительное, которое гипотетически возводится к «*otege*² (**tege*³-g) калм. *тег* 'степь'; 'трава под снегом'» [ЭСМЯ 2018: 159]. Большой академический монгольско-русский словарь приводит следующие значения слова *тээг*: 'ровная местность', 'степь', 'пустынное место' [БАМРС 2001: 1357]. Бурятско-русский словарь под редакцией К. М. Черемисина [БРС 1973] не содержит информацию о данном слове.

3.2.2. *Көдә*

Значения слова *көдә* словарями калмыцкого языка определяются как 'пустынная местность', 'степь' [КРС 1977: 311]; 'пустынная местность', 'пустынная степь' [ТСКЯ 2020: 183]; 'пустынная местность', 'степь', 'поле' [ТСКЯ 2021: 435]. В языке ойратов Синьцзяна лексема *көдә* дефинируется как 'степь', 'поле', 'открытая местность' [СЯОС 2001: 204]. Лексема *көдә* Этимологическим словарем монгольских языков возводится к *ködege* [**köde*-ge?]. В монгольских языках ей соответствуют халх. *хөдөө(н)*, бур. *хүдөө*, калм. *көдә*, даг. *хүдә* 'сельская местность', 'периферия', 'провинция (не столичная местность)'; 'сельский'; (первоначально лишь места поблизости от населённых пунктов) 'степь', 'поле', 'лес' [ЭСМЯ 2016: 134].

3.2.3. *Кеер*

Лексикографические источники калмыцкого языка определяют значения лексемы *кеер* как: 1) 'необжитые, девственные места', 2) 'степь', 'поле' [КРС 1977: 289]; 'пустынная местность', 'степь' [ТСКЯ 2020: 169]; 1) 'необжитые, девственные места', 2) 'степь', 'поле' [ТСКЯ 2021: 400]. В языке ойратов Синь-

ция лексема *кеере* имеет значение 'степь, открытое поле'. Она образует парное слово *кеере-көддэ* с значением 'безлюдная степь' [СЯОС 2001: 190]. Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *kegere* (**kege*-г-е — суффикс местного падежа) имеет следующие соответствия в монгольских языках: халх. *хээр*, бур. *хээрэ*, калм. *кеер* 'место, удаленное от жилых мест (открытое поле, степь, лес)'. ◇ - Эвк. *кэвэр*, *кэр* 'луг'; 'степь'; 'болото с травой и редкими деревьями'; 'горная тундра' [ЭСМЯ 2016: 112].

По данным словарей, у вербализаторов концепта «степь» в калмыцком языке, помимо значения 'степь', фиксируется значение 'поле'. В калмыцком языке у актуализаторов концепта «степь», кроме того, выделяется значение 'тип местности' с признаками: пустынная ([ТСКЯ 2020: 182; ТСКЯ 2022: 162; ТСКЯ 2021: 435]), широкая ([ТСКЯ 2020: 294; ТСКЯ 2022: 162]), ровная ([ТСКЯ 2020: 294; ТСКЯ 2022: 162]), необжитая ([КРС 1977: 289; ТСКЯ 2021: 400]).

Как установлено исследователями, в русском языке «лексемы „степь“ и „поле“ являются равноправными вербализаторами концепта „степь“» [Маслакова 2009: 124]. В калмыцком языке актуализаторами концепта «степь» являются лексемы *тег*, *кеер*, *көддэ*. Общими семами средств объективации концепта в русском и калмыцком языках являются 'обширность', 'бескрайность', 'пустынность'. Значение 'ровная', которое регистрируется в слове *тег* только в Толковом словаре калмыцкого языка Г. Ц. Пюрбеева, можно считать неосновным. Значение 'необжитая', выделенное в лексеме *кеер* в Калмыцко-русском словаре под редакцией Б. Д. Муниева [КРС 1977: 289] и Толковом словаре калмыцкого языка Г. Ц. Пюрбеева [ТСКЯ 2022: 400], по нашему мнению, близко значению 'пустынная'. Таким образом, можно констатировать сходство толкования значений вербализаторов концепта «степь» в русском и калмыцком языках.

4. Анализ реализации концепта «степь» в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»

4.1. Концепт «степь» в художественном тексте

На основе лексико-семантического анализа вербализаторов концепта «степь» в калмыцком языке было установлено, что в основе понимания калмыками данного концепта лежит представление об открытом, ровном, широком, бескрайнем, пустынном, необжитом типе местности, что соотносится с представлением о степи в русском языке. Ниже рассмотрим реализацию концепта «степь» в художественном тексте.

В тексте романа-хроники для обозначения концепта «степь» используются имена существительные «степь», «поле», «пустыня» (редко). При этом в тексте чаще всего употребляется номинант концепта — лексема «степь». Для обозначения принадлежности объектов и субъектов к концептосфере «степь» в тексте используются производные имена степной, степняк, пустынный.

Контекстуальный анализ вербализаторов концепта показывает, что для характеристики объекта при слове «степь» употребляются согласованные определения, обозначающие такие признаки, как цвет: бурая [Амур-Санан 1987б: 38], масштаб: безбрежная [Амур-Санан 1987б: 167], бескрайняя [Амур-Санан 1987б: 149], бесконечная [Амур-Санан 1987б: 47], огромная [Амур-Санан 1987б: 47], просторная [Амур-Санан 1987б: 158], «пустынность»: голая [Амур-Санан 1987б: 38], безлюдная [Амур-Санан 1987б: 38], безжизненная [Амур-Санан

19876: 140], однообразие: однообразная [Амур-Санан 19876: 147], чувства: тоскливая [Амур-Санан 19876: 119], жуткая [Амур-Санан 19876: 119], безотрадная [Амур-Санан 19876: 38], милая, родная [Амур-Санан 19876: 17], настроение: мрачная [Амур-Санан 19876: 140], этническая принадлежность: калмыцкая [Амур-Санан 19876: 131]. Как видно, художественное осмысление концепта более емкое, оно шире языкового, представленного в семантике актуализаторов концепта «степь» и в русском, и в калмыцком языках.

В большом количестве контекстов лексема «степь» обозначает тип местности. При этом особенности местности конкретизируются через такие характеристики, как «отсутствие людей»: «Кругом расстилалась безлюдная бурая степь» [Амур-Санан 19876: 38]; «вытянутость поверхности»: «Как неустойчивы и непоседливы степные кочующие кибитки с живой бахромой скота, как непрочны контуры подвижных барханов родных протяженно-тоскливых степей...» [Амур-Санан 19876: 119]; «масштаб»: «Степь однообразна, ее просторы бесконечны» [Амур-Санан 19876: 147]; «Отцы (ламы) уезжали под сень тысячелетий, убежденные, что все же предстоят еще века их владычества над этой бескрайней степью, над травяными угодьями и смиренными головами паствы» [Амур-Санан 19876: 149]; «Как бы ни был воинственен калмык, все же степные просторы соблазняют колеблющихся...» [Амур-Санан 19876: 158]; «... безбрежная, покрытая снежным саваном степь» [Амур-Санан 19876: 167]; «И охотники-калмыки в степных просторах выслеживают как чужих зайцев, так и чужой скот» [Амур-Санан 19876: 181]; «открытость»: «Пронзительный зимний ветер... и ночевка в голой степи под открытым небом» [Амур-Санан 1987: 155].

В некоторых контекстах реализуется значение «необжитая, безлюдная местность»: «...далекие безжизненные горизонты, случайные всадники...» [Амур-Санан 1987: 140]. В отдельных фрагментах текста лексема «степь» реализует не только значение «необжитая, безлюдная местность», но и значение «стихия»: «Кругом было жутко: безбрежная, покрытая снежным саваном степь. Казалось, небо и земля слились в одну бесформенную переметающуюся серовато-темную массу» [Амур-Санан 19876: 167]. Отметим, что данное значение является контекстуальным.

Такой признак концепта «степь», как «бескрайность», разнообразно раскрывается в тексте. Используются слова, передающие горизонтальную (вдаль, вширь, во все стороны, далеко, за горизонтом и т. д.), а также вертикальную (ввысь, высоко в небе) протяженность степи. Автор подбирает такие слова, семантика которых передает масштаб степи: «...кругом расстилалась безлюдная бурая степь» [Амур-Санан 19876: 38], «На горизонте вырисовывались силуэты степных курганов, уходящих в голубую бесконечную даль» [Амур-Санан 19876: 47]. Помимо согласованных определений, выраженных именами прилагательными с семантикой масштаба (безбрежная, бескрайняя, бесконечная, огромная, просторная), сравнительный оборот («как небо» [Амур-Санан 19876: 17]), определительное придаточное предложение («где земля с небом сходится» [Амур-Санан 19876: 22]) передают главную характеристику концепта «степь».

Кроме того, в художественном тексте данный признак может раскрываться и через конструкции, передающие возможность обзора горизонта, благодаря отсутствию природных объектов, которые могли бы препятствовать обзору местности с разных сторон: «Я видел вдаль медленно двигавшиеся телеги

крестьян» [Амур-Санан 1987б: 26]; «Вдали, за первой балкой, уже виднелись, словно грибные шапки, ряды калмыцких кибиток» [Амур-Санан 1987б: 47].

Бескрайность степи передается не только через лексику с семантикой масштаба, но через употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах, обозначающих объекты степи: «Мы взлетели на небольшую горку» [Амур-Санан 1987б: 192]; «... между маленьким хуторком, состоявшим из двух-трех землянок...» [Амур-Санан 1987б: 195], а также людей («маленькая детская фигурка» [Амур-Санан 1987б: 24]). На фоне степи, «беспредельной, безграничной, необъятной, огромной, уходящей вдаль, туда, где небо сходится с землей», объекты воспринимаются героем как горка, хуторок из двух-трех землянок, а человек — фигурка.

Одним из признаков концепта «степь» является «пустынность», для передачи которого используется соответствующая лексика (голая, безлюдная, безжизненная, пустынная). Этот признак передается через конструкции с семантикой отсутствия («Огромная, безводная, лишенная путей сообщения калмыцкая степь» [Амур-Санан 1987б: 130]; «Калмык жил в степи, в песках, оторванный от людей» [Амур-Санан 1987б: 139]).

На наш взгляд, данный признак сопряжен с значением «однообразие», которое обозначается чаще всего непосредственно через лексику с семантикой однообразия («Степь однообразна, ее просторы бесконечны» [Амур-Санан 1987б: 147]). Степь с ее одним и тем же пейзажем («Дорога становилась все хуже и хуже... Так повторялось в каждой балке. Путь становился все труднее и труднее. Снег по-прежнему все падал и падал» [Амур-Санан 1987б: 25]) способствует монотонности действий героя: «Я продолжал бежать по степи. Манджик продолжал свой путь, а я все бежал и бежал. Он скрылся из виду, а я все продолжал бежать за ним по степи» [Амур-Санан 1987б: 24]. Впечатление однообразия событий, происходящих с героями в степи, образуется и через использование словосочетания «в конце концов»: «... в Манджикинском аймаке, куда мы в конце концов приехали после посещения ряда других аймаков» [Амур-Санан 1987б: 169].

Пустынная, безлюдная степь с ее огромными размерами отражает психологическое состояние главного героя, формируя ощущение «маленького человека»: «Трава была высокая, коровы высокие, а я был маленький... Люди вокруг меня были тоже высокие ...» [Амур-Санан 1987б: 26]. Маленький мальчик ищет среди окружающих защитника и находит его в лице Манджика. Не в силах проститься с ним, он бежит один по степи, пытаясь догнать своего защитника: «Он скрылся из виду, а я все продолжал бежать за ним по степи. На мое счастье, тетюшка Ботохэ заметила бегущую по дороге маленькую детскую фигурку и вернула меня в родную кибитку» [Амур-Санан 1987б: 24]. Это ощущение сохраняется в подросшем герое, который поступает на работу к князю Гахаеву. Для передачи психологического состояния своего персонажа автор приводит описание обстановки комнаты, в которой оказывается герой, ожидая князя («Наконец мы вошли в очень большую и высокую комнату — высокую-высокую; окна громадные...» [Амур-Санан 1987б: 41]), и называет чувство, возникшее в Антоне в этот момент («Монко ушел и оставил меня одного. Я совсем оробел» [Амур-Санан 1987б: 41]). Для описания состояния «маленького человека» в одном контексте автор использует, с одной стороны, лексику с семантикой масштаба, повтор, а

с другой — слово «один». Благодаря этому, достигается художественная цель — раскрывается психологическое состояние героя.

Масштаб степи формирует в герое, который с детства один в пустынной бескрайней степи пасет чужой скот, чувство одиночества: «Трудно было восьмилетнему ребенку одному в степи пасти целое стадо — свыше полсотни коров» [Амур-Санан 1987б: 26]. Автор передает состояние героя, используя противопоставления: один восьмилетний ребенок — целое стадо, свыше полсотни коров. Огромная степь, заставляющая чувствовать героя «маленьким человеком», и холодное равнодушие окружающих создают в душе Антона чувство «ненужности» («Мы никому не были нужны» [Амур-Санан 1987б: 28]). Чувства одиночества, ненужности, заброшенности усиливаются под влиянием холодной степной непогоды, подталкивая героя принять решение кардинально изменить свою жизнь: «...был холодный пасмурный день. Дул резкий ветер, и шел мокрый снег ... Кругом расстилалась голая, безотрадная бурая степь. Я был одинок... Я решился вступить в борьбу с судьбой ... уйти искать счастья на чужбине» [Амур-Санан 1987б: 38].

Итак, в художественном тексте концепт «степь» вербализуется через разные языковые средства, которые обозначают тип местности с признаками «пустынный», «бескрайний», «обширный», «необжитой» и т. д. В тексте используются слова и выражения, отражающие индивидуально-авторское осмысление концепта, которые передают чувства и настроение героя, мотивированные степью. Степь отражает на психологическое состояние героя, формирует его мироощущение («маленький человек», «одинокий», «никому не нужный»).

4.2. Средства и приемы реализации концепта «степь»

Для изображения степи А. М. Амур-Санан использует разные лексико-грамматические средства русского языка и изобразительно-выразительные приемы.

Автор создает яркий живой мир степи, изображая степь во всем ее разнообразии. Несмотря на монотонность степного пейзажа, отсутствие на ее поверхности «цепляющих» взор наблюдателя вертикальных объектов в виде гор, деревьев, в изображении А. М. Амур-Санана степь наполнена яркими проявлениями жизни: «...разливалось стрекотанье бесчисленных кузнечиков ... звенели жаворонки, краснели и желтели лепестки тюльпанов и светло-голубые петушки ирисов смешивались с пунцовыми и золотистыми цветами...» [Амур-Санан 1987б: 16–17]. Инверсия, однородные члены акцентируют внимание читателя на пробуждении степной природы. Для изображения живого мира степи писатель использует прием синтаксического параллелизма: «Я любовался, наблюдая, как сквозь свежую прозрачную зелень краснели и желтели лепестки тюльпанов и светло-голубые петушки ирисов смешивались с пунцовыми и золотистыми цветами. Я слушал, как вокруг разливалось мелодичное стрекотанье бесчисленных кузнечиков, а высоко в небе переливчато звенели жаворонки» [Амур-Санан 1987б: 17].

Писатель рисует развернутую картину степи, детализируя ее через описания степной флоры, фауны, насекомых, местности, упоминая такие характерные для степной зоны объекты, как балки, дороги, курганы. При этом картина степи не остается неизменной, она меняется. Отмечается амбивалентность образа: он меняется в зависимости от сезона, времени суток, настроения героя.

Особенно живописно изображается весенняя степь. Красочный пейзаж степи создается благодаря подбору лексических, словообразовательных, синтаксических средств. Эпитеты, прием олицетворения образуют поэтический образ весеннего утра: «Степь только что сбросила с широкой груди ночное покрывало. Загорелось синеокое майское утро. Ветерок лениво рассеивал нежный белесый туман. На горизонте вырисовывались силуэты степных курганов, уходящих в голубую бесконечную даль. Влажный ковер степной травы с пестротканым узором полевых цветов одевал землю в светлый наряд» [Амур-Санан 1987б: 47]. Особую роль в описании степи играют повторы, которые усиливают впечатление о необыкновенной красоте степной природы («Кругом — зеленая молодая травка и цветы, цветы...» [Амур-Санан 1987б: 16]). Восхищение красотой пробуждающейся степи передается через риторическое восклицание («Как хороши первые степные цветы!» [Амур-Санан 1987б: 16]). Описание весенней степи окрашено настроением героя, созерцающим красоту весенней степи.

Для изображения картины осенней степи автор использует ряды однородных членов, развернутые определения, метафоры, олицетворение: «Было начало сентября. По выражению калмыков, в это время „наступает ранний период осенней прохлады“, с нею вместе приходит осенняя дремотная усталость. Высоко в небе виснет густо насаженная дробная, появляющаяся с первыми осенними сумерками звездная „Плеяда“, носительница, по нашим поверьям, ключей от зимних холодных ворот. Ночи глубоки и темны. Пестрое небо с тихо мерцающими кострами несчетных звезд уходит бесконечно далеко, но дни продолжают стоять все еще мягкие, нежные, по-осеннему задумчиво-тихие. Усталое от летнего зноя солнце дарит земле прощальный кивок — бабье лето» [Амур-Санан 1987б: 183]. Состояние покоя, отдыха возникает в герое при созерцании осеннего степного пейзажа.

Зимняя степь изображается как безжизненное, мертвое пространство («Кругом было жутко: безбрежная, покрытая снежным саваном степь» [Амур-Санан 1987б: 167]). Такое ощущение создается благодаря употреблению слов с семантикой смерти, ужаса. В одном контексте автор употребляет бессоюзные сложные предложения, которые создают цельность картины степного зимнего пейзажа: «Кругом было жутко: безбрежная, покрытая снежным саваном степь. Казалось, небо и земля слились в одну бесформенную переметающуюся серовато-темную массу» [Амур-Санан 1987б: 167]. В каждом эпизоде, где описывается зимняя степь, используется лексика, создающая неуютную атмосферу угрозы жизни (холод, мороз, стужа, пурга, метель, буран, снег, сугроб, ветер, иней и т.д.).

Итак, автор использует разнообразные лексико-грамматические ресурсы русского языка и изобразительно-выразительные приемы для создания картины степи. Художественный образ степи характеризуется амбивалентностью; благодаря лексическим, словообразовательным, синтаксическим выразительным средствам создается живой мир степи.

5. Заключение

Концепт «степь» в художественном пространстве романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» играет важную роль. «Степь» в тексте раскрывается как местность с характерными признаками «обширность», «бескрайность», «пустынность». Вместе с тем «степь» в романе-хронике обретает

художественное значение, поскольку под ее влиянием формируется психологическое состояние героя: возникают чувства одиночества, ненужности. «Степь» является источником размышлений героя о жизненном пути, поиске счастья — его мироощущения, что дает основание полагать, что в романе-хронике «степь», осмысленная художественно, становится топосом. Описания и степного пейзажа, и объектов степи, и чувств и переживаний героя, выполненные с использованием разнообразных изобразительно-выразительных средств русского языка, в художественном тексте романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» «оязыковляют» ментальное образование «степь».

Сокращения

бур. — бурятский
даг. — дагурский
калм. — калмыцкий
халх. — халхаский
эвк. — эвенкийский

Источники

- Амур-Санан 1987а — *Амур-Санан А. М.* В степи // Мудрешкин сын. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. С. 203–333.
- Амур-Санан 1987б — *Амур-Санан А. М.* Мудрешкин сын. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. С. 15–203.
- Бадмаев 1987 — *Бадмаев А. Б.* Зултурган — трава степная. М.: Современник, 1987. 452 с.
- Каляев 2009 — *Каляев С. К.* Мое счастье // Поэзия Калмыкии: антология. Элиста: Герел, 2009. С. 183.
- Кугультинов 1997 — *Кугультинов Д. Н.* Судьба. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. С. 34.
- Кугультинов 2002 — *Кугультинов Д. Н.* Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. М.: ОГИ, 2002. 127 с.
- Насунов 2017 — *Насунов Д.* Здесь ты не встретишь броской красоты // Избранное. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 27.
- Сангаджиева 2009 — *Сангаджиева Б. Б.* Степь моя // Поэзия Калмыкии: антология. Элиста: Герел, 2009. С. 222.
- Сусеев 1962 — *Сусеев А. И.* Сын степей. Элиста: Калм. гос. изд-во, 1962. 151 с.
- Сян-Белгин 2009 — *Сян-Белгин Х. Б.* Родная степь // Поэзия Калмыкии: антология. Элиста: Герел, 2009. С. 191.
- Тачиев 1981 — *Тачиев А. Э.* Мать солдата. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 206 с.
- Хонинов 2010 — *Хонинов М. В.* Им снилась степь в раздолье ковыля // *Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Стану красным тюльпаном. Элиста: НПП «Джангар», 2010. С. 179.
- Эрендженев 1986 — *Эрендженев К. Э.* Береги огонь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986. 361 с.

Sources

- Amur-Sanan A. M. In the steppe // Mudreshka's Son. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1987. Pp. 203–333. (In Russ.)
- Amur-Sanan A. M. Mudreshka's Son. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1987. 203 p. (In Russ.)
- Badmaev A. B. Zulturgan — Steppe Grass. M.: Sovremennik, 1987. 452 p. (In Russ.)
- Erendzhenov K. E. Take care of the fire. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1986. 361 p. (In Russ.)
- Honinov M. They dreamed of a Steppe in the Expanse of a Feather Bed. In: Honinov M. V., Haninova R. M. I will become a Red Tulip. Elista: Dzhangar, 2010. P. 179. (In Russ.)

- Kalyaev S. K. My Happiness. In: Poetry of Kalmykia: an anthology. Elista: Gerel, 2009. P. 183. (In Russ.)
- Kugultinov D. N. Collected Works in 3 volumes. Moscow: OGI, 2002. Vol. 2. P. 127. (In Russ.)
- Kugultinov D. N. Destiny. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1997. 34 p. (In Russ.)
- Nasunov D. Here you will not meet Catchy Beauty // *Favorites*. Elista: KalmSC RAS, 2017. P. 27. (In Russ.)
- Syan-Belgin Kh. B. Native Steppe // Poetry of Kalmykia: an anthology. Elista: Gerel, 2009. P. 191. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. B. My Steppe // Poetry of Kalmykia: an anthology. Elista: Gerel, 2009. P. 222. (In Russ.)
- Suseev A. I. Son of the Steppes. Elista: Kalmyk State Publishing House, 1962. 151 p. (In Russ.)
- Tachiev A. E. The Soldier's Mother. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1981. 206 p. (In Russ.)

Словари

- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. Т. 3. М.: Academia, 2001. 437 с.
- БРС 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь: в 2 тт. Т. 2. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 636 с.
- БРС 1973 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.
- КРС 1977 — Калмычко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- ССКЯ 2002 — *Монраев М. У.* Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.
- СЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- ТСКЯ 2020 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. 444 с.
- ТСКЯ 2021 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 1. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. 574 с.
- ТСКЯ 2022 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 2. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. 590 с.
- ЭСМЯ 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 3. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.

Dictionaries

- Cheremisov K.M. Buryat-Russian Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1973. 804 p. (In Bur. and Russ.)
- Large academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 volumes. Vol. 2. M.: Academia, 2001. 506 p. (In Mong. and Russ.)
- Large academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 volumes. Vol. 3. M.: Academia, 2001. 437 p. (In Mong. and Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Monraev M. U. Dictionary of Synonyms of the Kalmyk Language. Elista: Dzhangar, 2002. 208 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. Elista: Kalm. Univ., 2020. 444 p. (In Kalm. and Russ.)

- Pyurbееv G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language: in 2 vols. Vol. 1. Elista: RIA «Kalmykia», 2021. 574 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language: in 2 vols. Vol. 2. Elista: RIA "Kalmykia", 2022. 590 p. (In Kalm. and Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevermina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolian Languages: in 3 volumes. Vol. 2. M.: IOS RAS, 2016. 232 p. (In Kalm., Russ., etc.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevermina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolian Languages: in 3 vols. Vol. 3. M.: IOS RAS, 2018. 240 p. (In Kalm., Russ., etc.)
- Shagdarov L.D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary: in 2 volumes. Vol. 2. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Todaeva B. H. Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang. Elista: Kalm. Publishing House, 2001. 493 p. (In Oirat, Kalm. and Russ.)

Литература

- Есенова 2018 — *Есенова Т. С.* Русский язык в Республике Калмыкия. Элиста: Калм. ун-т, 2018. 358 с.
- Маслакова 2009 — *Маслакова Е. В.* Концепт «степь» // Концептосфера А. П. Чехова: сб. ст. / редкол.: Н. В. Изотова (отв. ред.) и др. Ростов н/Д: Южный федеральный ун-т, 2009. 365 с.

References

- Esenova T. S. Russian Language in the Republic of Kalmykia. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2018. 358 p. (In Russ.)
- Maslakova E. V. Concept "Steppe". In: Conceptsphere of A. P. Chekhov / N. Izotova et al. (eds.). Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2009. Pp. 122–137. (In Russ.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies) ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)
Vol. 16, Is. 1, pp. 165–172, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-165-172	

РЕЦЕНЗИИ

УДК / UDC 394

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-165-172

Новый взгляд на национально-государственные преобразования на юге РСФСР: Рец. на: Гунаев Е. А. Национальные автономии Юга России в советский период: территориальное устройство и система управления (на примере Калмыкии) / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 400 с.

Евгений Федорович Кринко^{1,2}

¹ Южный научный центр РАН (41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

² Южный федеральный университет (105/42, ул. Б. Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0003-3008-5626. E-mail: [krinkoef\[at\]gmail.com](mailto:krinkoef[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Кринко Е. Ф., 2024

Аннотация. Рецензия посвящена монографии Е. А. Гунаева (Калмыцкий научный центр РАН) «Национальные автономии Юга России в советский период: территориальное устройство и система управления (на примере Калмыкии)» (Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 400 с.). Монография написана на основе широкого круга источников и литературы, включая 30 дел 6 фондов 3 государственных архивов, 425 публикаций документов и исследований. Е. А. Гунаев выделил три этапа в изменении административно-территориального устройства и системы управления в национальных автономиях Юга России: 1920–1943 гг., 1944–1976 гг., 1977–1991 гг. Каждый этап представлен в отдельной главе монографии. Автор предложил историко-правовой анализ рассматриваемых проблем с упором на изучение нормативно-правовых аспектов. Значительный интерес представляет исследование проблемы правопреемственности между национальными автономиями, воссозданными после реабилитации репрессированных народов, и их национально-государственными образованиями до принудительного выселения. Е. А. Гунаев разграничивает категории континуитета, правопродолжательства и правопреемства, анализирует возможности их использования в рамках рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: национально-государственное строительство в СССР, национальные автономии, Калмыцкая автономная область, Калмыцкая АССР, Е. А. Гунаев, система управления, территориальное устройство

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества, направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.).

Для цитирования: Кринко Е. Ф. Новый взгляд на национально-государственные преобразования на юге РСФСР: Рец. на: Гунаев Е. А. Национальные автономии Юга России в советский период: территориальное устройство и система управления (на примере Калмыкии) / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 400 с. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 165–172. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-165-172

A New Look at National-state Transformations in the South of the RSFSR: Book Review: Gunaev E. A. National Autonomies of the South of Russia in the Soviet Period: Territorial Structure and Management System (using the example of Kalmykia) / resp. ed. K. N. Maksimov. Elista: KalmSC RAS, 2022. 400 p.

Evgeny F. Krinko^{1, 2}

¹ Federal Research Centre Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov Ave., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

² Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-3008-5626. E-mail: krinkoef[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Krinko E. F., 2024

Abstract. The review was devoted to the monograph by E. A. Gunaev (Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences) “National Autonomies of the South of Russia in the Soviet period: Territorial Structure and Management System (on the example of Kalmykia)” (Elista: KalmSC RAS, 2022. 400 p.). The monograph was written on the basis of a wide range of sources and literature, including 30 files from 6 funds of 3 state archives, 425 publications of documents and research. E.A. Gunaev identified three stages in changing the administrative-territorial structure and management system in the national autonomies of the South of Russia: 1920–1943, 1944–1976, 1977–1991. Each stage is presented in a separate chapter of the monograph. The author proposed a historical and legal analysis of the problems under consideration with an emphasis on the study of regulatory aspects. Of significant interest is the study of the problem of legal succession between national autonomies, recreated after the rehabilitation of repressed peoples, and their national-state formations before forced eviction. E.A. Gunaev distinguishes between the categories of continuity, legal continuity and succession, and analyzes the possibilities of their use within the framework of the issue under consideration.

Keywords: Nation-state building in the USSR, national autonomies, Kalmyk Autonomous Oblast, Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic, E. A. Gunaev, control system, territorial structure

Acknowledgments. The publication was prepared within the framework of the Program for Scientific Research on the Ethnocultural Diversity of Russian Society, aimed at strengthening the all-Russian identity 2023–2025.

For citation: Krinko E. F. A New Look at National-State Transformations in the South of the RSFSR: Book Review: Gunaev E. A. National Autonomies of the South of Russia in the Soviet Period: Territorial Structure and Management System (using the example of Kalmykia) / resp. ed. K. N. Maksimov. Elista: KalmSC RAS, 2022. 400 p. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 165–172. (In Russ.). DOI:10.22162/2500-1523-2024-1-165-172

Вопросы национально-государственного строительства в СССР, советской национальной политики и административно-территориального обустройства народов Юга России, особенно Северного Кавказа, не раз являлись предметом обобщающих и специальных исследований (об историографии проблемы подробнее см.: [Бугаев 1978; Бугай и др. 1992; Хлынина 2003; Кринко, Хлынина 2009; Камалдинов 2011; и др.]). Широко разрабатывались в исторической науке и вопросы становления и развития национальной государственности калмыцкого народа (в качестве наиболее крупных исследований можно выделить: [Максимов 2000а; Максимов 2000б; Максимов 2002; Убушаев, Убушаев 2007; Бадмаева, 2017; Максимов, Лиджиева 2017; Максимов 2020; и др.]). Однако крайне редко эти темы совмещались в рамках специальных самостоятельных исследований, за исключением обобщающих трудов, охватывающих материалы по всем регионам страны. Автор рецензируемой монографии во введении объясняет это «тем, что исторически Калмыкия тесно связана с регионом Нижней Волги и в результате хозяйственного развития была отнесена к данному экономическому району. Северный Кавказ составлял самостоятельный регион» [Гунаев 2022: 6]. В то же время в историческом развитии Калмыкии и Северного Кавказа он находит немало общего, обусловленного «ликвидацией автономией репрессированных народов в 1943–1944 гг., депортацией народов в Сибирь и Среднюю Азию, а затем восстановлением автономий в 1957 г. и проблемами реабилитации» [Гунаев 2022: 6]. Необходимость сопоставительных исследований исследователь связывает также с тем, что «Калмыкия и Северный Кавказ относятся к геополитическому ареалу Юга России» [Гунаев 2022: 6].

К этому можно добавить, что, несмотря на принадлежность к разным экономическим районам, Калмыкия и национальные автономии Северного Кавказа прошли через схожие процессы нациестроительства уже в первые советские десятилетия в связи с созданием первых национальных автономий на юге страны и их последующим конституированием. Принудительные выселения калмыков и части народов Северного Кавказа усилили общность их исторических судеб и этапов национально-государственных преобразований. Стремление автора преодолеть присущую не только ряду калмыцких, но и многим другим историкам некоторую ограниченность своих трудов региональными рамками, выполнив исследование на материалах всего Юга России, заслуживает положительной оценки. В то же время следует признать, что ему не всегда удалось достичь паритета в распределении материала между различными автономными образованиями юга РСФСР в советский период. При продолжении исследования в данном направлении определенные перспективы могут быть связаны и с вклю-

чением в компаративный анализ такого региона Юга России, как Крым, тем более что крымские татары также подвергались принудительному выселению, но их национальная автономия после реабилитации не была восстановлена.

Особую значимость рассматриваемые вопросы приобретают в современной историографической ситуации, в значительной степени определяемой отказом от советских стереотипов, появлением новых подходов и широким введением в научный оборот новых источников в изучении национальной политики и практик нациестроительства в СССР и РСФСР. Это обусловлено не только необходимостью «изучения современных этнополитических процессов в национальных регионах Юга Российской Федерации, в основе которых находятся территориальные вопросы» [Гунаев 2022: 5], но и общим переосмыслением советского опыта решения национального вопроса. Как отмечают специалисты: «В настоящее время одной из актуальных задач российской историографии является соединение анализа исторических практик межкультурной интеграции советского полиэтничного общества как уникального антиколониального проекта и штудий, посвященных т. н. „деколонизации“ исторической памяти народов бывшего СССР и его наследия» [Советская 2023: 5]. Опыт создания национальных автономий на Юге России и их последующих преобразований как отражение практической реализации национальной политики Советского государства в этом отношении достаточно показателен.

Автор монографии — кандидат юридических наук Е. А. Гунаев, представляющий Калмыцкий научный центр РАН, первоначально специализировался на вопросах становления и развития конституционного строя Республики Калмыкия в 1990–2000-х гг. [Гунаев 2010]. В последние годы в сфере его интересов оказались вопросы становления национальных автономий Юга России в советский период [Гунаев 2018а; Гунаев 2018б; Гунаев 2019; Гунаев 2021; и др.]. Результатом обобщения исследований в указанном направлении и стала рассматриваемая монография [Гунаев 2022]. При ее подготовке был использован широкий круг историографических и исторических источников, включая документы из фондов Национального архива Республики Калмыкия, а также Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Ставропольского края. Согласно приводимому списку источников и литературы, всего были использованы 30 архивных дел, 425 опубликованных документов, документальных сборников, монографий, статей, справочников и других публикаций.

Краткая характеристика источников и историографии содержится во введении, но и в основном тексте автор не раз обращается к работам своих предшественников. Среди них, в частности, несправедливо забытые труды советских государствоведов о правовой природе национальных автономий, обращение к которым позволяет раскрыть теоретические аспекты проблем советской национальной государственности (см.: [Хлынина 2003: 28–48]). Однако некоторые положения, порой различающиеся в оценках, приводятся без комментариев, что не позволяет судить об авторской позиции в данных вопросах.

Основная часть монографии разделена на три главы по хронологическому принципу. В первой, самой небольшой по объему, рассматриваются особенности становления и развития национальных автономных образований на юге РСФСР в 1920–1943 гг. Немаловажное внимание уделяется автором отражению указанных вопросов, включая статус и формы национальных образований, их

территории, структуру органов и власти и управления, в Конституциях СССР 1924 и 1936 гг., РСФСР 1918, 1925 и 1937 гг., других нормативно-правовых актах первых десятилетий советской власти.

Вторая глава посвящена административно-территориальному устройству и системе управления в национальных автономиях Юга России в 1944–1976 гг. Точкой отсчета здесь выступает упразднение национальной государственности калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей в 1943–1944 гг. Е. А. Гунаев подробно описывает последовавшие за этим преобразования в административно-территориальном устройстве юга РСФСР в 1944–1956 гг. Но значительно больше места занимают вопросы восстановления автономий репрессированных народов в 1957 г. и последующие административно-территориальные преобразования.

В третьей главе исследуются вопросы административно-территориального устройства и системы управления в национальных автономиях Юга России в 1977–1991 гг. Е. А. Гунаев рассматривает отражение указанных вопросов в Конституции СССР 1977 г., Конституции РСФСР 1978 г., в конституциях автономных республик (на примере Конституции Калмыцкой АССР 1978 г.), а также повышение статуса национальных автономий и другие изменения в их административно-территориальном устройстве и системе управления в период «перестройки» и распада СССР.

Работу Е. А. Гунаева отличает глубокий историко-правовой анализ рассматриваемых проблем с упором на изучение их нормативно-правовых аспектов. Как правило, более живая ткань исторического повествования не ограничивается формальными нормами и включает информацию о социальных, экономических и духовных процессах, биографические и другие сведения. Но отсутствие указанных сюжетов и соответствующих материалов в монографии вполне объяснимо тем, что они и не являлись предметом исследования автора. В то же время предложенный Е. А. Гунаевым ракурс в изучении национальных автономий Юга России можно признать успешно реализованным. Историки не всегда уделяют необходимое внимание изменению статуса автономий в связи с нормотворчеством в конституционной сфере.

Несомненный интерес, в частности, представляет исследование правовых аспектов проблемы «правопреемства» национальных автономий, воссозданных после реабилитации репрессированных народов, по отношению к их национально-государственным образованиям, существовавшим до принудительного выселения. Прежде данная проблема рассматривалась «в основном в контексте реабилитации репрессированных народов» [Гунаев 2022: 14]. Е. А. Гунаев разграничивает категории континуитета, правопродолжательства и правопреемства, анализирует возможности их использования в рамках рассматриваемого вопроса. В результате он приходит к выводу о том, что к восстановлению автономий репрессированных народов и их статуса больше оснований имеют быть примененными категории правопродолжательства и правопреемства, но не континуитета, поскольку автономии были ликвидированы, «хотя обоснование ликвидации (упразднения) было юридически ничтожным» [Гунаев 2022: 109, 113–114].

В работе встречаются отдельные опечатки (например, в фамилии советского правоведа К. А. Архипова [Гунаев 2022: 43, 44, 375]) и другие неточности, но их крайне немного. Так, ссылаясь на работы предыдущих исследователей,

автор указывает основной причиной распада Горской АССР «территориальные (земельные) противоречия между населявшими ее народами» [Гунаев 2022: 14]. Однако корректнее было бы говорить о противоречиях не между самими народами, а между отдельными представителями национальных партийно-государственных элит, руководителями национальных автономий, отстаивавшими таким образом их интересы [Кринко 2014]. В целом же монография отличается безукоризненной точностью значительной части используемых формулировок. Содержится в книге немало и ценных сведений справочного характера о национальных автономиях юга РСФСР, статистических сведений о составе ее органов управления в период коренизации и другой полезной информации.

Безусловно, Е. А. Гунаеву удалось предложить новый взгляд на, казалось бы, давно изученную проблему. Значительное количество использованных источников и литературы и их внимательное изучение позволили ему осуществить комплексный анализ рассматриваемой проблемы и прийти к новым результатам и выводам. Предложенное автором как юристом-государствоведом исследование исторических процессов хорошо вписывается в современные тенденции развития гуманитарного и социального знания с присущим им стремлением к междисциплинарности. Все это позволяет считать, что рецензируемая монография будет в полной мере востребована не только историками и этнологами, но и специалистами в области политики и права, исторической географии и других областей знания.

Литература

- Бадмаева 2017 — Бадмаева Е. Н. Исторический опыт формирования и развития органов государственного управления в Калмыкии в 1917–1943 гг. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 241 с.
- Бугаев 1978 — Бугаев А. М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. Историографический обзор // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Вып. II / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: [б. и.], 1978. С. 127–150.
- Бугай, Кудюкина, Хлынина 1992 — Бугай Н. Ф., Кудюкина М. М., Хлынина Т. П. Национальная проблема в историографии российских автономий // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп: [б. и.], 1992. С. 6–43.
- Гунаев 2010 — Гунаев Е. А. Конституционный строй Калмыкии в 90-е гг. XX — начале XXI вв. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 223 с.
- Гунаев 2018a — Гунаев Е. А. Акты конституционного значения в системе управления Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.) // Монголоведение. 2018. № 10(4). С. 50–66.
- Гунаев 2018b — Гунаев Е. А. Калмыцкая автономная область в составе Нижневолжского и Сталинградского краев в 1928–1935 гг.: особенности политико-правового статуса // Magna Adurgit: Historia Studiorum. 2018. № 2. С. 71–80.
- Гунаев 2019 — Гунаев Е. А. Размежевание территорий с Астраханской областью и возвращение населения в период восстановления автономии Калмыкии в 1957–1958 гг.: административно-управленческий и гуманитарный аспекты // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 2(42). С. 207–219.
- Гунаев 2021 — Гунаев Е. А. Правовое регулирование административно-территориального устройства национальных автономий в 1977–1991 гг. (на примере Юга России) // Право: история и современность. 2021. № 3(16). С. 7–16.
- Гунаев 2022 — Гунаев Е. А. Национальные автономии Юга России в советский период:

- территориальное устройство и система управления (на примере Калмыкии). Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 400 с.
- Камалдинов 2011 — *Камалдинов Е. С.* Советская национальная государственность на территории Северного Кавказа в 1917–1924 годы в отечественной историко-юридической науке. Пятигорск — Минеральные Воды: Пятигорск. гос. лингвистическ. ун-т, Московск. открыт. социальн. академия, 2011. 164 с.
- Кринко, Хлынина 2009 — *Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.
- Кринко 2014 — *Кринко Е. Ф.* Горская АССР и ее руководящий состав: из опыта нацестроительства на Северном Кавказе в начале 1920-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 2(10). С. 100–105.
- Максимов 2000а — *Максимов К. Н.* Высшие органы исполнительной власти Калмыкии: история и современность (1918–2000 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 255 с.
- Максимов 2000б — *Максимов К. Н.* История национальной государственности Калмыкии (начало XVII в. — XX в.). М.: Профиздат, 2000. 311 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов 2020 — *Максимов К. Н.* Калмыки и Калмыкия в новейшей истории России. М.: Наука, 2020. 779 с.
- Максимов, Лиджиева 2017 — *Максимов К. Н., Лиджиева И. В.* Калмыкия в XX веке: исторический опыт и его значение. М.: Наука, 2017. 460 с.
- Советская 2023 — Советская национальная политика: критика современного концепта неокolonизма в свете модернизационных процессов в СССР в 1920–1940-е годы. Сб. статей / отв. ред. Д. А. Аманжолова, Т. Ю. Красовицкая. М.: ИРИ РАН, 2023. 288 с.
- Убушаев, Убушаев 2007 — *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Калмыцкий ун-т, 2007. 494 с.
- Хлынина 2003 — *Хлынина Т. П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: МГОУ, 2003. 266 с.

References

- Amanzholova D. A., Krasovitskaya T. Yu. (ed.) Soviet National Policy: criticism of the Modern Concept of Neocolonialism in the Light of Modernization Processes in the USSR in the 1920s–1940s. Col. articles. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 2023. 288 p. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. Historical Experience of the Formation and Development of Government Bodies in Kalmykia in 1917–1943. Elista: KalmSC RAS, 2017. 241 p. (In Russ.)
- Bugaev A. M. The Main Stages of the Formation and Development of the National Statehood of the Peoples of the North Caucasus. 1917–1936. Historiographical Review. Polyakov Yu. A. (ed.). In: From the history of socialist and communist construction in the USSR. Vol. 2. Moscow: [s.n.], 1978. Pp. 127–150. (In Russ.)
- Bugai N. F., Kudyukina M. M., Khlynina T. P. The National Problem in the Historiography of Russian Autonomies. North Caucasus: National Relations (Historiography, Problems). Maykop: [s.n.], 1992. Pp. 6–43. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Acts of Constitutional Significance in the Governance System of the Kalmyk Autonomous Region (1920–1935). *Mongolian Studies (Elista)*. 2018. No. 10(4). Pp. 50–66. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Demarcation of Territories from the Astrakhan Region and the Return of the Population During the Restoration of the Autonomy of Kalmykia in 1957–1958:

- administrative, managerial and humanitarian aspects. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 2(42). Pp. 207–219. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Kalmyk Autonomous Region as part of the Lower Volga and Stalingrad Territories in 1928–1935: features of the political and legal status. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2018. No. 2. Pp. 71–80. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Legal Regulation of the Administrative-Territorial Structure of National Autonomies in 1977–1991. (using the example of the South of Russia). *Law: History and Modernity*. 2021. No. 3(16). Pp. 7–16. (In Russ.)
- Gunaev E. A. National Autonomies of the South of Russia in the Soviet Period: territorial structure and management system (using the example of Kalmykia). Elista: KalmSC RAS, 2022. 400 p. (In Russ.)
- Gunaev E. A. The Constitutional System of Kalmykia in the 90s 20th – early 21st centuries. Elista: KIH RAS, 2010. 223 p. (In Russ.)
- Kamaldinov E. S. Soviet National Statehood in the Territory of the North Caucasus in 1917–1924 in Domestic Historical and Legal Science. Pyatigorsk; Mineralnye Vody: Publishing house of Pyatigorsk State Linguistic University; Publishing House of the Moscow Open Social Academy, 2011. 164 p. (In Russ.)
- Khlynina T. P. The Formation of Soviet National Statehood among the Peoples of the North Caucasus. 1917–1937: problems of historiography. Moscow: MGOU, 2003 p. (In Russ.)
- Krinko E. F. Mountain ASSR and its Leadership: from the experience of nation-building in the North Caucasus in the early 1920s. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*. Electronic scientific journal. 2014. No. 2(10). Pp. 100–105. (In Russ.)
- Krinko E. F., Khlynina T. P. History of the North Caucasus in the 1920–1940s: modern Russian historiography. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the RAS, 2009. 304 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. History of the National Statehood of Kalmykia (beginning of the 17th century – 20th century). Moscow: Profizdat, 2000. 311 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in National Politics, the System of Power and Management of Russia (17–20th centuries). Moscow: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks and Kalmykia in the Modern History of Russia. Moscow: Nauka, 2020. 779 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Highest Executive Bodies of Kalmykia: history and modernity (1918–2000). Elista: Kalmyk Publishing House, 2000. 255 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Lidzhiyeva I. V. Kalmykia in the 20th century: historical experience and its significance. Moscow: Nauka, 2017. 460 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. Kalmyks: Eviction, Return, Revival. 1943–1959. Elista: Kalmyk University Publishing House, 2009. 494 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2024. Т. 16. № 1

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 15.06.2024. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 15.05. Тираж 100 экз. Заказ 04-24.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илипкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илипкина, д. 8